

В. А. Сапронов

**ОСТРОВ,
КУДА НЕ ВЕРНУЛСЯ
МИР**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ



В. А. Сапронов

**ОСТРОВ,
КУДА НЕ ВЕРНУЛСЯ
МИР**

Очерки об Окинаве



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1981

Редакционная коллегия

Л. Б. АЛАЕВ, А. Б. ДАВИДСОН, Н. Б. ЗУБКОВ,
Г. Г. КОТОВСКИЙ, Р. Г. ЛАНДА,
К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель), Н. А. СИМОНИЯ

Ответственный редактор

Д. В. ПЕТРОВ

С $\frac{20901-080}{013(02)-81}$ 146-81. 1905020000

91 (И5)

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1981.

Масса земли, не то серой, не то синей, местами лежала горбатой кучкой, местами полосой тянулась по горизонту. Нас отделяли от берега пять-шесть миль и гряда коралловых рифов. Об эту каменную гряду яростно билась вода, и буруны или расстилались далеко гладкой пеленой, или высоко вскакивали и облаками снежной пыли сыпались в стороны. Издали казалось, что из воды вырываются клубы густого белого дыма; а кругом синее-преснее море, в которое с рифов потоками катился жемчуг да изумруды. Берег темен; но вдруг луч падал на какой-нибудь клочок, покрытый свежим всходом, и как ярко зеленел этот клочок!

И. А. Гончаров. Фрегат «Паллада»

Не одно поколение русских и советских людей восхищалось замечательными картинами природы и жизни Ликейских островов (ныне называемых островами Рюкю) в очерках нашего великого писателя. Он посетил этот чудесный уголок земли в 1854 году во время кругосветного плавания на борту фрегата «Паллада». Целая глава в описании его путешествия посвящена пребыванию на Окинаве — самом большом острове архипелага.

Но с тех пор, как ни странно, лишь очень немногие наши соотечественники посетили эти острова и оставили свои впечатления на страницах книг и журналов. В 1926 году там побывал известный советский зоолог П. Ю. Шмидт. Его перу принадлежит книга «На островах Лиу-Киу» — серия очерков не только о богатом своеобразном растительном и животном мире архипелага, но и о населяющих его людях.

Выжженную и разрушенную войной Окинаву видел в январе 1946 года советский писатель Борис Горбатов. Его рассказ «Лагерь на Окинаве» — яркое свидетельство беззастенчивого хозяйничанья на острове американских оккупантов.

Двадцать шесть лет наиболее интересная для жур-

налистов и исследователей южная часть архипелага Рюкю была практически недоступна советским людям. Лишь в 1972 году, после возвращения Соединенными Штатами административных прав на Окинаву и прилегающие к ней острова Японии, поездки туда стали возможными.

Мне, в то время корреспонденту «Комсомольской правды», посчастливилось работать на международной выставке «Экспо-75 — Мировой океан», проходившей в северной части острова Окинава с июля 1975 по январь 1976 года. За это время накопилось немало впечатлений, которыми я хотел бы поделиться с читателями.

Архипелаг Рюкю дугой протянулся от Японского острова Кюсю на северо-востоке до Тайваня на юго-западе. Он образован из шести групп островов: Осуми, Токара, Амами, Окинава, Мияко и Яэяма. Первые три входят в префектуру Окинава, которую в шутку называют Японией в миниатюре: даже по очертаниям она похожа на основные Японские острова. «Большой землей» в Японии величают четыре главных острова: Хоккайдо, Хонсю, Кюсю, Сикоку. В префектуре «большая земля» — это остров Окинава, самый крупный и густонаселенный.

Если в Японии на Окинаву смотрят как на глухую провинцию, то в этой префектуре медвежьими углами считают группы островов Мияко и Яэяма, расположенные соответственно в 176 и 262 милях от административного центра — города Наха. Всего в префектуре 72 острова, 27 из них совершенно безлюдны, причем некоторые стали необитаемыми за последние годы.

Архипелаг Рюкю представляет собой вершины вулканического горного хребта, часть островов — это бывшие коралловые рифы, поднявшиеся из моря. Неподалеку от тихоокеанского побережья начинается впадина Рюкю, глубина которой достигает семи с половиной километров.

Слово Окинава не местного происхождения. Окинавцы называют свой остров Утина, а себя утинантю. По-японски Окинава значит «веревка на взморье». Остров действительно напоминает веревку, брошенную среди волн. Он настолько узок, что в некоторых местах его нетрудно перейти пешком за полчаса. Зато даже в ав-

томобиле от крайней юго-западной точки — мыса Ара — до маяка на крутом обрыве Каяути-банта, что на северо-востоке, трудно доехать быстрее, чем за четыре часа.

Окинава находится в субтропической зоне, но благодаря омывающему остров теплomu течению Куроисио климат здесь морской тропический. Средняя температура июля 27—28 градусов, а самого холодного месяца — февраля 14—15,5 градусов тепла. Летние муссоны приносят обильные дожди. Немало дождливых дней приходится и на позднюю осень. За год почва получает от 1300 до 2875 миллиметров осадков.

Нельзя, однако, сказать, что природа на Окинаве щедра. Пористая почва быстро впитывает воду, и даже две-три солнечных недели могут вызвать серьезную засуху. За год на префектуру обрушиваются от 12 до 45 тайфунов, нанося немалый ущерб крестьянам и рыбакам.

* * *

Жители островов Рюкю, 455 тысяч, высказывают родство по типу и языку с японцами, но представляют все-таки особую народность с несколько иным физическим типом.

Так писал выдающийся русский советский антрополог и этнограф академик Д. Н. Анучин в своей книге «Япония и японцы», опубликованной в 1907 году в Москве. Этой точки зрения придерживались все русские и советские путешественники, в разные периоды посетившие острова Рюкю: И. А. Гончаров, П. Ю. Шмидт, Б. Л. Горбатов. Не составляет исключения и автор этой книги. Ни мои впечатления от поездок по Окинаве, ни знакомство с работами многих лингвистов и этнографов не дают мне никаких оснований сомневаться в правильности оценки Д. Н. Анучина и для сего дня.

Завершилось ли слияние японского и рюкюского народа в одну нацию — вопрос более сложный. Ответ на него требует специального исследования. Позволю себе высказать лишь ряд соображений. Процесс этот неизбежный, как и естественная ассимиляция в составе Японии этой глухой и отсталой национальной окраины, но по ряду причин развивался он довольно

медленно. Сыграла свою роль и удаленность Окинавы от основных промышленных районов страны — от Токио до Нахи корабли добирались в течение двух суток. Крупный капитал не строил в префектуре сколько-либо значительных предприятий, которые бы связали ее с общенациональным рынком. До войны она была аграрным придатком японской экономики и местом сбыта, по свидетельству П. Ю. Шмидта, «всякой завали и гнили». Меж тем, именно бурное развитие экономических связей и формирование единого рынка — основа консолидации разных народов в одну буржуазную нацию. Слабое проникновение на Окинаву промышленников и торговцев отнюдь не способствовало миграции туда населения с других островов. В 1950 году переселенцы составляли лишь 0,3 процента жителей Рюкю. Наконец, почти треть истории префектуры приходится на период американской оккупации, когда там сформировалась своя экономическая система. Прошло уже немало лет с возвращения Японии административных прав на Окинаву, а восстановление хозяйственного единства еще полностью не завершено.

Как бы то ни было, нация и национальность — разные, хотя и взаимосвязанные понятия. Второе — только один из факторов нации, выражающий этническую общность. Многие столетия складывалась рюкюская народность со своим языком, территорией, культурой, хозяйственной жизнью и особенностями национального характера. Несколько десятилетий в составе Японии при том уровне экономических связей и при столь малочисленной прослойке носителей японского языка и культуры мало что могли изменить.

«Долголетнее японское управление наложило свой отпечаток на хозяйственную, политическую и культурную жизнь населения, но несмотря на то, что японские власти проводили жестокую политику ассимиляции, оно в значительной степени сохранило свои бытовые особенности», — отмечал автор историко-этнографического очерка, опубликованного в № 11 журнала «Вокруг света» за 1951 год, Б. А. Александров, который также придерживается точки зрения академика Анучина. Аналогичные мысли высказывают и американские ученые, имевшие после войны наилучшие условия для изучения островов Рюкю. Вот что пишет в своей монографии

«Окинавская религия» У. Лебра: «После аннексии Японией в 1879 году процесс японизации осуществлялся быстрыми темпами, но не зашел настолько далеко, чтобы японская культура стала здесь чем-то более значительным, нежели налетом на базе окинавской».

Из советских исследователей несколько иного мнения придерживается лишь автор историко-этнографического очерка «Рюкюсцы», опубликованного в сборнике «Народы Восточной Азии» (М.—Л., 1965), Ю. В. Ионова. «Рюкюсцы — особая этнографическая группа, живущая в Японии, в прошлом представлявшая собой близко родственную японцам народность, — писала она. — До сих пор, несмотря на далеко зашедшие процессы ассимиляции, рюкюсцы сохранили языковые особенности, национальные обычаи и быт». Судя по тексту очерка, где упоминается о национальных чертах в культуре рюкюсцев, национальных традициях, национальных блюдах, национальных костюмах... автор все же считает их национальным меньшинством. Дело только в терминологии.

В силу уже изложенного возникает вопрос, когда же могла произойти трансформация народности в «этнографическую группу». По словам П. Ю. Шмидта, даже на Амамиосиме по-японски нужно было изъясняться через переводчиков. Но этот остров был присоединен к Японии на 270 лет раньше Окинавы. Через двадцать лет после Шмидта следов этой трансформации не обнаружил на Окинаве Б. Л. Горбатов. Затем были долгие годы американской оккупации. Правда, в последнее время главным образом благодаря телевидению там значительно расширяется сфера применения японского языка.

В упомянутой работе Ю. В. Ионова называет рюкюсский язык диалектом японского. Так ли это? По мнению известного советского этнографа С. А. Арутюнова, его можно считать особым, хотя и близко родственным японскому языком. Вот что писал в своей статье «Рюкюские и японские диалекты» японский исследователь Ю. Уэмура: «Разница между двумя языками настолько велика, что любые из их диалектов взаимонепонятны и никакого промежуточного языка не существует». Он, а также другой известный в Японии лингвист С. Оригути высказываются за наличие японо-рюкюской

языковой семьи. Один из ведущих японских ученых в этой области С. Хаттори признал, что термин «рюкюский диалект» оправдан лишь постольку, поскольку в качестве официального языка на островах Рюкю используется японский. То есть вовсе не по научным критериям.

С другой стороны, не совсем точными представляются понятия окинавская культура и окинавский язык, которыми пользуются американские этнографы У. Лебра, Д. Херринг, Т. Марецки. Население островов Мияко, Яэяма, Амами имеет такие же жилища и хозяйственные постройки, обычаи, например, татуировки у женщин, религиозные верования, носит такую же одежду и по физическому типу не отличается от жителей острова Окинава. Словарный состав диалектов рюкюского языка, на которых говорят на удаленных от Окинавы островах, лишь незначительно расходятся с диалектом Нахи. По данным японского лингвиста И. Нариты, около девяти десятых слов у них общие, хотя фонетические различия делают их взаимонепонятными.

Из научной проблемы вопрос о национальной принадлежности рюкюсцев был превращен правителями милитаристской Японии в мелкую фишку для политической игры. Рюкюсцы с самого начала были объявлены японцами, а их язык диалектом японского языка. Все это должно было оправдать их принудительную японизацию, или, как ее называют в японской литературе, «одинаковизацию». Даже невинные исследования местных искусств и ремесел рассматривались как пропаганда сепаратизма. Кроме того, тезис об отсутствии у японцев родственных народов — один из столпов бредовой теории реакции о их национальной исключительности и превосходстве над всеми прочими нациями. Эти идеи вдалбливались в умы подрастающего поколения и на Окинаве. Многие усвоили, что неяпонцы — люди второго сорта.

Япония не единственная капиталистическая страна, где правящие круги не признают наличия национальных меньшинств. Так, например, обстоит дело во франкистской Испании, так и сейчас продолжают считать во Франции, где статистика делает исключение лишь для Эльзаса и Лотарингии, учитывая в переписях язык их населения.

За подобными примерами необязательно ходить далеко. Достаточно взглянуть на этнографическую карту Российской империи в томе 55 «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона, изданного в 1899 году. Попробуйте отыскать на ней белоруссов или украинцев, когда на заселенных ими районах написано «русские»...

КАМНИ, ЛЕГЕНДЫ И ФАКТЫ

Разрезанная пополам, широкая красно-белая лента легла на горячий асфальт. Все еще держа в руках ножницы, 102-летняя Мадзуру Кокэн первой шагнула под оранжевый шатер Южных ворот выставочного городка «Экспо-75 — Мировой океан». Ей, как старейшей долгожительнице, Окинава доверила почетную миссию его открытия.

Накануне местные газеты всерьез предлагали разделить историю Окинавы на два периода — до 19 июля 1975 года, дня открытия выставки, и после. Считалось несомненным, что международная океанографическая выставка поможет покончить с бедностью и вынесет префектуру в число преуспевающих. Ставка делалась прежде всего на приток туристов с основных островов и из-за рубежа. Не знаю, что думала по этому поводу Мадзуру Кокэн, чья жизнь вместила целый век истории префектуры, полный страданий, лишений и несбывшихся надежд. У нее, судя по всему, было праздничное настроение, и улыбка скрашивала глубокие морщины, оставленные прожитыми годами.

У гидов вскоре установился хороший обычай устраивать друг для друга экскурсии. Мне самому довелось знакомить с нашей экспозицией двух девушек из окинавского павильона. Поэтому, направляясь туда, я вполне рассчитывал на ответную любезность. И не ошибся.

Окинавский павильон стоял прямо на берегу моря — приземистый одноэтажный дом с типичной для рюкюской архитектуры пирамидообразной четырехскатной крышей из красной цилиндрической черепицы. Вход охраняли каменные статуи собакольвов (сиси). Согласно поверью, они защищают дом от злых духов.

Внутри я встретил одну из моих экскурсанток. На девушке было голубое форменное кимоно, почти без рисунка, если не считать крестиков из черных и белых нитей. Не стану пересказывать того, что услышал. Это был захватывающий рассказ о преодолении маленьким народом страшных стихийных бедствий, трудных путешествиях его мореплавателей в дальние страны, формировании культуры, перенявшей многие достижения соседей, но сохранившей свою самобытность. Словом, краткий экскурс в славное прошлое.



Рюкюский собаколев сиси

Сам павильон представлял собой небольшой историко-этнографический музей. Среди экспонатов я увидел погребение 18-тысячелетней давности, старинные глиняные горшки, модели средневековых кораблей, традиционные снасти рыбаков, изображения сцен народных праздников. Никак не были представлены современные достижения префектуры в освоении морских ресурсов и исследования ее океанологов — основная тема всей выставки. Здесь Окинаве нечего рекламировать. Сорок седьмая (последняя в списке) префектура Японии — последняя и по развитию экономики, науки, просвещения, медицинского обслуживания. Почему?

Ответить на вопрос можно, лишь изучив историю этого островного края. Она таит в себе много интересных фактов, но немало их, по-видимому, останется неизвестными: в пожаре второй мировой войны были полностью уничтожены архивы королевства Рюкю, где хранились бесценные документы. В мирные времена, по словам американского историка Джорджа Керра, архипелаг разделял судьбу многих удаленных угол-

ков, слишком маленьких и бедных, чтобы привлекать внимание ученых и журналистов.

С исчезновением главных архивных источников возросло значение дневников и заметок путешественников, посетивших острова в разные времена. Один из наиболее интересных рассказов о королевстве Рюкю принадлежит перу И. А. Гончарова, побывавшего там за четверть века до присоединения его к Японии.

Я любовался тем, что вижу, и дивился не тропической растительности, не теплоту, мягкому и пахучему воздуху — это все было и в других местах, а этой стройности, прибранности леса, дороги, тропинок, садов, простоте одежд и патриархальному, почтенному виду стариков, строгому и задумчивому выражению их лиц, нежности и застенчивости в чертах молодых; дивился также я этим земляным и каменным работам, стоившим столько трудов: это муравейник или в самом деле идиллическая страна, отрывок из жизни древних. Здесь как все родилось, так, кажется, и не менялось целые тысячелетия. Что у других смутное предание, то здесь реальность, чистейшая достоверность. Здесь еще возможен золотой век.

Так писал И. А. Гончаров в 1854 году. Были ли у него основания говорить о том времени на Рюкю как о «золотом веке»? Действительно ли остановилось здесь время? Расстанемся на время с Гончаровым и перелистаем первые страницы истории острова.

В литературе встречаются две легенды о сотворении Окинавы, и обе они связаны с крошечным островком Кудака, расположенным в трех милях от ее самой южной точки — полуострова Тинэн. Как утверждает первая легенда, там поселились божественные брат и сестра — Синери-кю и Амами-кю. Пролетавший ветер занес семя жизни к Амами-кю, и она родила трех детей. Старший сын стал первым правителем рюкюсцев, дочь — первой жрицей, а младший сын — первым крестьянином. Огонь, необходимый для приготовления пищи, они добыли во дворце дракона, на морском дне. С Кудаки люди переселились на Окинаву и другие острова, чтобы наслаждаться плодами своего труда и давать жизнь новым поколениям.

Другая легенда, повторяя начало первой, далее говорит, что люди долгое время жили в пещерах и на полях. Среди них появился «божественный внук» (тэн-тэйси), у которого было три сына и две дочери. Первый сын основал династию Тэнсонов, второй стал князем, а третий — первым крестьянином. Старшая дочь

стала первой верховной жрицей, а младшая — жрицей общины (нуру).

Примечательно, что вторую легенду распространял и поддерживал королевский двор. Навязывая подданным идею о божественном происхождении трона, князей, жриц и о предначертанной богами доле земледельца, он рассчитывал укрепить свою власть. Небезынтересно, что обе легенды говорят не о переселении людей с каких-то далеких земель, а о возникновении жизни непосредственно на островах Рюкю. Вероятно, это обстоятельство свидетельствует о долгой изоляции рюкюсцев от других народов. В пользу такого предположения говорит и миф о «дороге к земле богов».

Я вспомнил этот миф, когда смотрел на удалявшийся берег из иллюминатора самолета, взявшего курс на Токио. Не было видно той самой черточки, где кончается море и начинается небо. Сплошная голубая масса прерывалась только высокими шапками облаков, издали походивших на заснеженные вершины гор. Земля с густыми темно-зелеными джунглями, красными пирамидами крыш крестьянских хижин, правильными квадратиками полей сахарного тростника, ярко-желтой линией пляжей, холмами, ощетинившимися рядами ананасовых кустов неумолимо уходила вниз. Постепенно исчезал и контраст между бирюзовыми отмелями и синим глубоководьем. Но еще долго была видна белая нить прибоя, которая то подходила почти к самым громадам береговых скал, то удалялась в открытое море. Это волны встречали на своем пути коралловые рифы, со всех сторон окружившие Окинаву. (Когда-то очень давно рюкюсцы верили, что далеко за горизонтом лежит прекрасная земля богов «Нирай канай», откуда к людям приходит счастье. Рифы они считали дорогой, ведущей на эту землю.)

Развитие мореплавания уже давно поколебало веру в сказочную землю богов. Чуть более трехсот лет назад рюкюские короли перестали совершать регулярные паломничества на «колыбель человечества» — Кудаку. Остров не считается живописным. Тайфуны почти не оставили на нем больших деревьев, на неприветливых скалах нет ни густого кустарника, ни сочной травы.

Археологам не удалось подтвердить мифы о Кудаке научными находками. Самые древние следы пребыва-

ния человека датируются там VIII веком нашей эры, тогда как на полуострове Тинэн культурный слой старше середины II тысячелетия до нашей эры. Самое древнее погребение найдено в местечке Минатогава на юге Окинавы. Ему восемнадцать тысяч лет.

Первые письменные сведения об островах Рюкю появились в начале VII века нашей эры в Китае. Эти острова называли тогда «Землей бессмертных счастливых». Ходили легенды, будто жившие там люди были сделаны из золота и серебра. Но главным, что прельщало китайских императоров, был секрет бессмертия. Экспедиция 607 года закончилась безрезультатно. На следующий год восточные острова были найдены. Однако захваченные там пленники оказались простыми смертными. Первый японский посол в китайской столице определил тогда, что они очень похожи на жителей острова Яку, лежащего к югу от Кюсю.

К 1186 году завершилось объединение всей Окинавы под властью короля Сянтэна. 51 год он правил страной из замка Урасоэ, чьи развалины возвышаются неподалеку от Нахи. Его сын Сямба-Дзюнки унаследовал престол в 1237 году. Он стал известен тем, что впервые ввел в королевстве письменность, за основу которой была взята японская фонетическая азбука (кана). Другим великим достижением монарха была постройка замка Сюри. Марко Поло, находясь в Китае, был первым европейцем, услышавшим рассказы о диковинных островах Рюкю и «бессмертных счастливых».

Многое и сейчас остается неясным в ранней истории королевства. Даты, имена и подробности отдельных событий не могут быть достоверно подтверждены. Несомненно лишь, что к XIV веку сила отдельных князей возросла настолько, что они стали ставить под сомнение прерогативы королевской власти и стремиться к созданию крошечных самостоятельных государств. Это подтверждается множеством феодальных замков, разбросанных по всей Окинаве. Стены их — свидетели давних сражений. Многие стали опорными пунктами японской армии во время жестоких боев последней войны и сильно пострадали от снарядов и бомб. Мало что, например, осталось от замка Одзато (южнее нынешней Нахи): не сохранились старинные жилые постройки.

ки, исчез глубокий колодец, снабжавший осажденных пресной водой.

Некогда море подходило к самым воротам замка Одзато, и его властелин мог принимать купеческие суда и рыбацкие лодки в надежно защищенной гавани. В 1314 году он провозгласил себя королем Нандзана (досл. Южное нагорье) — южной части острова Окинава. Несмотря на сравнительно небольшую территорию и бедность ресурсов, это королевство просуществовало около столетия: настолько сильны были его дружины и крепки стены Одзато.

Замок Накидзин, бывшее владение короля Хокудзана (досл. Северное нагорье), — вернее его развалины, стоят всего в пятнадцати километрах от территории «Экспо». Во время праздника бон (поминание усопших предков) нам сообщили, что в замке состоится главная церемония праздника с ритуальными танцами. Мы не смогли устоять перед соблазном посмотреть такое зрелище.

Шоссе было забито машинами, и добраться до поворота к замку удалось лишь поздно вечером. Дорога петляла, забираясь все выше и выше, и вдруг оборвалась возле широких каменных ворот-торий. Лучи фар уперлись в потемневшие каменные столбы и двойную перекладину, крылья которой выступали метра на два с обеих сторон. Такие ворота в Японии стоят перед каждым синтоистским храмом. Но в замке нет храма. Здесь совершают молебны рюкюские жрицы. Тории поставили для отвода глаз японских властей. За воротами — ни огонька, ни звука. Лишь поблескивали при свете луны развалины ушедших в темноту стен. С высоты крепости был хорошо виден поселок Накидзин, где жили потомки крестьян, некогда гнувших спину на хозяина.

В тот вечер они действительно танцевали, но не в замке, а на широкой площадке возле главной улицы поселка. Посредине была выстроена деревянная башня, на верхнем помосте ее разместились музыканты. Джамисэн, рюкюский трехструнный музыкальный инструмент, обтянутый змеиной кожей, и небольшой барабан наигрывали несложную ритмичную мелодию. И стар, и млад, кто в джинсах, кто в праздничном кимоно, двигались по кругу, останавливаясь время от

времени, чтобы проделать очередные па. Их танец, на мой взгляд, ничем не отличался от рюкюских народных танцев, которые мне приходилось наблюдать на сценах «Экспо». Их исполняют на Окинаве по случаю любого веселья. Дзамисэн и барабан нередко появляются и на полях во время уборки урожая. Может быть, за эту любовь скрашивать нелегкий труд музыкой, песней и танцем прозвали местных жителей «бессмертными счастливыми».

Хозяин замка Накидзин с 1314 года управлял землей большей, чем было у правителей Нандзана и Тюдзана, вместе взятых [Тюдзаном (досл. Среднее нагорье) называли территорию, оставшуюся под властью потомков короля Сюнтэна]. Однако значительную часть Хокудзана составляли покрытые непроходимыми лесами горы. Здесь было немного поселений, так как мало было площади, пригодной для земледелия. Тем не менее выход из-под власти центрального правительства Нандзана и Хокудзана был для него серьезным ударом. Налоговые поступления с этих доменов в казну полностью прекратились. Перестали платить дань и правители мелких островов. Они вполне резонно полагали, что король Тюдзана слишком слаб, чтобы наказать их.

Период феодальной раздробленности закончился во время правления короля Хаси, силой захватившего престол Тюдзана в 1407 году. Формально с 1407 по 1421 год правил отец Хаси, не имевший, однако, никакой реальной власти. Трудно было покорить гористый Хокудзан с неприступным замком его правителя. Как взять Накидзин, не знал ни сам Хаси, ни его полководцы. Согласно легенде, чтобы добыть сведения об укреплениях грозного северного соседа, Хаси направил туда красивую девушку. Но, попав в замок, она полюбила хозяина и родила ему сына. Кажется, операция провалилась. Однако шпионка оказалась верной своему господину и передала ему подробное донесение, а потом вернулась в Накидзин, чтобы умереть вместе с возлюбленным. История датирует покорение Хокудзана 1422 годом.

Хаси значительно расширил и укрепил замок Сюри. Туда из Урасоэ была перенесена резиденция королевской семьи и весь административный аппарат. За-

мок Одзато стоял всего в нескольких километрах от новой столицы, но лишь в 1429 году, воспользовавшись борьбой за престол Нандзана между наследниками короля Таромай, Хаси удалось захватить домен южного соседа. Объединение всей Окинавы под властью Сюри было завершено. Впервые в дипломатических документах появилось упоминание о короле Рюкю. Хаси взял фамилию Сё, и с тех пор ее носили все монархи.

Главным достижением и достоянием Окинавы стало мастерство ее мореплавателей, непревзойденное в странах Дальнего Востока. Для жителей разбросанных на самом краю света островов это умение было так же необходимо, как, скажем, умение ходить. Сами рожденные моряки, рюкюсцы с большим уважением относились к мореплавателям других государств. Если случалось какому-нибудь поврежденному судну пристать к любому из островов, жители снабжали потерпевшего всем, чем могли. Даже в 1854 году, когда иностранные корабли заходили в порты Окинавы довольно часто, рюкюсцы не нарушали обычай безвозмездно пополнять их запасы продовольствия. Об этом пишет, в частности, И. А. Гончаров.

При Хаси порты Томари и Наха были расширены, чтобы обслуживать караваны купеческих судов из других стран. Самый древний из сохранившихся в королевских архивах документов рассказывает о торговых миссиях, посланных в 1419 году в Сиам (ныне — Таиланд) и на Яву. Там говорится, что ранее купцы Рюкю были довольны состоянием торговых отношений с Сиамом, но жадные должностные лица сиамского двора стали препятствовать свободной продаже рюкюских товаров. Посланник Хаси, Какинохана, убедил короля Сиам в необходимости восстановить прежние привилегии для купцов Рюкю. В документе говорилось также о пожаре на рюкюском судне, стоявшем на якоре в сиамском порту, и о том, что король Сиам дал один из своих кораблей, чтобы доставить экипаж на родину.

Рюкюские купцы обычно отправлялись в плавание осенью, когда заканчивался сезон тайфунов. Мимо Мьянмы и Яэмы их суда добирались до берегов Китая и далее шли, не выпуская земли из вида. При попутном ветре они дней через 50 достигали Малакки или Суматры. Лишь весной караван возвращался на родину с

диковинными заморскими товарами. Часто в Наху и Томари приходили не все ушедшие корабли. Некоторые гибли в опасном плавании. Риск был велик, но высоки были и доходы от торговли. По подсчетам японских историков, рюкюские купцы за один сезон имели тысячу процентов чистой прибыли.

Ничто, кроме торговли, не могло так сильно обогатить маленькое королевство. Неудивительно, что правители Рюкю уделяли ей огромное внимание. Чтобы постоянно напоминать людям, чему обязано государство своим процветанием, король приказал отлить огромный колокол с надписью: «Корабли — это средство сообщения со всеми народами; страна полна редких товаров и ценных сокровищ».

Действительно ли Окинава могла заполнять трюмы кораблей партиями первосортных товаров? Деревни прозябали в страшной бедности. Продуктов едва хватало, чтобы протянуть до следующего урожая. Необходимые сельскохозяйственные орудия, сети для рыболовства, одежду делали тут же в деревне. У крестьян не было излишков для продажи, чтобы купить самое необходимое. Князя же не могли разбогатеть от грабежа своих нищих земледельцев.

Среди разгружавшихся в китайских портах окинавских товаров были сера, раковины, медь, ткани, верховые лошади. Португальский путешественник Томэ Пирриш писал в 1512—1515 годах, что рюкюсы производили позолоченные сундуки, прекрасные богато украшенные веера, а также мечи и другие виды оружия. В Малакку, по свидетельствам португальцев, они привозили еще золото, медь, бумагу, фарфор, покрытые лаком и позолотой шкатулки, квасцы, зерно, овощи. Многие из этих товаров купцы приобретали в других странах и перепродавали затем в тридорога.

Наводнялась заморскими товарами и богатела столица Сюри, королевский двор и переселившиеся туда князья. Купеческие суда привозили из других стран и нечто более ценное, чем грузы и деньги: опыт архитекторов, художников, ремесленников. Его жадно впитывала рюкюская культура, успешно развивая при этом национальные традиции.

Немалое влияние на уклад жизни средневековой Окинавы, ее административного устройства, на разви-

тие ее искусства и ремесел оказал соседний Китай — наиболее крупное и развитое государство Дальнего Востока тех времен. Из Китая рюкюсцы заимствовали иероглифы, которыми пользовались в своей письменности наряду с японской слоговой азбукой. Оттуда же были переняты методы строительства, система экзаменов для чиновников, моды, рецепты приготовления многих блюд, а также некоторые догмы конфуцианства.

В очерках, написанных после посещения Окинавы в 1926 году, П. Ю. Шмидт упоминает, например, о прическах, которые носили пожилые рюкюсцы. Есть в его книге фотография старика, чьи волосы уложены на макушке в пучок, проткнутый большой заколкой. Этот обычай был завезен из китайской провинции Фуцзянь, где с 1439 по 1875 год существовало постоянное рюкюское торговое представительство. Сейчас мне не удалось увидеть ни одной такой прически. В прошлом же их носило практически все мужское население Рюкю. Материал, из которого делалась заколка, определялся социальным положением владельца. Золотые сверкали на головах аристократов, мелкая знать довольствовалась серебряными, а простолюдинам предписывались бронзовые, медные или деревянные заколки.

Король Сё Хаси умер в 1439 году. Его потомки правили страной еще 30 лет. Но они не приумножали богатств, а только тратили их на постройки ненужных храмов, роскошные приемы во дворце и военные авантюры. Успешная, но дорогостоящая операция по захвату острова Кикай, предпринятая молодым королем Сё Току, переполнила чашу терпения высших чиновников двора. В результате заговора 1469 года Сё Току был убит, а трон захватил казначей двора Канэмаро, взявший себе имя Сё Эн. Им была основана вторая династия Сё, которая правила островами Рюкю до 1879 года.

В 1477 году Сё Эн умер, и престол перешел к его младшему брату Сё Сэни. Однако вдова покойного короля хотела видеть на троне своего сына и обратилась за содействием к верховной жрице. Та согласилась помочь и вскоре сообщила королю, что боги желают его отречения. Монарх не посмел послушаться и передал свои полномочия племяннику Сё Сину. Именно

В долгие годы его правления королевству удалось достичь наибольшего процветания.

По случаю 30-летия пребывания Сё Сина на троне на территории дворца был воздвигнут монумент, где перечислялись его заслуги.

Вот некоторые из надписей:

Были уменьшены налоги и прекращена борьба между сословиями.

Королевская власть была установлена и укреплена на Яэяме и Мияко.

Было покончено с частным владением и использованием оружия.

По всей стране воцарились закон и порядок.

Сюри стал прекрасен своими парками.

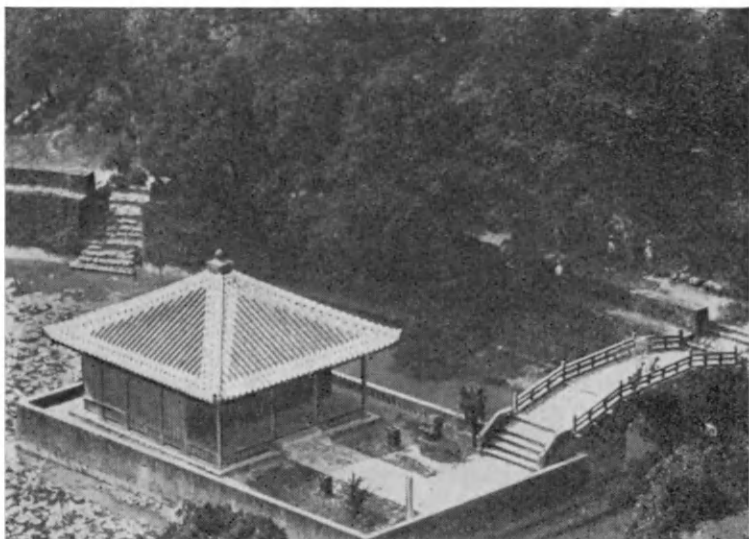
В Сюри были созданы места для увеселений и развлечений.

Во дворце были установлены произведения искусства.

Музыка пользовалась покровительством.

Из перечисленных деяний короля особое значение имела конфискация оружия у удельных князьков и их дружин. Все мечи и копья подлежали хранению в Сюри. Вскоре по приказу короля туда же переехали и сами феодалы вместе с семьями и слугами. Многие из них поступили во дворец на службу и связали свое собственное благополучие с поддержкой центральной власти. Князья продолжали получать доходы с покинутых владений, но главной статьёй наживы стала для них торговля. Переселение потенциальных противников в столицу позволило королю посадить в их владениях своих чиновников и передать им все функции местной администрации. Так в королевстве навсегда было покончено с угрозой внутренних распрей и войн.

Перечень заслуг Сё Сина, несмотря на лаконичность, проливает свет и на другие важные аспекты жизни рюкюсцев. В нем говорится, например, что отдельные сословия вели борьбу за улучшение своего положения и добились облегчения налогового бремени. Можно предположить, что это были волнения крестьян, характерные для всех феодальных государств. Многие путешественники из Западной Европы восторгались мнимой гармонией рюкюского общества, преподносили его в своих книгах как единственный образец государства без классовых конфликтов. «Перечень заслуг» заставляет в этом усомниться. Подати были сокращены, но богатства Сюри приумножались. Развивалась и при-



Храм на пруду Энкан в замке Сюри

носила все больше доходов торговля королевства с другими странами. Это стало возможно благодаря появлению на островах Рюкю, прежде всего в Сюри и Нахе, искусных ремесленников. Они не только подражали лучшим заморским образцам, но и воспроизводили все лучшее, что было в местных традициях и вкусах. Рюкюские ткани и ювелирные изделия высокого качества с изящными оригинальными рисунками завоевали славу далеко за пределами королевства. Страна увековечивала достигнутое могущество и в архитектуре.

Холм королевского замка — главная историческая достопримечательность сегодняшней Окинавы. Профессиональные фотографы предпочитают снимать его главный вход — Ворота вежливости, — когда солнце садится в волны Восточно-Китайского моря. На фоне нижней багровой кромки неба и розовеющих в последних лучах солнца облаков они кажутся огромной сказочной птицей, как бы застывшей на взлете. Четыре колонны с

подпорками, уходящими в землю, похожи на когтистые лапы. Лежащая на них нижняя крыша со вздернутыми углами напоминает раскинутые крылья, а меньшая верхняя — две головы с повернутыми в разные стороны острыми клювами. Но в яркий солнечный день, когда свет играет на цилиндрической черепице и золотой надписи «Страна вежливости» между двумя крышами, ворота поражают легкостью и изяществом. Это сооружение — одно из немногих, что были построены в королевском замке уже после смерти Сё Сина, — в 1554 году. А табличку с надписью прислал королю китайский император в знак признания заслуг рюкюских дипломатов.

За Воротами вежливости прочно вмонтированы в остатки древней стены Ворота священной рощи Сопохян. Под их белокаменными сводами проходила в свое святилище верховная жрица. Рядом убегает вниз в бывшую королевскую резиденцию Адзамадзи широкая, вымощенная коралловыми глыбами древняя дорога, по которой более века тому назад шел в Сюри И. А. Гончаров. Рядом сохранился небольшой пруд Энкан. Посреди его, на островке, соединенном с берегом однопролетным горбатым мостиком, прилепился храмик. Он очень похож на обычные крестьянские хижины — приземистые с пирамидальными черепичными крышами. Его построили специально для хранения буддийских сутр, подаренных корейским королем.

Это все, что осталось на месте дворцового комплекса рюкюских королей. Точнее, то, что удалось восстановить усилиями окинавцев на месте руин второй мировой войны. Нет ни массивных стен замка, ни храма Энкакудзи, ни дворца, ни окружавшей его деревянной ограды, покрытой красным лаком, ни зала приемов, ни казначейства, ни других административных культовых и жилых построек. В развалинах лежит усыпальница правителей второй династии Сё, сооруженная Сё Сином в 1501 году, — Тама Удон. Частично восстановлен храм Согэндзи, где хранились таблички с именами умерших королей. Перед массивными каменными воротами этого храма, также возведенного при Сё Сине, спешивались в знак почтения все всадники, даже сами монархи. Лишь фотографии и рисунки предвоенных лет дают представление о высочайшем мастерстве средневековых рюкюских зодчих.

Блеск золота и великолепие дворцов были немислимы без жестокой эксплуатации крестьян и рыбаков. Низы общества не видели заморских товаров, которые выгружались из трюмов купеческих кораблей. Им запрещалось покидать свои деревни без приказа господина. Они не имели права даже укрываться под зонтиком от палящего солнца и носить обувь.

Мало что известно о жизни простого народа, создававшего славу королевства. О подвигах мореплавателей и тяжелом труде рыбаков рассказывают некоторые разделы сборника произведений рюкюского эпоса «Оморососи», впервые записанного в 1532 году. Туда вошли песни, стихи и молитвы верховных жриц нескольких поколений. Они вобрали в себя все богатство народного фольклора и недаром считаются наиболее ценными литературными памятниками рюкюского средневековья.

Верховная жрица — сестра, дочь, тетка или племянница короля — обладала исключительной властью и авторитетом. Как уже говорилось, сам Сё Син был обязан ей своим восхождением на престол. Король не остался в долгу. Он приказал разбить священную рощу Сопохян и у входа в нее воздвигнуть белокаменные ворота.

Столь большое внимание к Сё Сину вполне оправданно. Созданное им феодальное абсолютистское государство просуществовало без заметных изменений до тех пор, пока не стало префектурой Японии.

В 1511 году пушки португальских каравелл в бухте Малакка возвестили о начале захвата европейцами торговых путей Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. Не в силах подкрепить интересы своих купцов оружием, королевство Рюкю сдавало одну позицию за другой.

Неустойчивым было и политическое положение. Находясь в непосредственной близости от Японии и Китая, крошечная страна могла существовать лишь благодаря искусству своих дипломатов. Ее войску нечего было противопоставить даже расположенному на юге острова Кюсю княжеству Сацума.

Перед экспедицией в Корею, откуда был намечен поход на Китай, известный японский полководец и государственный деятель Тоётоми Хидэёси попросил содействия короля Рюкю Сё Нэя. Однако король не толь-

ко отказался помогать, но и раскрыл планы Хидэёси китайскому императору. Военные действия в Корее в 1592 и 1597—1598 годах проходили неудачно, и после смерти Хидэёси японцы были вынуждены вывести отсюда свои войска.

В последовавшей междоусобной войне японских феодалов победу одержал Иэясу Токугава, который провозгласил себя сёгуном (верховным военачальником). Он благословил князя Сацумы Иэхису Симадзу на карательную экспедицию против королевства Рюкю. В 1609 году войско Сацумы высадилось на Окинаве и разгромило королевскую армию. Сам король был взят в плен и отправлен в Кагосиму. Он вернулся в Сюри лишь через два года, подписав унижительное соглашение, установившее на островах Рюкю тяжелое иго. «Указ Иэхисы Симадзу» передал в руки японского князя внешнюю политику королевства Рюкю и монопольное право контроля над его торговлей с другими странами. Острова Рюкю стали фактически колонией княжества. Ежегодная дань правителям Сацумы, по подсчетам историков, достигала 60 процентов всех доходов королевства. Значительными были и территориальные потери. Сюри лишился островов Йорон, Кикай, Амами и Окинаэрабу.

Поражение в войне 1609 года стало для рюкюского королевства катастрофой, после которой оно не могло оправиться. Наступил период постоянных лишений и упадка во всех сферах жизни общества. Он продолжался 270 лет. Грабеж островов Рюкю княжеством Сацума особенно усилился после издания в Японии в 1633—1636 годах указов, практически запретивших торговлю с зарубежными государствами. Правители княжества получали огромные барыши от коммерческих операций рюкюских купцов. Нет никаких сомнений, что в любой момент Сацума могло аннексировать все острова Рюкю. Но в этом случае княжество потеряло бы важнейший источник доходов. Поэтому оно сохранило всю рюкюскую административную систему и повелело поддерживать прежние отношения с Китаем. Король и его поданные должны были скрывать от иностранцев зависимость страны от Сацумы. При их появлении агенты-японцы, проживавшие в Сюри и Нахе, немедленно удалялись.

Обнищание королевства под гнетом Сацумы хорошо иллюстрирует история его денежного обращения. На островах Рюкю не было меди, и монеты для внутренних расчетов ввозились из-за рубежа. С потерей независимости все привозимые рюкюскими купцами монеты, согласно указу метрополии, немедленно переправлялись в Кагосиму. Королевскому казначейству пришлось перечекивать старые деньги. С каждой такой операцией размер монет уменьшался. К тому времени, когда фрегат «Паллада» прибыл на Окинаву, они представляли собой маленькие тонкие круглые пластинки с дырочкой посередине. Денежной единицей стала связка нескольких монет.

Дворянство постепенно разорялось и пополняло ряды городских ремесленников и художников. Многие дворяне вынуждены были даже поселиться в деревнях и перейти к крестьянскому труду. Еще тяжелей оказалась участь простых земледельцев. Чтобы исправно выплачивать правителям Сацумы ежегодную дань, власти усилили поборы с населения. Большая часть обрабатываемых площадей принадлежала общинам, которые и стали налоговыми единицами. Если кто-либо из крестьян не мог внести свою долю, сделать это за него должен был его сосед.

О колониальном положении королевства и бедствии народа весьма красноречиво свидетельствует описанный И. А. Гончаровым визит градоначальника Нахи на фрегат. В ответ на предложение капитана продавать русским кораблям соль, рис и другие товары он сказал: «Нет, нет! У нас производится всего только для самих себя, и то рис едим мы, старшие, а низший класс питается бобами и овощами».

Буржуазная революция 1867 года в Японии привела к отмене феодальных прав. В 1871 году вместо княжеств были образованы префектуры. Не стало и метрополии рюкюского королевства — княжества Сацума. Новые правители Японии уже не были заинтересованы в фиктивной независимости островов Рюкю. Слабое королевство в любой момент могло стать легкой добычей других держав. Это, в частности, продемонстрировали визиты на Окинаву в 1853 и 1854 годах американской эскадры во главе с командором Перри, без труда навязавшим местным властям соглашения о свобод-

ном пользовании портами, торговле и снабжении кораблей США всем необходимым.

В 1872 году японское правительство объявило королевство феодальным доменом внутри империи, а 27 марта 1879 года его представитель прибыл в Сюри и огласил решение о его ликвидации и учреждении префектуры Окинава. 30 марта король был отправлен в ссылку в Токио, а замок Сюри оккупировало подразделение японских солдат. История королевства закончилась.

БЕДНЫЕ РОДСТВЕННИКИ

Сто лет назад рюкюусцы исчезли. Нет, их не истребили, не разогнали по белу свету и, конечно, не успели ассимилировать. Однако в Японии объявили, что такого народа с его языком, религией и культурой не существует. Есть лишь единая нация. Им предстояло усвоить, что они тоже японцы и подданные императора. Они должны были забыть свою историю, традиции, обычаи и даже язык.

Чтобы подвести под такую политику научную базу, власти подключили к решению национального вопроса на островах Рюкю ученых. Ярким примером «исследований» конца прошлого века стали страницы вышедшего в 1896 году в Токио специального номера журнала «Фудзоку гахо» («Обычаи и нравы»), посвященного населению Окинавы. Перелистывая сегодня эти пожелтевшие страницы, окинавские этнографы не могут не посмеяться над наивными взглядами автора, некоего Таканои. Стремясь доказать, что в общем-то рюкюусцы ничем от японцев не отличаются, он произвольно разжаловал рюкюуский язык в диалект японского и не упомянул даже о существовании местной религии, особенностях семейных отношений, своеобразных ремеслах. Зато он с нескрываемым презрением поведал читателям журнала о некоторых «варварских», с его точки зрения, обычаях.

Политика Токио на Окинаве с самого начала была враждебна местным традициям, обычаям и языку — всему, что стояло на пути полной культурной ассимиляции маленького народа. Провозгласив, что различий между японцами и рюкюусцами не существует, новые

власти старались, чтобы их действительно не было. Главным препятствием для японизации Окинавы они считали местный язык. В самом деле, приехав в 1879 году управлять новой префектурой, японские чиновники могли объясняться без переводчика лишь с немногими аристократами. Изучать местный язык они не желали, мириться с таким положением тоже. И в старых, и во вновь создаваемых школах обучение было приказано вести только на японском. По-рюкюски ученикам запрещалось говорить даже на переменах. Преступившему запрет на голову надевали бумажный колпак, избавиться от которого можно было, лишь передав его другому нарушителю. Из школьных программ оказалась исключенной и местная история, и литература.

Приезжие просветители нередко презирали рюкюсцев как людей второго сорта и открыто заявляли, что, кроме начального образования, им ничего не нужно. Так, например, считал директор префектурального департамента просвещения Кихати Кодама. Занимая одновременно пост директора средней школы в Сюри — единственной во всей префектуре, — он по своей инициативе исключил в 1893 году из программы английский язык. «Для окинавцев — это ненужная роскошь», — объяснил он. В 1895 году ученики бойкотировали занятия. При поддержке местной общественности они добились отставки директора и восстановления преподавания английского языка.

Не стоило, может быть, заострять внимание на событиях такой давности, если б не их прямое отношение к сегодняшней Окинаве. После второй мировой войны прогрессивная общественность приложила немало сил, чтобы поднять уровень образования, но и сейчас он на 30—40 процентов ниже, чем в среднем по Японии: ведь начинать пришлось почти с нуля. В 1941 году там насчитывалось лишь 14 средних школ, 9 профессионально-технических и 2 педагогических училища, не было ни одного высшего учебного заведения. В Токио тогда считали, что для программы японизации начального образования вполне достаточно. Более высоких целей там, судя по всему, не ставили. Плоды дискриминации Окинава пожинает до сих пор. Здесь не хватает ни инженеров, ни агрономов, ни экономистов, ни просто квалифицированных рабочих. Во всей сорок

седьмой префектуре с ее миллионным населением есть лишь чуть более пятисот врачей, которые работают главным образом в больших городах. Поэтому не удивительно, что здесь успешно практикуют более полутора тысяч шаманок.

Не заботились новые власти и об охране памятников прошлого. При строительстве дорог и общественных зданий нередко безжалостно уничтожались шедевры средневековой архитектуры. В 1926 году П. Ю. Шмидт был поражен, не обнаружив на Окинаве ни одного музея. Посетив дворец рюкюских королей, он писал:

Наконец, приходится пройти последние небольшие ворота «Роко-ку-мон» — «ворота водяных часов», на которых в прежние времена определялось водяными часами время и вывешивались сигналы, сообщавшие, который час. Лишь пройдя эти ворота, попадаешь на обширный двор, на котором помещается главное здание дворца и сильно разрушенные и перестроенные пристройки, в одной из которых теперь находится женская школа.

Дворец, довольно большое, двухэтажное здание, с двухъярусной черепичной крышей, также находится в состоянии постепенного разрушения. О прежнем величии его свидетельствует лишь обширная терраса с мраморной балюстрадой и с ведущей к ней широкой мраморной лестницей и покоящееся на четырех колоннах крыльцо, крыша которого украшена резьбой и великолепной фарфоровой головой дракона. Перед лестницей стоят по бокам два очень выразительных, высеченных из мрамора китайских дракона. Внутри дворца — мерзость запустения, ободранные гниющие доски, какие-то лохмотья...

Я попенял своим спутникам за такое небрежение историей страны.

— Да, знаете, от нашего правительства очень трудно получить деньги на сохранение и поддержку лиукийских памятников.. Ведь в народе еще помнят короля, и не все довольны нами и нашими порядками! — откровенно начал один из них, но сейчас же осекся...

Мы поднялись по мраморной лестнице и прошли сквозь мрачные развалины дворца. По другую сторону его находился также широкий двор, и в конце его виднелись чистенькие белые «тории» синтоистского храма, а за ними виднелся и сам храм.

— А вот этот храм в честь японского императора. Он недавно выстроен и содержится хорошо...

Государственная религия империи — синтоизм — также считалась одним из основных орудий японизации. Новые власти лишили верховную жрицу Рюкю ежегодной пенсии, надеясь обезглавить, а затем и полностью вытеснить местные культы. Основа синтоизма — миф о божественном происхождении императора — на-

саждался со школьной скамьи. В каждом классе находилась какая-нибудь синтоистская реликвия. Как и в других районах, на Окинаве синтоизм использовали для разжигания милитаристских настроений. Поэтому особый размах кампании по внедрению этой религии на Рюкю приходится на 20—30-е годы нашего столетия. Города и деревни должны были строить синтоистские храмы и содержать священников. Однако в области религии программа ассимиляции потерпела самое жестокое поражение. По официальным данным, в 1937 году лишь 2 процента окинавцев считали себя приверженцами синтоизма, тогда как 94 процента исповедовали старые культы.

Единообразие с остальными районами империи считалось залогом единства. В качестве примера можно привести дело Ассоциации народных промыслов Японии, которая по собственной инициативе изучала рюкюские ремесла и пропагандировала их в других префектурах. Члены Ассоциации выступали с лекциями, публиковали свои исследования в печати, снимали фильмы. Директор токийского музея народных промыслов С. Янаги призывал окинавских мастеров оставаться верными своим традициям. Однако за симпатии к рюкюским ремеслам Ассоциацию обвиняли в подстрекательстве к сепаратизму. Дважды полиция грубо вмешивалась в дела ее экспедиций на Окинаву.

Рюкюсцы, уезжавшие на заработки в другие районы империи, сталкивались с дискриминацией при найме. Студентам с островов Рюкю отказывали в общежитиях, путешественникам — в гостиничных номерах. Так выглядело на деле провозглашенное властями равенство. Буржуазная пропаганда упорно насаждала в сознании людей национальные предрассудки. Недаром они продолжают жить и по сей день. Среди полицейских на «Экспо» не было ни одного рюкюсца, и я заинтересовался у одного из стражей нашего павильона, в чем дело. «Видите ли, они слишком ленивы и к работе не приспособлены. Им лишь бы где-нибудь в тени полежать. Словом, толку от них никакого», — пояснил он.

С 1879 года и до поражения Японии во второй мировой войне здесь не было ни одного губернатора-рюкюсца. Все они присылались из Токио, и окинавцы ни-

как не могли повлиять на выбор и утверждение кандидатур. Лишь через 33 года после отречения короля Окинава направила в парламент страны первых депутатов, а уравниено ее представительство с другими префектурами было лишь в 1920 году.

Не повезло и окинавской экономике. Другие префектуры быстро развивались, там строились фабрики, заводы, прокладывались железные дороги, Окинава же продолжала оставаться захолустным аграрно-сырьевым придатком. Бедность ресурсов, безграмотность и низкая квалификация большинства населения, нищета отпугивали японских инвесторов, своих же капиталов практически не было. В 1880 году два-три окинавца имели собственность на сумму более 20 тысяч иен. Ведущей отраслью экономики Окинавы стало выращивание сахарного тростника и первичная переработка сахара. Но не слишком сладок был для окинавцев их сахар. Они вкладывали в него свой труд, но прибыли уплывали главным образом в Токио и Осаку — в сейфы крупных компаний, прибравших к рукам сахарную индустрию отдаленной префектуры.

Отсталая Окинава превратилась в рынок сбыта самых недоброкачественных товаров из Японии. Вот что писал об этом П. Ю. Шмидт:

...Город [Наха.— В. С.]— сплошной базар. Вдоль улиц тянутся непрерывной вереницей лавки, полные японских товаров. Рис и соя, дешевая мануфактура, посуда и даже циновки — все привозится из Осаки и Кагосимы, и лишь несколько лавок, торгующих изящными и своеобразными изделиями красного лака, свидетельствуют о том, что на острове имеется и кое-какая собственная кустарная промышленность. Конечно, как всегда, в отдаленную колонию направляется все, что поплоче, всякая заваль и гниль, и все, что устарело и не идет в Японии.

И все же присоединение к Японии имело для островов Рюкю в целом положительное значение. Оно привело к постепенной ломке феодальных отношений и буржуазным преобразованиям. В королевстве 75 процентов земель принадлежали крестьянским общинам, остальные находились в руках знати, королевского двора или были выделены для деревенских жриц. К 1903 году на островах завершилась аграрная реформа, в ходе которой большая часть общинных земель перешла в частную собственность крестьян, были отменены непо-

мерно высокие налоги натурой и система круговой поруки.

Вовлечение в орбиту капиталистического хозяйства Японии объективно способствовало и некоторому экономическому подъему префектуры, возникновению там небольших промышленных предприятий и первых отрядов пролетариата. Трудящиеся рюкюусцы получили широкий доступ не только к более высокой японской культуре, но и к демократическим идеям, приобщились к борьбе японского рабочего класса.

Мир знает немало трагедий второй мировой войны. Одной из наименее известных остается окинавская. По данным «Краткой энциклопедии Окинавы», она стоила жизни 110 тысячам японских, 12 тысячам американских солдат и 130 тысячам мирных жителей. Столько же окинавцев остались инвалидами. 10 апреля 1944 года на Окинаву упали первые бомбы. 1 апреля 1945 года возле Кадэны высадился крупный американский десант. Не встречая на своем пути сопротивления, он перерезал остров на две части. Лишь немногим более тысячи японцев обороняли его северную половину, и к 5 мая американцы овладели ею без особых затруднений. Планы японского командования заключались в обороне до подхода резервов юга Окинавы, превращенного в мощный укрепленный район. Большие надежды японцы возлагали на прочные стены замка Сюри, откуда можно было вести прицельный обстрел на многие километры. Может быть, это и был оптимальный стратегический замысел, но он полностью игнорировал безопасность гражданского населения и поставил под дула пушек все рюкюуские исторические памятники.

Главные сражения развернулись в самом густонаселенном районе острова. Брошенные на произвол судьбы, мирные жители искали спасения в пещерах и склепах. Туда же направлялись в поисках лучших огневых позиций и японские солдаты. Множество пещер было обработано американскими огнеметами после отказа японцев сложить оружие, а выходы взорваны. Растерявшиеся люди попадали под перекрестный огонь двух армий, гибли от их бомб, снарядов и пуль. Те, кто уцелел, и сейчас с дрожью в голосе рассказывают об этом кошмаре.

Четырнадцатидюймовые орудия линкора «Миссиси-

пи» двое суток обрабатывали стены королевского замка. К исходу второго дня обстрела от него остались лишь развалины, которые американцы захватили 31 мая, а 13 июня они овладели Нахой. Пушки смолкли лишь 23 июня, когда из каждой сотни домов на острове уцелело лишь пять. Но мир на Окинаву так и не вернулся.

23 июня префектура отмечает годовщину окончания войны. Тысячи людей приходят в Парк мира в городе Итомане, чтобы почтить память погибших.

«Войну не забыть!» — под таким девизом известный окинавский скульптор Минору Киндзио провел в некоторых городах Японии выставку своих произведений. В центре экспозиции была фигура матери, держащей на руках убитую дочь. Скорбь по павшим, гнев к тем, кто обрек народ на смерть и страдания, — все это присутствует и в остальных работах мастера. Они, отмечала японская газета «Асахи», «проникнуты ненавистью к войне, страстным призывом не допустить повторения ее ужасов».

27 января 1946 года остров Окинава посетил известный советский писатель Борис Горбатов. Он целый день ездил по руинам городов и деревень, но нигде не увидел ни одного жителя. Вот что он пишет в своем очерке «Лагерь на Окинаве»:

Куда исчез этот народ, о котором И. А. Гончаров писал как о народе мирном и трудолюбивом? У этого народа была своя история, своя религия, своя культура — в столице острова был даже университет, я видел его руины*. Многие десятилетия окинавцы («ликейцы», как их называли когда-то) находились под японским игом. Теперь американцы «освободили» их. Но где же они? Где?

Он нашел их в огороженной колючей проволокой деревне, где в страшной тесноте ютились 25 тысяч человек — больных и здоровых.

Они копошились все вместе, в темноте и грязи, в пыли и отбросах. Заражая друг друга, гния, голодая и умирая... Умирая каждый день... молча... безропотно... обреченно. От многочисленного некогда народа окинавцев сохранились уже жалкие остатки.

В павильоне Окинавы на «Экспо-75» я видел небольшую экспозицию, посвященную минувшей войне и

* Очевидно, имеется в виду академия в Сюри, превращенная затем в среднюю школу.

послевоенной разрухе. Там не было ни цифр, ни пространственных пояснительных надписей. Свидетельствовали сами предметы быта того времени: джамисэн, сделанный из пустой консервной банки; светильники из солдатских фляжек; подвенечное платье из парашютного шелка. Все эти вещи рождали у посетителей мысль, что люди даже во времена самых тяжелых испытаний искали и находили пусть маленькие, но все же радости наперекор всему — голоду, болезням, разрухе. Народ продолжал борьбу за жизнь и одержал в ней победу.

«Освобожденная» Окинава снова стала колонией. 27 лет продолжалась американская оккупация. Главный остров префектуры был превращен в «непотопляемый авианосец» — клочок земли среди океана, весь опутанный колючей проволокой военных баз. Отсюда поднимались бомбардировщики, чтобы нести смерть городам и селам Кореи, затем Вьетнама. В карательные экспедиции к чужим берегам отправлялись десантные корабли морской пехоты.

Колониальная политика, как известно, это политика кнута и пряника. Прикладами и штыками сгонялись окинавские крестьяне со своих наделов, отведенных Пентагоном под базы и полигоны. Демонстрации сторонников мира жестоко подавлялись. Чем же подслащали репрессии? В работе «Особенности характера сельского населения Окинавы», опубликованной в подборке материалов Гавайского университета по истории и этнографии островов Рюкю, американский этнограф Томас Марецки отмечает, что для завоевания симпатий окинавцев администрация США пыталась сыграть на осуждении ими дискриминационной национальной политики довоенных японских властей. Продолжая играть роль освободителей, американцы, например, ввели в школах преподавание истории островов. На месте полностью разрушенного американскими снарядами и бомбами королевского замка на американские деньги было построено первое высшее учебное заведение — Университет Рюкю. Оккупационная администрация определенно надежды возлагала на сепаратистски настроенную часть населения. Ее бы полностью устроила фиктивная независимость островов Рюкю при сохранении покровительства США и, разумеется, их военных объектов.

Прогрессивная общественность не питала никаких иллюзий относительно подлинных намерений Вашингтона: с помощью таких маневров притупить возмущение оккупационным режимом и продлить срок его существования. В то же время она использовала благоприятную ситуацию для возрождения национальной культуры. На Окинаве и некоторых других островах были созданы музеи этнографии, искусств и народных промыслов. Большой популярностью пользовался театр в Нахе, дававший представления на исторические и современные темы на рюкюском языке. Появились новые исследования окинавских лингвистов, искусствоведов, историков. Местные органы самоуправления, где большим влиянием пользовались прогрессивные партии (ряд лет они имели большинство в законодательном собрании Рюкю), создали в несколько раз больше средних школ, чем было открыто за все довоенные годы. Надежды военных властей США на сепаратистов не оправдались. Выступавшая за независимость под эгидой США Националистическая партия островов Рюкю имела очень мало сторонников.

«Верните нам Окинаву». Эта песня звенела над многотысячными демонстрациями за прекращение оккупации и воссоединение с Японией. Выступая за это, общественность Окинавы была уверена, что не вернуться сюда мрачные времена господства милитаристов, полукOLONиальный гнет. Ее уверенность основывалась на демократических завоеваниях японского народа в послевоенные годы, возросшем влиянии прогрессивных партий и общественных организаций на политическую жизнь страны. Кроме того, многие окинавцы не без зависти наблюдали за бумом, который переживала японская экономика, и чувствовали себя как бы в вагоне, отцепленном от сверхскоростного экспресса «Хикари».

За годы вынужденной изоляции Окинавы интерес к ней в Японии необычайно возрос. На полках книжных магазинов появилось немало книг об этом близком, но во многом еще загадочном крае. Впервые японские читатели узнали о религиозных верованиях рюкюсцев, их самобытной культуре, традициях, языке. Заново открывая острова Рюкю, многие ученые отказались от воззрений, на которых в прошлом основывалась политика принудительной ассимиляции. Современные лингвисты

и этнографы считают этот маленький, родственный японцам народ и его вклад в культуру Японии достойными изучения. Такой поворот тоже в какой-то степени помешал властям США гальванизировать сепаратистские настроения.

15 мая 1972 года состоялась торжественная церемония передачи Японии административных прав на Окинаву. Однако возвращение было результатом политической сделки между Вашингтоном и Токио. На переговорах совершенно не учитывались интересы окинавцев. Их острова перешли к Японии вместе со всеми американскими базами и полигонами. Более 12 процентов территории префектуры, или более пятой части острова Окинава, по-прежнему обнесены колючей проволокой. Здесь как и раньше развеваются звездно-полосатые американские флаги, правда, теперь рядом с «восходящим солнцем». Сменилась лишь вывеска. Хозяева остались прежние. Пентагон только выиграл, передав ряд функций по защите своих владений японским властям.

Как сообщили 5 декабря 1978 года на пресс-конференции в Нахе заместители Председателя Президиума ЦК Коммунистической партии Японии Коитиро Уэда и Камэдзиро Сэнага, между японским и американским командованием существует официальная договоренность о совместных действиях по подавлению антивоенных выступлений окинавцев. По их словам, в распоряжении КПЯ имеется протокол совместных совещаний представителей командования американской морской пехоты, японских сил самообороны и полиции, проходивших в Нахе в июле — августе 1976 года. Его участники обсуждали вопросы, как общими усилиями подавлять демонстрации и митинги протеста против учений войск США. Японская сторона согласилась выделять на их разгон свыше тысячи полицейских, если же этих сил окажется недостаточно, то предполагалось пускать в дело специальное подразделение американской морской пехоты.

Надежды окинавцев на экономическое процветание не оправдались. Средний доход на душу населения в префектуре Окинава в 1976/77 финансовом году оставался самым низким по стране. Как сообщило Управление экономического планирования Японии, он был в 2,2 раза меньше, чем в столичной префектуре Токио.

Зато там наиболее высокий уровень безработицы. 98 процентов всех ее предприятий — мелкие и средние, другими словами, — лавки и кустарные мастерские. В 1976 году экономика префектуры пережила сокращение доходов на 4,4 процента, в то время как в целом по стране был зафиксирован прирост на 5,7 процента. С мая 1972 года по декабрь 1978 года, отмечала японская газета «Дейли иомиури», правительство израсходовало на развитие Окинавы 1400 миллиардов иен. Не такая уж это большая сумма, если учесть, что значительная часть ее пошла на подготовку к международной океанографической выставке «Экспо-75». К тому же она едва превышает половину одного процента валового национального продукта Японии за год.

Все важнейшие дела префектуры, такие, как строительство новых баз и полигонов, принудительная аренда земли под них, финансы и т. д., решаются в Токио, причем вопреки интересам населения. С 1968 года, после выборов главы правительства Рюкю, в течение десяти лет у власти в префектуре находилась администрация объединенного фронта прогрессивных сил во главе с Коммунистической партией Японии, Социалистической партией Японии и местной Социалистической массовой партией*. Она выступала за ликвидацию всех военных баз, мирное развитие экономики префектуры, предоставление ей автономии. Однако все мероприятия местной администрации сталкивались с упорным противодействием центрального правительства.

Вот как трактует эту проблему американский журнал «Тайм» в опубликованной 13 июня 1977 года статье «Бессмертные несчастливцы»: «Еще в большей степени, чем сохранением американских военных баз, окинавцы разочарованы возобновлением политических связей с Японией. Одна из проблем Окинавы заключается в отсутствии политического родства с Токио. В стране правит консервативная администрация, тогда как в префектуре наиболее влиятельной силой остается Социалистическая массовая партия. За несколько лет до воз-

* Почти все существовавшие в годы оккупации политические партии Окинавы после воссоединения с Японией стали префектуральными отделениями соответствующих японских партий. Префектуральное отделение КПЯ было образовано Народной партией Окинавы 31 октября 1973 года.

вращения Окинавы здесь побывал Такэо Фукуда, в то время генеральный секретарь либерально-демократической партии. Он предложил окинавцам голосовать за консерваторов, если они хотят экономического развития. Его совета не послушались, и с тех пор Фукуда сюда больше не приезжал. Не был здесь ни разу и император Хирохито, за которого так много окинавцев сложили свои головы». В заключение автор статьи писал: «В течение столетий окинавцы терпеливо сносили своих господ — сначала китайцев, затем японцев, потом американцев, а теперь снова японцев. Но их терпению наступает предел».

Национальные противоречия выдвинуты на первый план. Так ли это на самом деле? День 15 мая Окинава отмечает грандиозными антиправительственными демонстрациями и митингами. «Верните нам Окинаву!» — звучат, как и много лет назад, слова популярной песни. Сотни транспарантов со словами «Возвращение Окинавы — обман!», «Долой американские базы!», «Нет! — милитаризации» заполняют Кокусай-дори, центральную улицу Нахи. Прикрыв свои лица масками, выходят на улицу группы рюкюских сепаратистов из так называемой «Народной армии». Лозунги на знаменах и транспарантах призывают к истреблению японцев и провозглашению независимости. Их дела не расходятся со словами. Террористы из этой организации бросали бомбу в наследного принца Японии Акихито незадолго перед открытием «Экспо-75». Несколько дней спустя они совершили диверсию на чилийской военной шхуне «Эсмеральда», которая зашла в выставочный порт. И в том, и в другом случае были тяжело ранены ни в чем не повинные люди. Общественность осудила эти акты. Хотя по данным проведенного в префектуре в 1978 году опроса, 57 процентов окинавцев недовольны возвращением в состав Японии, тактика террора «Народной армии» находит немного сочувствующих. Большинство не считает, что в бедах Окинавы виновны все японцы. Силы мира и демократии видят главного противника в правительстве Либерально-демократической партии (ЛДП), выражающем интересы крупных японских монополий, и борются за свои права совместно с миролюбивой, демократической общественностью всей страны.

Трудовая Окинава выступает вместе с японскими



Демонстрация демократической общественности
на улице Кокусай-дори в Нахе
за мирную Окинаву без военных баз

рабочими и служащими во время их традиционных весенних и осенних наступлений. Мне довелось видеть пикеты бастовавших служащих почт и телеграфа на улицах Кодзы, когда прекратили работу их коллеги на других островах. Во время общенациональных дней антивоенных действий одновременно идут колонны демонстрантов по улицам Токио, Осаки, Хиросимы, Нахи. Когда летом 1978 года правительство Фукуды объявило о намерении принять чрезвычайные законы на случай войны, вместе с миролюбивой общественностью всей страны подняли голос протеста и сторонники мира на Окинаве. По инициативе представителей науки и культуры префектуры на митинге в Нахе был создан Окинавский комитет борьбы против чрезвычайного законодательства. «Окинавцы испытали все ужасы войны на Тихом океане. Жители острова до сих пор помнят бесчинства императорской военщины. Положение окинавцев не улучшилось и после окончания второй ми-

ровой войны, когда архипелаг Рюкю был превращен в важнейший форпост Пентагона на Дальнем Востоке», — говорится в призыве новой организации. Участники митинга выступили за объединение всех слоев населения Японии в общей борьбе против ремилитаризации страны.

В 1976 году губернатором префектуры на четырехлетний срок был избран кандидат всех прогрессивных партий Коити Тайра, а председателем префектурального собрания — представитель Социалистической массовой партии Хидэо Тибана. Однако осенью 1978 года губернатор объявил о намерении уйти в отставку по состоянию здоровья. Выборы нового главы местной администрации были назначены на 10 декабря.

Победу одержал ставленник ЛДП Дзюндзи Нисимэ. Его поддержала Партия демократического социализма, ранее входившая в единый фронт прогрессивных партий. Повлиял на результат выборов и кризис, который переживает СПЯ. Союз социал-демократов, созданный отколовшимися от партии деятелями, выдвинул собственного кандидата, чем существенно ослабил коалицию прогрессивных сил. Большую часть необходимых для победы голосов кандидату от ЛДП принесли, очевидно, его обещания улучшить положение с занятостью и общее состояние экономики путем привлечения монополистического капитала и инвестиций правительства. На наиболее отсталые категории избирателей эти обещания подействовали. Само собой, кандидат прогрессивных сил не мог рассчитывать на деньги монополий и государственной казны.

Время покажет, сменит ли официальный Токио гнев на милость и потекут ли рекой в сорок седьмую префектуру капиталы концернов. Пока перемена политической обстановки используется там для других целей. Уже 14 декабря 1978 года командование дивизии японских сил самообороны решило построить на острове Окинава новый полигон. Японское информационное агентство Киодо Цусин связывает этот шаг с победой ЛДП на выборах. Миролюбивые и демократические силы оказались в более сложных условиях, но они по-прежнему полны решимости бороться за свои цели, за то, чтобы на их земле не было никаких баз полигонов — ни американских, ни японских.

САМЫЙ ТЕСНЫЙ В МИРЕ ГОРОД

«Вы прилетели на Окинаву. Температура воздуха за бортом 28 градусов. Благодарим за внимание». Миниатюрная кареглазая стюардесса в черном берете с кокардой авиакомпании ДЖАЛ повторила эти слова по-японски и по-английски. Через минуту она уже стояла у выхода, рассыпая улыбки и благодарности каждому пассажиру. За дверью самолета телескопический трап соединялся с крытым перроном, поэтому свой первый шаг по окинавской земле я сделал только за зданием аэровокзала.

Более половины приезжих начинает свой путь по острову из аэропорта Нахи. Ежедневно на его взлетной полосе взмывают в воздух и приземляются около 90 лайнеров из Токио, Осаки, Нагои, Мацуямы, Фукуоки, Кумамото, Кагосимы, а также с Гавайских островов, Гуама, Гонконга и Тайваня. Отсюда же на небольшом самолете можно отправиться и на самые глухие острова префектуры.

Аэровокзал поделен на две части. Значительное место занимает компания ДЖАЛ, меньшее — вотчина другой японской авиакомпании АНА. На территории ДЖАЛ разместилась большая часть сувенирных киосков, бар и ресторан. Это я успел рассмотреть, пока в дверце багажного конвейера не показались наши чемоданы. Первыми из зала прибытия вышли трое американцев. Их встретили два офицера в темно-синей форме ВВС. Через остекленный корпус здания было видно, как они сели в защитного цвета автомобиль с надписью на дверце: «US Air Force» (ВВС США).

До возвращения Окинавы Японии аэропорт Нахи был американской военной базой. Сейчас база несколько потеснилась, дав больше места гражданским самолетам, а на ее территории обосновались эскадрильи «Старфайтеров» японских ВВС.

На Окинаву мы прибыли, чтобы работать в советском павильоне на международной выставке «Экспо-75—Мировой океан». Открытие выставки было намечено на 19 июля. Нашу группу встретил прилетевший накануне Володя, шофер микроавтобуса. Через несколько дней ему придется возить нас на работу.

Раздвижная стеклянная дверь раскрылась при на-

шем приближении, и мы вышли на улицу. Воздух показался горячей осязаемой массой. Средняя влажность на Окинаве 79 процентов, и, хотя столбик термометра редко переползает за отметку 30, чувствуешь себя как в настоящей бане. Однако по сравнению с Токио, где июль не прохладнее, здесь гораздо легче переносить жару. Нет режущего глаза едкого скопления копоти, промышленной пыли и бензиновых паров. Эти «блага цивилизации» Окинава еще не познала в полной мере.

Машина тронулась с места и покатила по правой стороне дороги. Во всей Японии движение левостороннее. Долгое время американские военные автомобили были единственным транспортом на Окинаве. Неудивительно, что американцы ввели свои правила движения. Целое поколение водителей выросло при правостороннем движении. Окинавцам не очень-то хотелось расставаться с привычным порядком. Однако по распоряжению правительства 30 июля 1978 года все машины снова двинулись по левой стороне. Только в один тот день полиция зарегистрировала 84 дорожно-транспортных происшествия.

Наш автобус петлял из стороны в сторону, высвечивая фарами подступавшие почти к самой проезжей части ряды колючей проволоки. За ними, ближе к берегу, виднелись нагромождения гигантских черных силуэтов, как будто целый флот вышел из моря на сушу. Впоследствии я узнал, что расквартированная на Окинаве 3-я дивизия морской пехоты держит здесь свои десантные баржи. Во время войны в Индокитае тут был своего рода перевалочный пункт. Постоянно причаливали и отчаливали транспортные корабли, целый день гудели портовые краны, защитного цвета армейские грузовики сновали через ворота. Теперь же баржи, некогда штурмовавшие берега Вьетнама, отлеживаются, словно отдыхая от многолетней войны.

В Наху въезжают со стороны аэропорта по главной магистрали префектуры — государственному шоссе № 58. Титул государственной в Японии может получить только дорога, которая связывает минимум две префектуры. Между тем дальше отвесной скалы Каяутибанта на автомобиле не поедешь. Отсюда можно продолжить путешествие только по воздуху или морем. Однако официально маршрут № 58 заканчивается в го-

роде Кагосима, расположенном в двадцати часах плавания от Окинавы. До сих пор окинавцы не могут привыкнуть к новой нумерации. Как и раньше, они называют дорогу «шоссе № 1», тем более, что и по своему значению, и по качеству она действительно «№ 1».

До возвращения Окинавы Японии американцы не разрешали строить на этой трассе пешеходные эстакады и светофоры. Теперь красными, желтыми и зелеными огоньками путешественнику подмигивают все более или менее важные перекрестки, а возле каждой остановки автобуса выросли голубые пешеходные мосты.

Город появился внезапно после очередного крутого поворота. Слева показались ряды портовых кранов, справа небольшой стадион. Его огни отражались в воде озера Манко. С бухтой озеро соединяет неширокий канал. Переехав через него, мы сразу очутились в городе.

Когда-то очень давно с холмов Сюри открывался вид на небольшую рыбацкую деревушку Наха, которая была расположена посреди острова, отделенного от резиденции монархов нешироким проливом. В 1451 году пролив был частично засыпан. Торговые склады и конторы ростовщиков вытеснили рыбацкие хижины. Королевство торговало со многими странами, и постепенно вместе с увеличением масштабов операций окинавских купцов росли кварталы Нахи. В 1879 году город стал административным центром новой префектуры.

После американских бомбежек на месте кварталов Нахи осталось только пепелище. Но город не только быстро встал из руин, но и вырос. Некогда блистательная столица Сюри была включена в территорию Нахи как один из ее районов. С 1972 года Наха вновь — административный центр префектуры.

С самолета город кажется беспорядочным скоплением двух- и трехэтажных строений с плоскими вопреки традиционному архитектурному стилю крышами. Как скалы среди моря вознеслись многоэтажные конторы иностранных и японских компаний, крупнейшие универмаги и ультрасовременные гостиницы. Таких зданий немного.

Наха — один из самых тесных городов мира. На один квадратный километр здесь приходится свыше 11,5 тысячи человек. Если учесть его малоэтажность, более тес-

ного места не сыскать. На этом клочке земли собралось около трети миллионного населения префектуры. Сюда стекаются в поисках работы жители отдаленных островов, которым зарево огней над большим городом и блеск его витрин кажутся вестниками будущего счастья.

Но расти городу вширь мешает колючая проволока с желтыми табличками. Черные иероглифы и буквы английского алфавита предостерегают: «Осторожно, эта территория охраняется сторожевыми собаками». За проволокой — американские и японские военные базы. Они занимают более четверти «самого тесного в мире города».

Свыше 3,5 квадратных километров отняла у него авиабаза американских ВМС и ВВС. Часть своих ангаров она предоставила в распоряжение японских сил самообороны. Около одного квадратного километра позаимствовал военный грузовой порт с его причалами, кранами, складами, административными зданиями, стоянками автомобилей. С точки зрения навигации занятую им бухту можно считать идеальной. Даже когда море штормит, тут полный штиль. Волны не в состоянии прорваться через узкие вытянутые ворота. Рядом, вдоль шоссе № 58, выстроились склад-рефрижератор и центр бытового обслуживания. В северо-восточной части Нахи вольготно разместился городок для семей военного и обслуживающего персонала огромных складских помещений Макиминато. Проблемы жизненного пространства там не существует. Приземистые коттеджи окружены просторными безупречно подстриженными лужайками. То тут, то там сквозь забор видны детские площадки с качелями, каруселями и песочницами. О такой роскоши дети Нахи могут только мечтать.

Шоссе № 58 — самая широкая улица города. Только по ней можно ехать достаточно быстро. Другие улицы, а в общей сложности для города с трехсоттысячным населением их немного — десятка два, узки. Они забиты транспортом и пешеходами, и двигаться по ним непросто.

Однако в день приезда на Окинаву я об этом еще не знал. Мы промчались по шоссе № 58, и я даже не заметил, как кончился город. Никакого дорожного знака на этот счет не было, а вереницы домов все тянулись и тянулись на многие километры. Лишь по на-

званиям автобусных остановок можно было понять, что проезжаешь уже другие города.

Все дороги Окинавы — автомобильные, морские, воздушные — ведут в Наху. Там же начиналась и единственная на острове железнодорожная линия, полностью разрушенная во время войны.

Выставка «Экспо-75» расположилась на полуострове Мотобу в глухой северной части острова Окинава. Оттуда в «столицу» префектуры можно было попасть за два с половиной часа рейсовым автобусом с пересадкой в городе Наго или по морю. «Ховеркрафт» — судно на воздушной подушке — пролетал 80 километров, разделяющие Наху и Мотобу, за сорок минут. Катер на подводных крыльях — за час, большой теплоход компании «Рюкю кайун» (РКК) покрывал это расстояние за два часа.

В таком коротком плавании даже на большом корабле кают не дают, и мы довольствовались третьим классом. Попробуйте представить себе просторный зал, разделенный двумя проходами, по обеим сторонам которых на небольшом возвышении — отсеки для пассажиров, каждый около двадцати квадратных метров. Друг от друга они отделялись невысокой перегородкой, которая не мешала обитателям всех отсеков смотреть скверно настроенный цветной телевизор, прилепленный к потолку, словно ласточкино гнездо. Ни сидений, ни скамеек — просто ровный, покрытый довольно чистым паласом пол. Некоторые пассажиры сразу же задремали под мерный стук судового двигателя, другие устали в телевизор. Тусклые лампы создавали в салоне полумрак. Неудивительно, что большую часть путешествия нам захотелось провести вне отведенного нам помещения.

Стюардесса любезно согласилась показать каюты. У иллюминатора стоял низенький столик, сесть возле которого можно было только на татами. За ширмочкой виднелись не слишком просторные спальные полки. В трюме оказался зал игровых автоматов, где за стоиеную монету можно было насладиться автогонками, морским и воздушным боем. На верхней палубе пустовал довольно большой ресторан. На следующей палубе у стойки лениво болтали друг с другом не обремененные заботами бармены.

Компания РКК бросила на линию Наха — Мотобу большой корабль и до конца выдерживала по три обещанных рейса в день. Однако даже в лучшие времена суда ходили полупустыми. На наш рейс пришлось едва ли более двух десятков пассажиров, и почти все спасались от августовской жары в обдуваемом кондиционерами салоне.

Нос корабля, словно гигантский плуг, разрезал едва подернутую рябью бирюзу моря и бросал по обе стороны легкий пенистый пласт. Где-то у горизонта возникали и исчезали еле различимые контуры маленьких островков, а с левого борта тянулся берег Окинавы. Сначала высокий, гористый, затем вытянутый в сплошную темную линию, которая то стремительно приближалась, словно стараясь уступами скал достать наше судно, то уходила вдаль.

Наха выросла белыми силуэтами отелей. Их не смогли заслонить даже внушительные пакгаузы военных складов Макиминато. Круто повернувшись, корабль взял курс на порт Томари. Вокруг уже деловито суетились большие и маленькие буксиры. Один из них ловко подхватил наше судно и крепко припечатал его бортом к причалу. Капитан приказал бросить швартовы. Именно вокруг порта Томари, наиболее близкого к Сюри, древней столице Рюкю, выросла Наха. К причалам Томари уже в XV веке спешили суда из Китая, Кореи, Японии, Сиамы, Явы, других дальних и ближних стран.

Сейчас в год здесь швартуется около 5,5 тысячи судов. По сравнению с самолетами они перевозят немного пассажиров, зато доставляют почти все грузы. Тесно бывает в бухте Томари. В Нахе есть другой порт, но большая часть его занята под американскую базу. Все, что разгружают там мощные краны, военные грузовики развозят на склады Макиминато и другие объекты. Общественность и власти Нахи требуют возвращения городу всех занятых под базы земель. Многие транспортные проблемы были бы решены, будь у города двое морских ворот.

В Томари по-настоящему просторно лишь в новом, только что построенном здании морского вокзала. В нем всего один зал, но такой огромный, что туда можно вместить все стоящие возле причала суда. По краям зала — камеры хранения, кассы, закулочные, вереница суве-

нирных киосков, а в середине по бетонному полу свободно курсируют электрокары с прицепами.

Выйдя из здания, мы сразу же взяли такси и направились в центр города. В Нахе, как, впрочем, и в других местах Окинавы, поймать такси не составляет труда. Даже на небольшом острове Иэ конкурируют две таксомоторные компании. Название компании написано черными иероглифами на желтой табличке, прикрепленной над ветровым стеклом. Очень часто встречается надпись «кодзин», говорящая о том, что шофер — владелец и единственный работник фирмы. Все окинавские такси выкрашены в бледно-розовый цвет, и у всех на боку надпись «природный газ». Это топливо значительно дешевле бензина, а заправиться им можно почти повсеместно.

Наш водитель тоже имел табличку «кодзин». Это был пожилой с глубокими морщинами на лбу рюкюсец. На вопросы он отвечал односложно и, судя по всему, не имел желания вступать в разговор. Десятилетиями на острове были только одни белые люди — американцы, поэтому вполне естественно, что и нас повсюду сначала принимали за американцев. Вдоволь походив по улицам окинавских городов, я понял, что значит для этих людей американец. Мальчишки кричат вслед оскорбительные слова на своем языке; если спросишь дорогу, зачастую услышишь «не знаю». Лишь в барах и магазинах, где постоянную клиентуру составляют военнослужащие США, встретишь заискивающие взгляды, подобострастие. Шоферы такси, как правило, замкнуты и насторожены. Довольно часто они становятся жертвами нападений, когда кому-нибудь из заокеанских пассажиров не хватает денег, например, на очередную порцию героина.

Даже в обычное время на шоссе № 58 много машин. Из порта спешат в разные концы острова контейнеровозы, многоосные рефрижераторы. В гул моторов врываються густые выхлопы военных грузовиков. Не успели мы перейти улицу, как перед нами затормозил на красный свет один из них. Из окна высунулась веснушчатая физиономия шофера, и мальчишеский голос спросил по-английски: «Откуда вы?» Видимо, парень удивился тому, что двое из нас были в шортах, а это для военных недопустимо. Грузовик повернул направо, и

еще некоторое время мы смотрели на веснушчатое лицо, выражавшее крайнюю степень удивления.

Написав эти строки, я поймал себя на том, что пошел по истоптанной журналистами тропе. Несколько лет назад многие любили показать читателю, какое изумление вызывало слово «русский» в некоторых, прямо скажем, не самых глухих районах Земного шара. Сейчас этот прием не в моде. Хотя бы потому, что советские люди гораздо чаще выезжают за рубеж по делам или в качестве туристов, и встречи с ними мало кого удивляют. Все-таки я напоминаю об этом эпизоде потому, что Окинава пока еще остается одним из последних медвежьих углов, составляющих исключение из правила. После войны и до возвращения островов Рюкю Японии даже японцы ездили на Окинаву не иначе, как со специальным разрешением.

Мы перешли улицу и оказались возле тянувшейся вдоль нее грязной речушки, куда, судя по запаху, спускаются стоки местной канализации. Небольшой горбатый мостик, переулочек — и из-за угла возникла улица Кокусай-дори. Попав на нее в первый раз, каждый из нас почти наперечет знал, что здесь и где расположено. Чуть ли не половина рекламы местных каналов телевидения заканчивалась адресом специализированного магазина или универсама: Кокусай-дори... Кокусай-дори можно пройти пешком минут за двадцать. По крайней мере, такое впечатление возникает при первом взгляде на карту Нахи. Длина улицы действительно не превышает двух километров. Но преодолеть эту бурную реку людей и автомобилей за двадцать минут невозможно и на автобусе. Проезжая часть дороги прижата к витринам, для пешеходов остается метра два. Между тем создается впечатление, что каждый второй пешеход Нахи в данный момент шагает именно по Кокусай-дори.

На этой улице можно купить... Впрочем, наверное, легче перечислить, чего здесь нет. Через каждые 150—200 метров игральные залы «Патинко» предлагают сделать бизнес. Нужно только ловко орудовать рычажком, отбивая вверх готовый выйти из игры шарик. Горсти стоиенных монет тают у многих игроков в течение нескольких минут. Иногда кто-то выигрывает. «Патинко» в Японии называют однорукими бандитами. В масштабах страны они ежегодно обирают японцев на полмил-

лиарда долларов. Но многие готовы платить за эти минуты азарта, яростной погони за кажущимся близким успехом. Если повезет, можно уйти, скажем, обладателем банки с фруктовым соком или нескольких пачек сигарет. Но как напряженно следят за шариком глаза играющих! В такие мгновения по Кокусай-дори можно провести слона — никто и не заметит.

На улице много не только жителей Нахи, но и приезжих. Туристы с основных Японских островов кошельками закупают виски и коньяк. Часы, авторучки, зажигалки, изделия из жемчуга, кораллов, драгоценных камней и слоновой кости также быстро перекочевывают с прилавков в их сумки.

В течение 27 лет Окинава была для японцев зарубежной страной, и здесь существовала своя система цен. Переделать все сразу слишком трудно. Подъем окинавских цен до японского уровня сначала решено было растянуть на пять лет, а затем и на более длительный срок. Когда открылась выставка «Экспо-75», этот процесс еще только начался, и многочисленные приезжие пытались создать себе запасы. Готовились к предстоящим повышениям цен и окинавцы. Торговля на Кокусай-дори процветала.

Небольшие одноэтажные магазинчики выставили лотки с филиппинскими деревянными ложками, масками из ценных тропических пород древесины, панцири морских черепах, бумажники из кожи ящериц, раковины, кораллы, жемчужные бусы прямо на тротуаре, еще более затруднив передвижение.

Можно подумать, что половина небольших магазинов торговала только сувенирами и крепкими напитками. Было еще несколько обувных лавок, салонов грампластинок и музыкальных инструментов, атакуемых главным образом молодежью. Книжные магазины предлагали дешевые издания в бумажных обложках. Почти всю торговлю одеждой монополизировало несколько многоэтажных универмагов с призывными надписями «распродажа». Столбик термометра показывал около 30 градусов, но до конца лета оставалось несколько дней, и хозяева начали выбрасывать большие партии летнего платья по сниженным ценам. Не встречать же новый сезон с прошлогодними моделями на прилавках!

В дни распродажи магазины гудят, словно ульи.

Далеко не всем окинавцам по карману погоня за модой, и многие предпочитают покупать со скидкой. В универмагах можно одеться и обуться на любой вкус. И все-таки от текущей по Кокусай-дори реке покупателей через пару сотен метров уходят в стороны оживленные рукава. Они текут в торговые ряды многочисленных переулков, где разместились гораздо более скромные лавчонки. Немодную одежду тут выбрасывают зачастую просто в кучу. Ройся, выбирай. Зато те же зонтики и сумки, блистающие в универмаге отделкой и табличкой с солидной ценой, здесь уступят дешевле. Лишь так можно устоять в конкурентной борьбе. А если не устоишь, судьба хозяина лавки predetermined. Работу ему найти практически невозможно. А безработных на Окинаве десятки тысяч. В лавках рады каждому покупателю. К иностранцу, правда, могут отнестись настороженно, но поприветствуйте этих людей по-рюкюски и почти наверняка растопите их сердца. Пусть даже ваш словарный запас состоит из дюжины слов — каждое пригодится.

У дверей кинотеатров — огромные очереди. Идет американский фильм суперужасов «Челюсти». На афишах огромная акула заглатывает женщину. Американские фильмы, как и несколько лет назад, дают не только солидную часть кассовых сборов, но и удерживают ведущее место в формировании сознания молодежи. Вроде бы ничего не изменилось со времен оккупации, лишь за билет надо платить не долларами, а иенами.

Среди афиш Нахи мне довелось видеть и объявления о концертах ансамбля Моисеева и о выступлении артистов Московской государственной филармонии. До 1972 года местные жители об этом могли только мечтать. В ансамбле Моисеева танцует один мой хороший знакомый. Я приехал в Наху специально, чтобы разыскать его в отеле «Экка», поговорить о домашних делах. Мест в гостиницах окинавской «столицы» было тогда немного. Туристский бум, вызванный «Экспо», еще продолжался, и «Экка» взяла себе только часть труппы, поделившись с двумя другими отелями. Эти три здания представляли новое поколение окинавских гостиниц. Многоэтажные, со скоростными лифтами, барами, ресторанами, шикарными, дорогими номерами, они выстроились у порта Томари незадолго до открытия выстав-

ки на полуострове Мотобу. Землевладельцы Нахи решили сделать бизнес на туризме. Отставать не желал никто. В результате вместо 180 гостиниц с 8600 местами, чем располагал город в 1972 году, к открытию выставки у него оказалось 404, способные вместить 34 500 постояльцев. В новый туристский сезон, наступивший вскоре после закрытия «Экспо», гостиницы Нахи были заполнены только на 30—40 процентов. Через месяц уже появились первые банкроты. Хозяин одного разорившегося отеля выбросился из окна на мостовую. Вместе с ним Наха хоронила надежды на быстрое процветание за счет туризма.

Цены на номера упали на 30 процентов, а многие из работавших там людей оказались без средств к существованию. Никто из уволенных, однако, не сводил счетов с жизнью. Их социальное падение не было столь низким, как у хозяев, опьяневших от легкого обогащения, которому, казалось, не будет конца.

Есть в городе район, над которым, в отличие от прочих, как будто не властно ни время, ни экономические потрясения. Это квартал чайных домиков Цудзи. Он возник в XVII веке, был полностью разрушен в 1944 году и вскоре возродился, не потеряв ни своего прежнего облика, ни старинных традиций. Веками гейши Цудзи считались одной из самых низших каст общества.

Как повествует здешняя легенда, однажды дочь богатых и знатных родителей была похищена и обращена в гейшу. Как ни любили ее отец и мать, они не могли поддерживать с ней никаких связей, не рискуя своим положением. Не ставила их под удар и дочь. Однако желание повидаться с родными было слишком сильно, и вот что придумала юная гейша. В двенадцатый день первого месяца лунного календаря она подбила своих подруг пройти по улицам процессией. В городе было объявлено о предстоящем параде гейш, и, когда они в праздничных кимоно появились на улицах, вокруг толпился народ. Шествие поравнялось с трибуной, где среди знатной публики сидели родственники похищенной девушки, и она запела песню, в которой рассказала о своей судьбе. Родители тоже ответили песней. С тех пор гейши Цудзи постепенно получили общественное признание, а их парады проводятся каждый год. Все участницы, одетые в яркие кимоно, собираются у

крыльца знаменитого чайного домика «Под соснами». У каждой на голове повязка в тон кимоно. Женщины идут, пританцовывая под музыку, а в воздух взвиваются церемониальные ленты и веревки, сплетенные из разноцветных шнуров.

Последний автобус уходил в Наго в восемь вечера. В половине восьмого мы уже подходили к мосту Мэйдзи, перекинутому через канал, который соединяет американский военный порт с озером Манко. По ту сторону моста недалеко от берега замерли серебристо-голубые автобусы, доставлявшие пассажиров прямо к воротам «Экспо». Но последний из них отправился в рейс в два часа дня, и сейчас этот автовокзал принимал только пассажиров, возвращавшихся с выставки, обремененных массой впечатлений и всевозможных сувениров.

Другой вокзал отправлял обычные рейсовые автобусы. Здесь совсем не было туристов. С полными сумками уезжали домой жители глубинки. Автовокзал — это тесный замкнутый дворик с расписаниями движения автобусов на специальных столбиках под навесом.

Билетных касс на окинавских автовокзалах нет, а в автобусах нет кондукторов. Все операции по расчету с пассажирами выполняет сам водитель. В салоне только одна дверь — передняя. При входе все берут у водителя талон с номером зоны, в которой находится данная остановка. Над ветровым стеклом, сбоку от шофера, укреплен счетчик. По мере прохождения очередного отрезка пути напротив номеров зон появляются новые цифры. При посадке на конечной станции дается талон с цифрой один, а на счетчике напротив единицы появляется сумма — 40 иен. За эти деньги можно проехать несколько остановок в пределах одной зоны. Проезд через две зоны стоит 60 иен, три — 120 иен... За 80 километров от Нахи до Тогуты мы заплатили по тысяче иен. Для размена бумажных денег рядом с водителем находится небольшое устройство. Он закладывает туда вашу тысячеиеновую бумажку, нажимает на рычаг, и в ящике появляется горсть стоиеновых и десятииеновых монет. Остается только опустить в кассу нужную сумму. Все происходит быстро, операция не задерживает ожидающих на остановке. Мне ни разу

Не довелось видеть переполненных машин и штурмующих их людей.

И еще одна особенность местных автобусов. Все они в одно и то же время и городские, и междугородные. Автобус № 23, например, имеет так много остановок в Нахе, что тратит на пять километров сорок минут. И только час двадцать уходит на следующие 60 километров до города Наго. Столь существенная разница в скорости объясняется еще и тем, что почти все автобусы не минуют Кокусай-дори.

От Окинавы до северного тропика рукой подать, и темнеет там даже в июле в восемь часов. Маленькие переулки и улицы Нахи погружаются во мрак, пробиваемый кое-где редкими фонарями. Ставни всех лавок опущены. Зато на Кокусай-дори — море огней. Неоновое зарево рекламы словно соревнуется в яркости с ослепительным сиянием витрин.

Водитель не объявляет остановок. Он лишь нажимает в нужный момент на кнопку — и динамик воспроизводит записанный на магнитофон девичий голосок. Так мы узнали о том, что город Наха уже позади, а те, кто хочет выйти в Урасозэ, должны нажать на кнопку над сиденьем и не забывать в автобусе свои вещи. Мы напряженно вглядывались в окно, стараясь обнаружить границу «самого тесного в мире города», но мимо проносились лишь вереницы одноэтажных и двухэтажных домов, а со стороны моря бесконечно долго тянулась колючая проволока складов Макиминато.

«С ОКИНАВЫ В РОССИЮ ПОСЫЛАЮ ЛЮБОВЬ!»

Все так же весело играла музыка. По золоченым лучами заходящего солнца улицам спешили люди. Как и полгода назад в день открытия международной выставки «Экспо-75 — Мировой океан», над полуостровом Мотобу было голубое небо, очерченное с одной стороны цепью гор, с другой — ровной линией морского горизонта, берегами островов Иэ, Сесоко и крошечного атолла Минна. Кое-где горизонт прикрывала легкая вуаль облаков. Краски моря, и сейчас еще пленявшие своими оттенками от ультрамариновых глубин до свет-

ло-зеленых отмелей, казались какими-то поблекшими. День стоял теплый, и только легкий бриз нес нелетнюю прохладу. Карликовые пальмы, выстроившиеся вдоль аллей и улиц, криптомерии и кустарник, непроходимой паутиной опутавший выступы скал, были по-прежнему изумрудно-зелеными, и трава на газонах, рыжая и бурая во времена летнего зноя, впитав в себя влагу осенних дождей, радовала глаз яркой зеленью.

От порта в направлении острова Иэ удалялась эскадра — белоснежная яхта в окружении небольших патрульных катеров. Яхта уносила от берегов Окинавы принца и принцессу Японии, которые приехали сюда лишь на несколько часов, чтобы объявить международную выставку «Экспо-75 — Мировой океан» закрытой. Церемония, проходившая в театре напротив морского вокзала, закончилась. Сиротливо торчал на берегу бухты голый флагшток, где все привыкли видеть главный флаг выставки — ультрамариновый с белыми гребешками трезубец волн в голубом круге, нашитом на белое полотнище. Но еще разговаривались у входа и перед портом разноцветные флаги десятков стран.

Жарким днем 19 июля 1975 года смуглые рюкюские девчушки в черных юбочках, белых блузках и ярко-красных беретах над копной черных волос внесли эти флаги на территорию выставочного городка. Их сопровождали такие же юные барабанщицы в белых панاماх с огромными барабанами на белых лентах. Поползли вверх по флагштокам голубой с белым флаг ООН, «восходящее солнце» Японии, наш кумач с серпом и молотом, звездно-полосатый американский флаг, английский «Юнион Джек», флаги Болгарии, Венгрии, ГДР, Кубы, Италии, Австралии, Канады, ЕЭС, Монако... — всего 38 флагов различных государств и международных организаций. Ровным полукругом, словно в почетном карауле, они выстроились у оранжевого шатра над Южными воротами, у небольших пирамидообразных крыш Северных ворот и приветствовали три миллиона людей, ставших за шесть месяцев гостями этого чудесного города на берегу моря в самой северной точке Окинавы.

В последний вечер «Экспо» — 18 января 1976 года я снова прошел по ее улицам и аллеям. Автобус, который каждый день ровно в девять вез нас, работников

советского павильона, мимо полицейских, стоявших у входа в неизменной белоснежной униформе с голубыми погонами, на улицу Магеллана, где развевался наш флаг, уехал пустой. Мы прощались с выставкой.

На Международной площади я сел в бело-голубой вагончик автоматической дороги компании КРТ. Вагончик плавно набрал скорость и покатил, шурша по бетону шинами, в сторону своей конечной станции — Северных ворот. Оттуда вагончики компании ДВС, чуть поменьше и потихоходней, отправлялись в парк аттракционов, а голубые автобусы с эмблемой «Экспо» шли на опустевший пляж с одиноко стоявшими пальмами. На выставке еще ходили длинные не очень быстрые электрокары с прицепами — единственный платный транспорт, если не считать прогулочных катеров с внушительными прозрачными иллюминаторами ниже ватерлинии, через которые можно познакомиться с вольными обитателями местных вод.

Наиболее интересным решением транспортной проблемы выставочной территории, вытянувшейся вдоль моря на три с лишним километра, были две автоматические линии КРТ и ДВС. Первая, как мне объяснили обслуживающие ее японские инженеры, — прообраз будущего городского общественного транспорта, вторая — индивидуального. Обе линии работали очень четко, без аварий. Однажды, правда, вагончики остановились: приборы зафиксировали микроскопическое землетрясение. У КРТ был только один недостаток. Вопреки желанию американской фирмы «Боинг», проектировавшей дорогу, администрация выставки посадила в каждый вагон по проводнику. Он объявлял остановки, приветствовал и благодарил пассажиров за путешествие. В результате оказалась извращенной идея автоматизации. Некоторые пассажиры принимали проводников за вагоновожатых.

Несмотря на такую широкую сеть транспорта, улицы выставочного городка были царством пешеходов. Огромное стадо машин и автобусов ждало своих пассажиров на стоянках за пределами «Экспо». С улиц Магеллана, Колумба, Капитана Кука, проспекта Куро-сио, Коралловой аллеи (все дороги выставки носили морские названия) открывался вид на море — красивейший не только на Окинаве, но и во всей Японии. Нигде

больше на Японских островах нет такого чистого и прекрасного моря. Это и решило в пользу Окинавы вопрос о месте строительства океанографической выставки, так же как годом раньше редкий по красоте уголок нетронутой цивилизацией природы склонил чашу весов в пользу небольшого городка Спокана в США. Там проводилась выставка «Экспо-74», посвященная проблемам защиты окружающей среды. Девизу нашей выставки — «Океан, каким мы его хотим видеть» — не соответствовали бы берега, скажем, Токийского залива, до последней степени загрязненного нефтяными пятнами и промышленными отходами. Решая вопрос о месте для выставки, правительство Японии пошло даже на колоссальные финансовые потери. Полагают, что, будь она поближе к основным промышленным центрам, организаторы продали бы в десять раз больше билетов, а билет стоил недешево — 1800 иен.

Лучше всего смотреть на море, да и на выставку с Акваплощади — верхней площадки плавучего города-павильона Японии «Акваполиса» (досл. «город на воде»). Не беда, что площадь эта слегка покачивается и дорожки с ярко-зеленой резиновой травой уходят из-под ног, ведь это как бы палуба, а сам город похож на белый пароход с двумя трубами. Полые стальные колонны с укрепленными на них барабанами толстых якорных цепей стоят на четырех «китах» — понтонах. С тридцатиметровой высоты Акваплощади волны, которые заставляют вздрагивать 13-тысячетонный корпус плавучего города, кажутся маленькими. У горизонта волны встречают на своем пути рифы, и там пролегла полоса белой пены — «дорога к земле богов». Мимо нее спешат в порт Тогути лайнеры компании «Рюкю кайун». С противоположного конца Акваплощади открывается взору панорама центральной части выставки. Спускаясь по зеленому склону холма, павильоны подходят к амфитеатру площади Закатов, что напротив причала «Акваполиса».

Плавучий город построила японская компания «Мицубиси дзюкогио» специально для океанографической выставки. Обошелся он в 40 миллионов долларов, не считая буксировки из Хиросимы. Он способен разместить на своем борту тысячу жителей, снабдить их пресной водой и рыбой из огороженной сетями аква-

фермы, где целые стаи носятся за катером, разбрасывающим корм. Внутри есть установки, полностью перерабатывающие отходы. Но «Акваполис» до конца своих дней обречен быть выставочным павильоном, даже после того, как «Экспо-75» станет историей.

При входе в него вам обязательно вручат паспорт гражданина первого плавучего города. Паспорт как паспорт. Даже есть место для фотографии, печать и подпись «мэра». Девушка в форменных бело-голубых брюках улыбнется и поздравит вас. Иногда ей приходится улыбаться десятки тысяч раз за смену. С причала в город на воде попадаешь не по трапу, как это принято на кораблях, а по узкому эскалатору, проложенному в длинной, залитой таинственным темно-синим светом трубе. Не думайте, что дальше вам придется идти пешком. Как ни мал по сравнению с нашими земными городами этот морской, а у него тоже есть свой транспорт — самодвижущиеся тротуары, очень похожие на вытянутые в горизонтальную плоскость эскалаторы. Лишь смотровые площадки и Аквахолл надлежит осматривать без помощи автоматики. Но до него надо ехать по коридорам, похожим на подводные пещеры, где со сводов свешиваются макеты водорослей, муляжи рыб и морских животных. Иногда рыбы лениво разевают пасти, показывая неестественно огромные зубы. Путешествие сопровождается загадочной, напоминающей бульканье пузырей музыкой. Словом, в этом павильоне посетителей ждут аттракционы.

В Аквахолле выставлен макет фермы искусственного воспроизводства рыбы в недалеком будущем. Ферма гораздо совершенней и больше той, что существует возле «Акваполиса». В ней есть и завод по разведению мальков, и «ясли», и «детский сад», и плантации водорослей, за которыми ухаживают подводные тракторы и малютки-субмарины. В Аквахолле одновременно могут танцевать более тысячи человек. Я убедился в этом, встречая там вместе с другими работниками выставки Новый, 1976 год. Вечер очень напоминал наши новогодние «голубые огоньки»: представления японских артистов, номера художественной самодеятельности, рассказы сотрудников павильонов про то, как встречают Новый год в их странах. Веселье продолжалось почти до утра, и неизвестно, от чего больше содрогался корпус

стального города — от океанских волн или от ног танцующих.

Веселье и беззаботность. На море эти чувства долго были неведомы человеку. Его будни оставались полными забот и тревог за улов рыбы, за то, чтобы в назначенный день на горизонте показалась земля. О заботах и тревогах тех, кто выходил в море вчера, можно сказать, что их волновала лишь своя собственная судьба. Они были еще бессильны перед могучей бескрайней стихией.

В 1609 году автор «Доктрины открытых морей» голландский юрист Гроциус писал: «Многие вещи приходят в негодность из-за небрежного обращения. Другое дело море. Ни рыболовство, ни мореплавание не способны причинить вред морю». Эта точка зрения просуществовала более трех веков. Колокол тревоги прозвучал лишь во второй половине XX столетия.

Океан — это легкие планеты. Небольшие организмы — фитопланктон — дают нам больше кислорода, чем все леса, вместе взятые. Продукты моря — шестая часть потребляемого нами животного белка. По голубым дорогам осуществляются 85 процентов международных торговых перевозок. Из морских глубин добывается пятая часть нефти и газа. Делает океан и погоду над континентами. А сколько химических отходов, содержащих пестициды, гербициды, ртутные и фосфорные соединения, поглотили его воды? Такой продукт цивилизации, как ДДТ, обнаружен уже у пингвинов Антарктиды. В японском павильоне «Кайо мидори кан», что напоминает по своим очертаниям огромный, зеркально отполированный айсберг, есть тридцатиметровый столб льда с шестого континента. В верхнем слое его, который вырос при жизни нашего поколения, ученые обнаружили продукты распада выхлопных газов автомобилей. И это за тысячи или, вернее, десятки тысяч километров от основных автомобильных держав!

В одном из павильонов выставки установлен похожий на морской компас круг. Из центра, как лучи, разбегаются стрелки: Москва—7600, Буэнос-Айрес—19 200, Сидней — 10 000, Найроби — 10 000, Дели — 5000 километров. До любой из этих точек Колумбу, Магеллану и капитану Куку не добраться было и за месяц. А на «Экспо» можно встретить туристов, еще сегодня спе-

шивших по улицам Сиднея, Нью-Йорка, Дели. Таким маленьким и тесным стал наш Земной шар.

Если танкер доставил из Абу-Даби в Роттердам 100 тысяч тонн нефти, то на обратном пути он повезет в своих баках 40 тысяч тонн балластной воды. При подходе к порту воду выкачают в океан. На многие мили протянется за кораблем широкий масляный след. Сейчас уже есть танкеры, способные перевозить около полумиллиона тонн. Они еще строились, когда у берегов Америки и Европы образовались огромные нефтяные пятна. Так случилось, что как раз во время работы выставки пятна слились посреди Атлантического океана. Сколько кислорода недополучили люди с покрытого нефтяной пленкой моря! Ущерб этот трудно подсчитать, но еще трудней вычислить вред, причиненный самому морю. Неужели это все, что может вернуть человек океану в ответ на его беспредельную щедрость!

Эти проблемы надо решать сегодня. Промедление может стоить дорого. Процессы, которые благодаря деятельности человека происходят в океанских глубинах, могут стать необратимыми.

Это произошло в августе, когда десятки тысяч посетителей ежедневно штурмовали кассы «Экспо». По улицам выставочного городка тихо катилась инвалидная коляска. Толкавшая ее женщина шла, сильно припадая на левую ногу, которая была короче правой и искривлена вовнутрь. Кисти рук тоже были неестественно скрючены. Иногда она наклонялась и объясняла что-то мужчине, чье изуродованное страшной гримасой лицо всегда смотрело вправо. Его ноги были еще сильнее обезображены, чем у женщины, а на крючки рук невозможно было смотреть без содрогания. Это туристы из Минаматы. Они пришли посмотреть океанографическую выставку. О трагедии этой рыбацкой деревни знают не только в Японии. Весь мир обошли сообщения о гибели десятков и страданиях сотен ее жителей, после того как химический концерн «Тиссо» начал сбрасывать в залив воду, отравленную ртутными соединениями. Пораженные жестокой реальностью жизни, так бесцеремонно вторгшейся в яркий, блестящий, веселый выставочный городок, люди умолкали и расступались. В напряженной тишине еле слышно поскрипывали колеса. Страшная коляска катила дальше. Убеди-

тельной тысяч экспонатов и десятков фильмов она агитировала за защиту океана во имя человека.

«Экспо-75» чрезвычайно своевременна еще и потому, что показала достижения научно-технической революции последних лет, давшей мореплавателям совершенно новые, невиданные ранее корабли на подводных крыльях и воздушной подушке, позволившие добывать со дна моря недоступные ранее полезные ископаемые, обнаруживать со спутников косяки промысловой рыбы, бурить дно глубочайших впадин, просматривать его на экранах телевизора с помощью глубинных телекамер... Накопленные знания нужно было донести до простого человека.

Учить и воспитывать, развлекаая, — таков общепризнанный, хотя и неписанный принцип работы всех «Экспо». В отличие от выставок, именуемых модным словом «салон» и рассчитанных на специалистов, «Экспо» принимают главным образом самых неискушенных посетителей. Некоторые журналисты по праву сравнивают их с букварями, чье назначение — знакомить человека с грамотой. Именно с этой точки зрения и нужно рассматривать выставку на полуострове Мотобу.

На улицах и площадях выставочного городка можно потеряться. Поэтому одиночные экскурсанты часто заглядывают в схему, а группы сплоченно держатся за своего руководителя с флажком в руке. Какой маршрут изберет отдельный посетитель? Куда поведет группу «знаменосец»?

Допустим, N — турист без определенных целей, а таких большинство, ступил на землю «Экспо» в выставочном порту. Скорее всего, он не устоит против соблазна посмотреть какое-нибудь представление в театре на воде — тут же у выхода из морского вокзала. Здесь и темпераментные гавайские танцовщицы, которые вряд ли оставят кого-нибудь равнодушными, и американские воднолыжники-профессионалы, и международный конкурс красоты и многое другое. Сцена на воде пустовала крайне редко.

Дальше N никак не миновать базара сувениров, где можно часами отыскивать что-либо подходящее из множества кустарных изделий народов мира. Он возьмет прекрасную ручной работы плетеную филиппинскую сумку (так многие и делали) и чем-то ее наполнит, ска-

жем, масками с каких-нибудь далеких островов. У базара он сядет в вагончик КРТ и сойдет на следующей станции, где ему обязательно посоветуют зайти в «кита» — павильон группы японских компаний, действительно сделанный в форме гиганта морей. Около часа придется стоять ему в очереди под «китовым хвостом», пока он не сядет в четырехместную вагонетку. Чрево кита напоминает темную пещеру. Лишь свет прожекторов выхватит макеты затонувших кораблей, сундуки с сокровищами, скелеты не поделивших их пиратов, схватку кашалота с кальмаром. Но в павильоне группы компаний «Мицубиси» его ждут еще более острые ощущения.

Еще час в очереди — и посетитель снова на движущемся кресле нырнет в подводное царство «Мицубиси». Этот аттракцион много дороже и сложнее. Здесь, видимо, решено продемонстрировать, на что способны современные изобразительные средства. Выплывают и как будто повисают перед глазами русалки, дельфины, персонажи японских сказок. Голографическая проекция дает полное ощущение реальности. Диктор просит похлопать в ладоши. «Услышав» шум, стая рыб на экране срывается с места и исчезает. Это специальные жидкие кристаллы улавливают резкий звук и меняют картину. Несколько метров вниз — и со всех сторон на кресельную дорогу обрушатся потоки лавы и гигантские камни. Некоторые посетители инстинктивно втянут головы в плечи: настолько страшно выглядит подводное землетрясение на сферическом зеркальном экране.

После обеда N, скорее всего, попадет в павильон компаний группы «Сумитомо», где на пяти экранах одновременно идет прекрасный, но опять-таки скорее развлекательный, чем познавательный фильм о море и его обитателях. Далее он, наверное, не минует дельфинария, где и под водой, и на воде каждые полчаса — новые представления. Рядом с дельфинами — гигантский аквариум. Какая же океанографическая выставка обойдется без него! Под крышей одного здания — два больших искусственных водоема. Они совсем рядом, но воспринимаются как два совершенно разных мира. Над первым в любую погоду яркий солнечный свет. Толща воды как будто колыхается от невидимых глазу волн. Это в специальных нишах на потолке перед лампами

днёвного света вращаются цилиндрические барабаны. Их волнистые вырезы и рассеивают свет. Его блики играют на пестрых чешуях рыб, спящих между кораллами. Здесь можно познакомиться с шестью тысячами обитателей рифов. Несколько шагов по коридору — и картина резко меняется. Становится темно и даже как будто прохладнее. Таинственные звуки окончательно убеждают: здесь морские глубины. Это второй аквариум, где живут восемь тысяч рыб, пойманных в течении Куроисио на глубине 30—40 метров. Хищники вершат свою расправу прямо на глазах у людей.

У Н уже так мало времени, а посмотреть еще нужно так много. Он быстро пробежит по наиболее популярным среди зарубежных павильонов экспозициям СССР и США и отправится на «Акваполис».

Такой маршрут составлен мной на основе данных Ассоциации по подготовке и проведению выставки, которая скрупулезно вела подсчеты степени популярности каждого павильона. Реклама направляла потоки посетителей по намеченному руслу: под своды зданий, где можно было отдохнуть, развлечься, уйти от всех проблем, в том числе и от проблем моря. Пролистал этот прекрасно иллюстрированный альбом картинок — и ничего в голове не осталось. Меж тем именно Япония больше всех пострадала от загрязнения моря промышленными отходами, и уловы ее трудолюбивых рыбаков становятся все меньше. Но об этом японская экспозиция не говорит ни слова. Намного проще сделать вид, что все в порядке, чем предлагать обществу рецепты для исцеления. К радости организаторов Минамата напомнила о себе на берегах «Экспо» только один раз

Если у гостя выставки в распоряжении один день (а большинство приезжало на свой уикенд — субботний вечер и воскресенье), можно провести его и более творчески. В том же порту всегда стоят на якоре научно-исследовательские корабли. Целую неделю принимал посетителей наш «Академик Вернадский». Команда судна и научные сотрудники делали все, чтобы простые люди поняли назначение исследовательских приборов и лабораторий. Если нужно, демонстрировали тот или иной аппарат в работе.

В павильоне ООН на небольшом проекторе пока-

зывали впечатляющий фильм о катастрофе танкера «Тори каньон». Один его кадр: черные чайки, бьющиеся в конвульсиях на липком черном берегу, который еще недавно был прекрасным пляжем, более полезен и познавателен, чем безупречный в художественном плане пятиэкранный фильм «Сумитомо». Сто тысяч тонн нефти одновременно оказались в море — катастрофа, какие бывают не часто. Гораздо больше попадает в океан каждую неделю — запланированно и сознательно.

К сожалению, экспозиция ООН не была наиболее посещаемой. В первую очередь реклама направляла поток экскурсантов в японские павильоны-аттракционы. Большинство людей плыли по течению и покидали выставку, так и не узнав, что нужно сделать для океана, чтобы он был таким, каким мы хотим его видеть.

Наиболее интересным среди японских павильонов была экспозиция «Кайо мидори кан», где на жаркой Окинаве можно было увидеть северное сияние, белых медведей, попасть в снежный буран. Сопровождалась экскурсия кратким рассказом об Арктике, ее влиянии на климат планеты.

Павильон «Фуйо» — это целый океанарий всевозможных морских организмов. Тут и крабы, и гребешки, и звезды, и угри, и даже дельфины. Они плавают, ползают, шевелят клешнями и совсем не обращают внимания на людей. Ничего удивительного тут нет, если принять во внимание то, что все они не живые существа, а сделанные человеком механизмы, точно передающие способы передвижения своих одушевленных собратьев. Неуклюжие подчас маневры искусственных обитателей глубин заставляют улыбнуться, но в серьезности морской бионики вряд ли кто сомневается. Обогнав самых быстрых рыб и дельфинов в судах на воздушной подушке и подводных крыльях, достигнув предельных глубин на батискафе, человек по-прежнему поражается удивительной маневренности и экономичности движений животных в океане, пытается взять то, что возможно, себе на вооружение.

Перед входом в канадский павильон посетителей останавливал осьминог. Сняв шляпу, он приветствовал меня по-английски, спросил, откуда я и чем занимаюсь. Его глаза бегали как капельки ртути по полированному столу. Говорил он быстро и так лихо перескакивал

с одного предмета на другой, с английского на японский, что уследить за ходом его мысли было непросто. Неожиданно он попросил отдать ему форменный значок. Я согласился, но в обмен на его высокую шляпу, похожую на цветок колокольчика. Обмен не состоялся только потому, что собеседник не мог вытянуть щупальцу с телеэкрана. По той же причине наше рукопожатие было чисто символическим. Дружелюбное чудовище представляло собой просто удачную мультипликацию, а говорил со мной один из сотрудников павильона.

Это был единственный аттракцион небольшой, но очень удачной экспозиции Канады — страны трех океанов с самой длинной в мире береговой линией. У входа — стенд не столь далекой старины: гарпуны, снасти, предметы быта коренных жителей страны — эскимосов, мушкеты первых поселенцев — современников Гроциуса, когда природа еще казалась человеку враждебной и необъятной. Тогда переселенцы из Старого Света научились у индейцев ловить «короля канадских рек» — лосося. Вместе с новым промыслом белые канадцы унаследовали от коренного населения почти религиозное преклонение перед царственной рыбой. Десятки тысяч людей облепляют берега таежных рек Запада и смотрят, как ярко-красные красавцы штурмуют пороги и перекаты, чтобы в заветных местах верховья дать жизнь новому поколению. Примерно так же каждую весну многие шведы встречают журавлей, летящих в родные места с юга. Но птиц становится все меньше. Наступая на природу, засыпая болота и заселяя новые районы, люди оставляют пернатым все меньше места. У канадского лосося тоже немало проблем. Чтобы узнать о них, стоит посмотреть в кинозале павильона небольшой двадцатиминутный фильм.

Уже не индейскими примитивными снастями, а флотами современных рыболовных судов добывает человек эту ценную рыбу. Реки запада страны быстры и сильны. Во многих местах их перегородили плотины электростанций. Там, где плотины невелики, люди построили специальные каналы. Они появились и в порожистых местах, где раньше погибало немало рыбы. Характерный случай произошел на реке Фрезер, где предполагалось строительство электростанции. Ее высокая плотина навсегда преградила бы путь лосося к заветным бере-

стилищам. Местные жители не позволили возводить плотину. Они рассудили так: «Если рыба не вернется в наши края, человек сделает в тот день еще один шаг навстречу собственной гибели». Недалеко то время, когда в наших морях смогут плавать только скелеты рыб и морских животных, если мы по-прежнему будем сбрасывать туда промышленные отходы, утверждает следующий мультипликационный фильм — карикатура на общество беззаботного потребления. Удачные и, как положено в мультипликации, смешные кадры не вызывают, однако, смеха в зале. Японский зритель воспринимает фильм очень серьезно.

— Я сам рыбак и еще не так давно ловил во Внутреннем Японском море. Сегодня там забрасывать сети не имеет смысла. И рыбы мало, а главное, не знаешь, можно ли эту рыбу есть. Нередко весь улов оказывается отравленным. Приходится зарывать его в землю. Для рыбака это все равно, что для крестьянина уничтожить политый потом урожай. Может, действительно в нашем море смогут плавать только скелеты, как в этом канадском фильме. Надеюсь не дожить до этого времени.

Пожилой японец, от которого я услышал эти горькие размышления, хотел еще что-то сказать, но старший его группы призывно замахал флажком, и он поспешил догонять своих.

Павильон США оказался на выставке самым темным. Но выставка океанографическая, и темнота здесь — изобразительное средство. В данном случае она служила фоном для показа глубоководных исследовательских аппаратов и субмарин-малюток, рассчитанных на двух-трех человек. Вот база для аквалангистов, рядом подлодка для изучения шельфа, ниже по спирали стенда — устройство, способное погружаться на глубину до трех километров. Американцы по праву гордятся своими батискафами и подлодками-малютками. Здесь они держат пальму первенства.

Неоспоримы и их достижения в глубоководном морском бурении. В центре экспозиции несколько фотографий различных типов буровых вышек. На плавающих — наводка буров и удержание платформы производится ЭВМ. Без нее тут не обойтись. В этом посетителю дают возможность убедиться самому. Модель

буровой плавают посреди не слишком бурного по сравнению с океаном аквариума. Некоторую нестабильность создает только пара небольших водсметов. Точно в середине дна — «скважина», соединенная с платформой гибким гофрированным шлангом. Платформа так и норовит уйти в сторону от «скважины». Перед вами пульт и пара рычагов, чтобы включать гребные винты платформы, и еще похожий на окошко радара прицел. Светлая точка «скважины» то и дело уходит из «десятки» в «молоко». Попробуйте ее вернуть. Чем дольше она будет в «десятке», тем дольше вы сможете бурить и больше наберете очков. Но никому не удастся подчинить модель.

Скромный слайд рядом запечатлел первое в мире судно для глубоководного бурения «Гломбар чэлленджер». Незадолго до открытия выставки оно вело исследования в Черном море. Вместе с американскими коллегами на борту были и советские океанологи. Результаты их совместной работы подтвердили старую гипотезу, что Черное море в древности долгое время оставалось озером. И природа, и климат на его берегах резко отличались от современных условий. Но постепенно Босфор и Дарданеллы опустились, открыв путь в океан.

Море нелегко расстается со своими секретами. Разгадать многие из них не под силу только одному государству, какой бы совершенной научно-исследовательской аппаратурой оно ни обладало. Сотрудничество ученых мира — вот что откроет дверь в кладовую тайн. В этом убеждает советский павильон выставки.

С площади Закатов, что примыкает к причалу «Акваполиса», мы поднимаемся по широкой каменной лестнице и выходим на улицу Магеллана. У самого крупного здания на этой улице развевается наш флаг. Первым среди всех флагов «Экспо» он приветствовал миллионного посетителя. Роль лидера по популярности пронес он и до конца работы выставки.

«Я приехал сюда из Кусиро на Хоккайдо, затратив на дорогу 44 часа, и я рад, что приехал. Мои впечатления можно выразить одним словом: „Прекрасно!“». *Сибудани, Япония.*

«Укрепляя дружеские связи с разными народами, участвуя в океанографической выставке, вы делаете очень большое дело. Желаю вам успехов». *Лопес де Леон, Филиппины.*

«Русская экспозиция самая впечатляющая и более всего насыщена информацией». *Капитан Гэззи, США.*

«Советский павильон на „Экспо-75“ — один из лучших. Именно здесь чувствуешь величие Мирового океана и гигантский труд людей, осваивающих и охраняющих его». *Иркутяне В. Хомутов, И. Шелехов, Л. Чернешина.*

Эти идущие от всего сердца слова — награда всем, кто причастен к успеху советского павильона на «Экспо-75». Академии наук СССР, министерствам и ведомствам, работникам павильона, художникам. Наш павильон тронул сердца людей, потому что его экспозиция проникнута любовью к океану, внимательным отношением к его проблемам. Особенно привлекает посетителей макет станции по очистке балластных вод — единственный на всей выставке. Он создан на базе комплекса Одесского морского порта. Сто тысяч тонн нефти, которые раньше приходилось сливать в море, ежегодно извлекают здесь из воды, чтобы снова залить в трюмы танкеров. Сто тысяч тонн вез в свой роковой рейс «Тори каньон».

Внимательно осматривал макет японский студент, долго беседовал с гидами. Затем направился к книге отзывов и написал:

«Советская экспозиция по своему содержанию больше отвечает девизу выставки, чем экспозиции других павильонов. На меня произвело большое впечатление то, что только социалистические страны принимают правильные меры против загрязнения моря. И море, и суша осваиваются в интересах человека, и все служит счастью человека. Я потрясен».

Нашу экспозицию действительно можно назвать демонстрацией сотрудничества. Один из стендов специально рассказывал о сотрудничестве СССР со странами СЭВ и скандинавскими странами — в защите Балтийского моря от загрязнения, о двусторонних соглашениях с Соединенными Штатами, Японией, Францией, а также о сотрудничестве в рамках международных организаций. Здесь приводится перечень конвенций по охране морских ресурсов и рациональному ведению промысла, подписанных советской стороной, перечислены научные симпозиумы по проблемам океана, в которых участвует СССР. Содержание документов расшифруют экспонаты.

В центре раздела Академии наук СССР — большой

глобус. На голубом фоне красные нити — маршруты советского научно-исследовательского флота. Здесь же модели некоторых кораблей. Среди современных флагманов маленькая шхуна «Заря» кажется пришельцем прошлого века в век космический. Ее главный двигатель — парус, на борту почти нет стальных деталей. Но судно это необычное, можно сказать, уникальное. Оно оснащено сложнейшими приборами для измерения магнитных аномалий. Уже более двух десятков лет служит «Заря» советской и мировой науке. По составленным участниками экспедиций магнитным картам ведут геофизические исследования суда многих стран.

Стоящий рядом белотрубый красавец «Академик Курчатов» в 1974 году участвовал в крупнейшем международном Атлантическом тропическом эксперименте (АТЭП). Перед учеными стояла сложнейшая задача: создать усредненную математическую модель взаимодействия океана и атмосферы. В эту модель через ЭВМ можно будет потом вносить конкретные данные и наблюдать, как распределяются осадки, давление, температура. Конечная цель — правильный долгосрочный прогноз погоды.

Пока ученые не могут даже предсказать, как поведут себя тайфуны. Несколько раз выставка закрывалась из-за угрозы тропических штормов. Картина выглядела действительно грозной. Тяжелые зловещие тучи в несколько слоев покрыли небо. Померкли и потемнели краски. Свинцово-серая тень легла на море. Скрылся во мгле горизонт. Радиопередача по американскому каналу оборвалась сообщением: «Военным базам Соединенных Штатов Америки объявляется готовность к тайфуну номер два. Готовность номер два означает, что ветры скоростью свыше 50 узлов достигнут Окинавы через двое суток. Необходимо запастись продуктами питания. При объявлении готовности номер один закроются продовольственные магазины».

«Акваполис» отчалил от пирса и медленно погрузил свои толстые ноги-опоры в темную воду.

У себя в домике я первым делом включил телевизор. Через несколько минут по экрану побежала под аккомпанемент тревожной морзянки строчка текста: «Специальное сообщение для всего американского военного персонала». Затем крупными буквами застав-

ка — «Готовность к тайфуну номер один. Внимание!». Появилась карта Окинавы. Черные стрелки на востоке были направлены в самый центр острова. Вся акватория залива была уже пуста, лишь ветер гнал к берегу белые барашки. До глубокой ночи телевизионные передачи прерывались сводками о движении тайфуна.

Утром сквозь опущенные жалюзи я посмотрел на море. К причалу выставочного порта, оставляя за кормой широкий пенистый след, летел «Ховеркрафт». Он, как обычно, привез на выставку пассажиров из Нахи. «Акваполис» стоял на прежнем месте, гордо подняв над водой белоснежный корпус. Я понял, что угроза миновала. Тайфун неожиданно свернул на соседний остров. Телевизор показал, какие бедствия он туда принес: десятки погибших, сотни раненых, поваленные телеграфные столбы и деревья, затопленные поля и дороги, перевернутые автомобили.

Предотвратить тайфун невозможно. Нельзя и свернуть его с курса. Но ученые СССР и других стран ставят перед собой задачу предсказать курс с достаточной точностью. Они знают, что от их успеха зависят судьбы людей. Ведь только в Атлантике за 25 послевоенных лет тропические циклоны унесли 14 тысяч человеческих жизней. Семь с половиной миллиардов долларов составил материальный ущерб.

Уязвимость Окинавы от тайфунов наложила отпечаток на архитектуру выставочного городка. Ради прочности пришлось пожертвовать разнообразием и вычурностью архитектурных форм. Большинство зданий, в том числе и наш павильон, состояли из небольших приплюснутых шестигранников. У нас их было восемь — четыре на верхней террасе, четыре на нижней. Они словно срослись друг с другом. Внутри к большому неудовольствию художников-оформителей сплелась паутина жестких и мягких креплений. И все же художникам даже при такой неэстетичной конструкции удалось создать цельный и впечатляющий ансамбль. Пол павильона со всех сторон окружают перила, а за ними вода. Получилось своего рода палуба корабля.

«У моря нет дна», — утверждал Аристотель. То, что это не так, знает теперь каждый школьник. Но не все знают, что последние штрихи на карту рельефа морского дна будут нанесены еще не скоро. В СССР соста-

вили первую крупномасштабную карту дна Мирового океана. Много лет работали над ней океанологи из разных стран, и вот она — экспонат советского павильона. Отчетливо видна каждая впадина, каждый подводный хребет. Мигающие лампочки показывают, куда держат путь магистральные океанские течения.

До недавнего времени считалось, что в основном именно благодаря этим течениям происходит циркуляция воды в океане. Но представления ученых в корне изменились. Тому «виной» уникальный эксперимент «Полигон-70», проведенный советскими океанологами. Макет его с силуэтами кораблей и буйковых станций представлен в экспозиции Академии наук. Приборы буйковых станций зарегистрировали в океанских водах гигантские вихри, очень похожие на атмосферные циклоны. На сотни миль перемещались огромные массы воды толщиной в несколько километров. Спустя три года американские ученые осуществили аналогичную программу работ под названием МОДЕ. Совместный эксперимент советских и американских океанологов ПОЛИМОДЕ был проведен в 1977—1978 годах в районе Бермудских островов.

«Как работает приливная электростанция?» Этот вопрос японские ребята задали учебной программе телевидения. И оно ответило им фильмом о французской электростанции, которая хотя и была первой попыткой использования энергии морских приливов, но ввиду своей дороговизны, казалось, похоронила саму идею. Лишь после постройки у нас совершенно новым, наплавным методом Кислогубской ПЭС во всем мире появились дерзкие проекты ее гигантских собратьев, обещающих стать в десятки раз мощнее самых крупных речных гидроэлектростанций. Кислогубская станция — тоже пример сотрудничества ученых: ее турбины были сконструированы французскими инженерами. Посетителям этот макет особенно пришелся по душе. Он поворачивался вокруг своей оси, показывая станцию во время буксировки, на своем месте и крупным планом в разрезе.

Многих притягивал к себе макет осетрового завода. Отчасти благодаря оригинальной композиции: он сделан внутри опромного муляжа белуги. Но большинство интересовалось проблемой рыболовства, в котором в

Японии разбираются и понимают, какое у него перспективное будущее. Никогда не пустовало место перед проектором, где показывался фильм о выведении новой породы осетровых — бестера (гибрида белуги со стерлядью). Рядом карта маршрутов продукции советских рыбоводных заводов: свыше 40 видов живых водных организмов получили прописку в зарубежных естественных и искусственных водоемах.

Одна из официальных тем «Экспо» — жизнь и быт на морском побережье. Мы знакомили своих гостей с жизнью народов Прибалтики, Чукотки, черноморских курортов. Вот где были настоящие столпотворения! И слушали здесь не иначе, как раскрыв рот, и вопросов задавали множество! Особенно интересовала эта часть павильона окинавцев, на протяжении десятилетий не получавших правдивой информации о нашей стране. Их поражало все. И оплачиваемые отпуска советских рабочих, и прекрасные санатории, и дешевые путевки. Особенно восхищенные отзывы появлялись после осмотра диорам Сочи и Артека. Люди рассказывали о чудесных советских курортах друг другу, приводили к макетам своих соседей. Такая популярность не понравилась определенным кругам в префектуральном собрании. Однажды к нашему гиду подошли чиновники и предложили «прекратить пропаганду советского образа жизни», заявив, что это-де вызовет неблагоприятный резонанс у населения. Но большинство посетителей вынесли из нашего павильона самые лучшие впечатления о Стране Советов, о людях, которые ее представляли. Очень трогательно выразил свои чувства к нам окинавский школьник, чей отзыв оказался самым коротким в нашей книге, но самым ярким: «С Окинавы в Россию посылаю любовь!»

С утра до ночи бурлил сказочный городок на зеленых холмах. В ясную погоду люди собирались на площади Закатов, откуда особенно хорошо наблюдать, как садится в океан солнце. Его прощальный луч широкой огненной дорогой уходит за горизонт. В этот момент необычайно остро ощущение, что человек не в силах создать что-нибудь прекраснее солнца, неба и океана.

У журналистов есть выражение: «жить каким-то бытием». Именно это можно сказать об Окинаве и «Экс-

по». Окинавцы говорят, что на их острове в прошлом никогда не происходило ничего значительного и вряд ли произойдет еще в течение ста лет после выставки.

Однако неверно было бы говорить об «Экспо» в прошедшем времени. Часть выставки, за исключением павильонов зарубежных стран, осталась нетронутой, в том числе и «Акваполис». Сохраняется в порядке весь городок — и как достопримечательность и как место отдыха.

Власти префектуры думали, что «Экспо» — шанс для скачка из нищеты и отсталости. Этот скачок они рассчитывали сделать на испытанном коне — туризме. Все планы были связаны с потоками иен и долларов, которые должны были хлынуть рекой из карманов туристов. В Нахе полагали, что острова станут известны как райское курортное место, и толпы отдыхающих будут постоянно штурмовать отели на зеленых берегах лазурного моря. В предвыставочный ажиотаж подливало масло и японское правительство. Оно давало местным властям раздутые прогнозы посещаемости «Экспо» и постоянно призывало: «Стройте дороги, стройте отели, стройте рестораны. Не упускайте своего шанса».

Никогда еще на Окинаве так много не строили. В Нахе выросли, как я уже упоминал, между портом Томари и шоссе № 58 многоэтажные корпуса гостиниц из стекла и бетона. Через центр острова пролегла автострада. Много строили и в Наго. Осенью вместо старого автовокзала там, наконец, открыли новый на отвоеванной у моря набережной, оградив ее от штормов внушительным молотом. В этом одноэтажном здании — прекрасные просторные залы ожидания с кондиционированным воздухом, буфетами, автоматами с прохладительными напитками, сувенирными киосками.

Все сувениры продавались на острове с эмблемой «Экспо». Три волны вышивались на одежде, штамповались на всяких безделушках, вырезались на ювелирных изделиях. Когда выставка закончилась, их осталось очень много, даже слишком много. Летом 1977 года во время командировки в Осаку я видел, как там по дешевке распродавались сувениры с тремя волнами, так и не вынесенными Окинаву к берегам процветания.

Префектура жадно ухватила за свой шанс. Особенно энергично взялись за дело на полуострове Мото-

бу. Мотобу — это небольшая административная единица, куда входят городок Тогуты да несколько деревенок. В заливе Тогуты примостился небольшой флот рыболовецких суденышек — в основном старых, со следами неоднократных ремонтов и переделок. Несмотря на свои скромные габариты, войти в залив они могут только во время прилива. Фарватер неглубок, а сильные отливы обнажают во многих местах дно. Воды порта принимают отходы всех жилых домов и заведений городка, и через старый мост иногда трудно перейти, не зажав носа. Видимо, учитывая это обстоятельство, а также и для того, чтобы не создавать на улицах автомобильных пробок, через залив, ближе к выходу в море, был переброшен новый автодорожный мост. Изящной дугой он связал выставку с новым районом городка Тогуты, где построили правильной прямоугольной планировки городок для персонала выставки. Рядом открылся первый в этой глуши универсам. На западной окраине Тогуты возвели новый океанский порт, способный принимать довольно крупные суда. Главным образом здесь бросали якоря корабли компании «Рюкю кайун». Понадеявшись на приток пассажиров, компания ввела ежедневные рейсы своих лайнеров между Тогуты и Нахой. Но на сотни посадочных мест едва набиралось десятка три пассажиров. Через год после этой нерентабельной затеи «Рюкю кайун» вынуждена была объявить о своем банкротстве.

Так разорился лидер окинавского судоходства, который на протяжении многих лет держал в своих руках пассажирские перевозки между Окинавой и четырем основным японскими островами. Этот крах был самым значительным и самым шумевшим. Компания сделала слишком большую ставку на «Экспо». Сотни более мелких банкротств не удостоились даже места на первых полосах газет.

Сигэру Мурата, например, был хозяином небольшой гостиницы на полуострове Мотобу. Он надеялся выбиться из нужды, поверив словам организаторов выставки, будто от постояльцев у него не будет отбоя. А теперь он рассказывает грустную историю своего разорения пассажирам такси. Ему нужно отработать за рулем долги, взятые на строительство гостиницы, — всего 10 миллионов иен.

Многие в уезде Мотобу соблазнились возможностью выбиться в люди. Количество маленьких гостиниц, возведенных на кредиты, трудно перечислить, они попадались на каждом шагу. Не один гектар сахарного тростника был превращен в платные автостоянки, но даже в первые полтора месяца после открытия выставки почти все машины скапливались у ворот. Процветали только два-три землевладельца, чьи участки оказались поблизости. Они даже позволяли себе нанимать зазывал. Не для бизнеса, а ради того, чтобы подчеркнуть свое благополучие. На Окинаве десятки тысяч людей согласны на любую работу, но редко кто мог выдержать больше двух недель под палящим солнцем на раскаленном от жары асфальте. Зато, если пройти две сотни метров в сторону от шоссе, можно было наткнуться на десятки ровных огороженных площадок с заброшенными будками контролеров и с вылинявшими щитами.

Лишь до начала сентября весело и шумно было в маленьких кафе и закусочных, облепивших выставку. Тогда ежедневно через ее ворота проходили в среднем около двадцати тысяч человек. Затем людской поток превратился в ручеек — 3—4 тысячи, и по вечерам в пустых кабачках их владельцы вместе с разорявшимися хозяевами сувенирных ларьков с горя пропивали свою мизерную выручку.

За два часа до закрытия выставки я проходил мимо киосков, распродававших за бесценок залежавшийся товар. Впервые здесь предлагали заводных чаек. Продавец, покрутив ключ, отпустил игрушку, и она секунд двадцать летала над толпой, затем взмахи стали судорожными, чайка шлепнулась на дорожку и затихла. Эта последняя сценка показалась мне тогда глубоко символичной.

Я возвращался в нашу деревню уже в сумерках. На помойке впервые за полгода я увидел людей. Они что-то собирали, раздвигая темноту лучами карманных фонариков.

Ко мне подошел мужчина лет сорока пяти и спросил вполголоса:

— У вас нет пустых бутылок из-под пива? Видите ли, мы с женой работали на выставке. До этого никакой работы у нас не было. Нет ее и теперь.

Не найти более неблагодарного бизнеса на Окинаве, чем этот. За ящик сданных бутылок можно получить лишь сто иен, а буханка хлеба стоит сто сорок.

В ТЕНИ ЧЕРЕПИЧНЫХ КРЫШ

Самых красивых девушек Окинавы вы увидите у Ворот вежливости в Сюри. Берите аппарат и не жалейте цветной пленки, так как рассказать об их чудесных нарядах будет нелегко. Я видел двоих. У первой на строгое черное кимоно с незатейливыми белыми ромбиками и крестиками была накинута отделанная пурпурной каймой просторная хаори (что-то вроде куртки) с широкими рукавами. Сколько же красок уместил тут художник! Зелень листвы и какие-то сказочные лепестки: красные, розовые, фиолетовые, голубые, а над ними порхали не то стрекозы, не то птицы из райских садов с оперением всех тонов радуги. Другая надела кимоно и хаори из одного материала: от высокой стройной шеи до золоченых сандалий — фантастическая феерия цветов и оттенков. В руках девушки держали роскошные шляпы, походившие на огромные распустившиеся бутоны. Нигде на улицах, конечно, такой красоты не встретишь. Для повседневной жизни у женщин Окинавы есть платья попроще. В других районах Японии кимоно также надевают лишь по особым случаям. Правда, не такие широкие и с непременным поясом-бантом (оби). Свободное рюкюское платье, очевидно, как нельзя лучше подходит для крайнего юга, где бывает жарко даже зимой.

Может быть, возле ворот назначают свидания? Не исключено. Но обладательницы несравненных нарядов приходят сюда каждый день зарабатывать деньги. Хотите сняться с любой из них — кладите на маленький столик три стоиеновые монеты. Редко кто откажется увезти домой такую редкую фотографию. Ведь и сами девушки как на подбор: с правильным овалом смуглого лица и большими черными, вовсе не раскосыми, как у японок или китайок, глазами. У тех, кого я видел, были немножко приплюснутые носы с широковатыми ноздрями. Эта черта характерна как для мужского, так и для женского населения островов. Многое успел под-

метить И. А. Гончаров во время своего недолгого пребывания здесь, но красивых женщин не видел и прекрасным полом назвал рюкюских мужчин. Это произошло, вероятно, потому, что он делал свои зарисовки на базарах, куда молодые девушки не ходили. Многие мужчины Рюкю действительно красивы лицом, плотно сложены, но низкорослы, даже по японским меркам. Когда в 1898 году их стали впервые призывать на военную службу, большинство оказалось ниже минимально допустимых норм.

Мне довелось ездить по городам Японии, но только на Окинаве я увидел настоящие кудри — и у мужчин, и у женщин. Часть ученых считает возможным говорить о прямом родстве рюкюсцев с айнами — коренными жителями Японии. Другие же видят существенные различия между ними. У айнов, например, более светлая кожа, глубоко посаженные глаза и выдающиеся вперед брови. На Окинаве таких лиц не встретишь. И еще: у населения юга Японских островов, в том числе и Рюкю, согласно выкладкам У. Лебры, преобладает вторая группа крови, а на севере, где живут айны, — первая.

Откуда же пришли рюкюсцы, не похожие ни на один из соседних народов? Наука предполагает, что в течение тысячелетий острова Рюкю принимали волны миграции из различных мест. В пределах видимости от входящего в архипелаг острова Йонагуни находится Тайвань, да и берег континентального Китая всего в трехстах милях к западу. Если плыть к Окинаве с Кюсю, на горизонте всегда будет виден следующий остров. Более значительные пространства открытого моря разделяют острова Рюкю с Филиппинами.

Когда я писал эти строки, из Манилы пришло сообщение о подготовке экспедиции с целью доказать влияние Юга на формирование японской культуры. Шесть ученых предполагали отправиться из филиппинской столицы в Японию на бамбуковом плоту и примитивной лодке. Исследователи полагали, что и мореплаватели древности, пользуясь течением Куроисио, точно таким способом преодолевали сотни миль, разделявшие Филиппины и острова Рюкю.

Экспедиция планировала остановку на острове Батан в проливе Лусон между Лусоном и Тайванем для исследования районов распространения сельскохозяй-

ственных культур — ямса и таро. Некоторые специалисты считают эти клубни главной пищей древнего населения Японских островов. По их мнению, лишь позднее оно стало выращивать рис. Возле священных пещер Сэ-эфа Утаки на юге острова Окинава расположилось первое, по преданию, рисовое поле. И сейчас в него бегут два прозрачных ручья Укиндзю и Хайндзю («королевская вода» и «бегущая вода»). С трех сторон поле окружают крутые утесы, с четвертой — плоский, но достаточно широкий берег ограждает его от нашествия морских волн. Полю уже много веков. Однако рис укрепил свое ведущее место в пище рюкюсцев лишь после того, как острова Рюкю стали японской префектурой. Но и сейчас его первенство оспаривает батат — сладкий картофель, а в некоторых районах Филиппин и кое-где на островах Рюкю основой ежедневного рациона остаются ямс и таро.

Утром на маленьких деревенских базарах, которые обычно гнездятся возле пестрых торговых рядов, можно увидеть женщин, несущих в корзинах дары окинавской земли — не слишком щедрой, требующей трудоемкой обработки. На севере Окинавы, особенно в глухих деревнях и на островах Амами, груз несут с помощью прочной ленты, обвязанной вокруг головы и пропущенной под мышками, чтобы нижняя петля надежно его поддерживала. Такой способ ношения тяжестей сохранился и у гаошань — коренного населения северной части Тайваня. На юге же к базару спешат с тяжелыми корзинами на голове, умело балансируя ими.

Базар городка Тогути был всего в десяти минутах ходьбы от небольшого поселка типовых коттеджей, где жила основная часть работников советского павильона «Экспо-75». В свободное от работы время мы спускались туда по извилистой горной дороге, которая бежала сперва через небольшое кладбище, затем углублялась в заросли сахарного тростника, а минув школу, ныряла в густой кустарник. Тут, в горах, примерно в километре от моря дорогу нередко перебегали крабы.

Тогути открывался за последним крутым поворотом ровными рядами домиков, гладью бухты с уткнувшимися в невысокий длинный причал рыбацкими суденышками. В бухту впадала не то речка, не то сточная канава, украшенная двумя каменными мостиками. Высо-

кая арка нового автомоста сторожила выход в открытое море.

Городок вытянулся километра на два вдоль шоссе № 58. Расти вширь мешала гора Яэ — одна из самых высоких на Окинаве. Правда, Тогути сделал попытку наступления на море. Прочный мол ограждал ровную, как стол, площадь, отвоеванную у волн. На ней выросли аккуратные, похожие друг на друга домики для японских работников выставки, приземистая сауна и небольшой плавательный бассейн. Главная улица уходила вдаль к новому порту. Она, подобно Кокусай-дори в Нахе, была оправлена в нескончаемый ряд витрин и прилавков. Но торговля тут, конечно, не отличалась столичным размахом.

Некогда через главную улицу проходил весь поток транспорта. Теперь новая дорога через отнятый у моря участок бежала к дуге стального моста. Две дороги встречались у отеля «Океан» на выставочной стороне бухты и на южной окраине городка, где прибрежные скалы как будто сливались с крутыми берегами острова Сесоко, отделенного от Тогути узким проливом. Каждые двадцать минут от берега отчаливал крошечный паром с откидывающейся, как у десантной баржи, аппарелью. Он, почти не снижая скорости, приближался к берегу и выбрасывал нос на песок.

Кроме Тогути, в уезде Мотобу есть еще несколько деревень. Они тянутся вдоль дороги № 58 или убегают вверх по склонам высокого холма. Пространство между проезжей частью и берегом заполняют магазинчики и хижины рыбаков, возле которых лежат длинные рыбацкие пироги. Давным-давно их выдалбливали из стволов многолетних деревьев, как это делали на протяжении столетий аборигены Тайваня. Но пригодных корабельных стволов на Окинаве уже давно нет. Лишь форма лодок напоминает о тех временах. За северной границей выставки, в тени бамбука, шелковиц и мирт виднеются красные черепичные крыши другой деревни. Вдоль нее можно было пройти до мыса Бисэ с возвышавшейся на нем белоснежной башней маяка.

На улицах Тогути в дневное время немногочленно, особенно летом и ранней осенью, когда жара и сильная влажность доставляют пешеходу только неприятные ощущения. От зноя можно укрыться в автобусе, где

обязательно есть кондиционер, или в такси, которых, несмотря на небольшие размеры городка, всегда в изобилии. Они скапливаются возле базара и торговых рядов. Эти ряды собрали под одной крышей множество лавчонок, где приобретают всевозможную, как правило, не самую изысканную одежду, предметы домашнего обихода, пластинки и записи популярной музыки. Двигаться там приходилось по узеньким коридорчикам между столбов, подпиравших крышу здания. Хозяйки в ожидании покупателя переговаривались друг с другом. Они всегда были рады, когда их приветствовали по-рюкюски: «Хайсай» (здравствуйте!).

П. Ю. Шмидт в своей книге «На островах Лиу-Киу» писал:

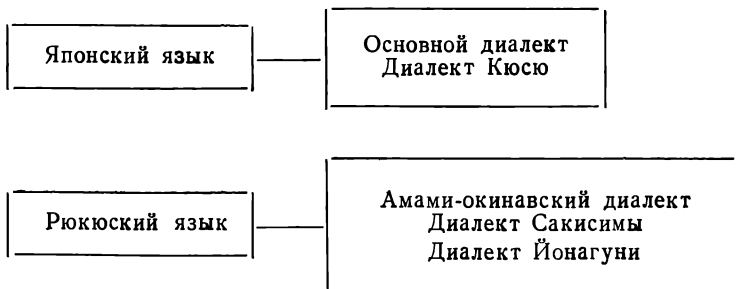
Для меня же здесь, на Амамиосиме, и мой скудный запас японских слов и выражений был почти бесполезным, так как местное население говорит на особом языке, лиукийском, сходном с древне-японским, но мало похожим на современный. Найти же здесь переводчика оказалось невозможным, и если бы не помощь моих французов, я был бы в большом затруднении.

Остров Амамиосима находится к северу от Окинавы. Он был отторгнут от королевства Рюкю еще в 1609 году, но его население — рюкюсцы — продолжало сохранять свой язык и обычаи. Сегодня вряд ли на островах Рюкю можно найти такой глухой уголок, где не понимали бы японского. Разве только пожилые люди говорят на нем с трудом. На японском языке ведут передачи телевидение, радио, выходят газеты. В учебных заведениях и административных учреждениях также принят только один язык — японский. И все же в кругу семьи рюкюсцы предпочитают говорить на своем языке, и первые слова ребенок произносит по-рюкюски.

Для японцев этот язык совершенно непонятен и, напротив, для жителей Окинавы, никогда не ходивших в школу, непонятен японский. У лингвистов существует метод определения степени родства различных языков по двумстам наиболее употребимым словам. По этому методу выведен показатель родства японского и рюкюского. Он составляет 64,5 процента. Аналогичный способ сравнения немецкого и английского дал почти такие же результаты — 58,5 процента.

В настоящее время в Японии используется термин «японо-рюкюская языковая семья». Однако единой

классификации всех ее составных компонентов пока нет. Приведу лишь схему, разработанную японским лингвистом Юкио Уэмурой, которая была опубликована в материалах по истории и этнографии островов Рюкю, изданных Гавайским университетом (США).



Амами-окинавский диалект он делит в свою очередь на несколько поддиалектов, а диалект Сакисимы — на два. На одном говорят жители островов Мияко, на втором — Яэямы. Разница между ними столь существенна, что они не понимают друг друга. На Окинаве не поймут ни тех, ни других. И здесь существуют несколько четко различимых говоров. Большинство жителей острова сразу определяет, откуда их собеседник: из Нахи, Сюри, Итомана или Ороку. Такую разобщенность можно отчасти объяснить географическими факторами — удаленностью островов друг от друга, плохим сообщением между отдельными районами. Но это не главная причина. За 270 лет ига Сацумы королевство Рюкю осталось отсталой феодальной страной, где почти не развивались межрайонные экономические связи, а в деревнях господствовало натуральное хозяйство. Различие между местными говорами не только не стиралось, но и продолжало увеличиваться. Сейчас все больше окинавцев говорит на наречии Нахи, крупнейшего города префектуры.

В своей публикации Ю. Уэмура высказал также интересное предположение о существовании в прошлом на островах Рюкю другого языка, вытесненного постепенно рюкюским. В доказательство он приводит слова, совершенно несвойственные японским диалектам, например, «тиида» — «солнце», «викига» — «мужчина»,

«кууга» — «яйцо». В подтверждение этой мысли говорят еще некоторые фонетические нормы, встречаемые только на Рюкю, а также и то обстоятельство, что далеко не все местные географические названия удалось объяснить.

Американские этнографы Уильям Лебра, Дуглас Херинг и Томас Марецки считают, что на островах Рюкю сохраняются четыре родственных, но самостоятельных языка: амами, окинавский, мияко и яэяма.

* * *

Чем дальше мы шли, тем меньше верилось глазам. Между деревьями, в самом деле, как на картинке, жались хижинки, окруженные каменным забором из кораллов, сложенных так плотно, что любая пушка задумалась бы перед этой крепостью... Глядя на эти коралловые заборы, вы подумаете, что за ними прячутся такие же крепкие каменные дома — ничего не бывало: там скромно стоят игрушечные домики, покрытые черепицей, или бедные хижинки, вроде хлевов, покрытые рисовой соломой, о трех стенках из тонкого дерева, заплетенного бамбуком; четвертой стены нет: одна сторона дома открыта; она задвигается в случае нужды рамой, заклеенной бумагой за неимением стекол; это у зажиточных домов, а у хижин вовсе не задвигается.

Так описывает И. А. Гончаров рюкюские жилища. Вот уже больше ста лет этому рассказу, а дома на Окинаве остались такими же.

У подошвы холма, на котором стояли наши коттеджи, примостилась деревенька, точь в точь соответствующая описаниям Гончарова. Коралловые заборы возвышаются по обе стороны ее узеньких улочек. Напротив каждого дома — широкий проем, а за ним в глубине двора — такой же забор, чуть пошире проема. Он лишь скрывает вход в жилище от постороннего глаза. Всякий, кто хочет войти туда, может обогнуть его с любой стороны. Ни ворот с засовами, ни калиток. Не от недобрых людей воздвигли окинавцы свои крепости: высокие прочные стены спасают постройки от сильных тайфунов, а конструкция проемов позволяет дневному бризу приносить в дом прохладу, столь желанную знойным летом.

Иногда дома стоят без ограды, но в этом случае они должны выдерживать порывы ветра скоростью до ста метров в секунду. Тихоокеанские тайфуны действитель-

но достигают такой силы. Все же порой и на открытом месте можно увидеть легкое строение с бамбуковыми стенами и соломенной крышей. Здесь тоже есть логика. Налетит тайфун, и жилище покорно ложится на бок, а крышу иногда просто не найдешь. Потеря невелика, а на ремонт уходит мало времени и средств. Рюкюсцы могут позволить себе такую беззаботность. Терять им нечего: внутри дом почти лишен какой-либо мебели. Вся жизнь его обитателей проходит на полу, довольно чистом, так как обувь в комнатах носить не принято. Спят они, как и японцы, на татами.

Кое-где в уезде Мотобу сохранились старинные амбары для хранения зерна, напоминающие «избушки на курьих ножках». Ножек, правда, не две, а четыре, иногда шесть. Снизу они скреплены прочными перекладинами. Вверху, на дощатом настиле, — домик без окон с единственной дверью, куда можно попасть по приставной лестнице. По высоким деревянным столбам к зерну не пробраться ни мышам, ни змеям. Туда не проникнет и вода даже во время самых сильных дождей.

Окинава живет как бы в двух мирах. Двадцатый век пронесется над черепичными и соломенными крышами в реактивных истребителях и бомбардировщиках ВВС США, тремястами тысячами автомобилей гудит по асфальтовым дорогам, обдаёт утлые рыбацкие пироги водяной пылью из-под воздушной подушки «ховеркрафтов». За колючей проволокой американских баз — новейшая электронная аппаратура для наблюдения за самолетами и кораблями, мощные радиостанции. Кабели огромной пропускной способности соединили Окинаву с Гавайями и далее прямо с Пентагоном. Рядом с собакольвами, охраняющими дома от злых духов, выросли телеантенны. С раннего утра до позднего вечера обрушивается на местных обитателей поток американских и японских боевиков, реклам, фильмов ужасов и секса. Злые духи врываются через антенны каждый день. Трудно подсчитать, сколько убивают, грабят, насилюют по всем пяти местным программам в течение часа. Сиси не в силах оградить дома от этого телезала двадцатого века.

Мне так ни разу и не довелось побывать в гостях у кого-нибудь из местных жителей: в Японии вообще крайне редко приглашают иностранцев к себе. Однако кое-

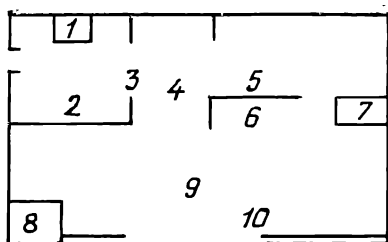
какое представление о внутреннем облике рюкюского жилища у меня сложилось. Те, кто побогаче, строят дома с двумя спальнями, а спереди отгораживают две-три комнаты, крайняя правая считается лучшей и служит гостиной. Там ставят низенький столик, за которым принимают гостей. У стенки, отделяющей комнату от спальни, обычно располагается ниша — утуку, где рядом с картинами-свитками какэмоно висят талисманы, защищающие дом от несчастий. Здесь, согласно поверью, живет домовая. В другой комнате (если она есть, а если нет, в этой же самой) располагается буддийское святилище предков — бутиданг. Он состоит из трех секций, сделанных в углублении стены, примерно в метре от пола. На самом верху висят таблички с именами предков (по линии старшего сына) — женские под мужскими. Ниже находятся полки, куда ставят вазы с цветами, кадилницы, чашки с чаем и с сакэ и другие подношения. Под всем этим находится выдвижной ящик, где хранятся записи генеалогической линии, а также награды, полученные тем или иным предком на правительственной службе.

Рюкюский бутиданг в общем ничем не отличается от японского буддийского алтаря. Однако в обращении с духами предков рюкюсы остались верны своим верованиям и традициям: в качестве подношений на полках алтаря нередко появляются мясные блюда, что полностью противоречит буддийскому ритуалу; делами бутиданга, как и всеми религиозными обрядами, ведает хозяйка дома. Она следит за календарем церемоний и объявляет о них другим членам семьи, готовит подношения, руководит общесемейными церемониями.

Старики утверждают, что дом вполне может обойтись без табличек с именами предков. Бутиданг лишь второстепенное святилище, главное — домашний очаг. Он представляет собой три больших необработанных камня, на которые ставят сосуды для приготовления пищи. Двадцатый век принес в дома электроплиты и электропечи. Радио, свет, водопровод пришли во многие дома. Даже в деревнях некоторые семьи имеют теперь стиральные машины, пылесосы и кондиционеры. В некоторых двориках можно увидеть газовые баллоны. Когда газ кончается, маленький юркий грузовичок компании, обслуживающей район, доставит новый бал-

План простейшего рюкюского жилища

1. Домашний очаг.
2. Земляной пол.
3. Кухня.
4. Приподнятый пол.
5. Задняя комната.
6. Бутиданг.
7. Шкаф для постельных принадлежностей.
8. Кладовка.
9. Передняя комната.
10. Съёмные раздвижные двери.
11. Подпорки крыши



лон. Но даже там, где женщины готовят по-современному, всегда есть ящичек с тремя традиционными камнями и толстым слоем пепла. Полагают, что самый старый очаг находится на острове Кудака. Между тремя его камнями лежит закопченный металлический котел с то ли прогоревшим, то ли проржавевшим насквозь дном. Отсюда, по поверью рюкюсцев, берет свое начало человечество, а пепел этого очага люди брали с собой на другие острова. Хозяйка дома молится у домашнего очага в первый и пятнадцатый день каждого месяца лунного календаря, а также по другим особым случаям. Богиня домашнего очага считается посредницей при ее общении с более могущественными божествами.

Рюкюсцы — язычники-анимисты. Они верят в существование души и духов, которые живут во всех одушевленных и неодушевленных предметах. Самые главные духи — это боги. Этнографы находят некоторое сходство между синтоистскими богами (ками) и рюкюскими, однако образы и функции последних еще более неопределенны. Полагают лишь, что они могут говорить, даровать милость и посылать наказания.

На Окинаве нет даже самых примитивных идолов, не говоря уж о чем-нибудь похожем на Зевса Олимпийского, Артемиду Эфесскую или Венеру Милосскую. Здесь не встретишь и великолепных храмов, таких, например, как Кёмидзу и Рёандзи в Киото. Обычный рюкюский храм ками-асаги — это открытый со всех сторон соломенный навес на каменных или деревянных столбах. Он находится или во дворе жрицы-нуру, или на небольшой расчищенной площадке, где собираются сельские или поселковые сходки. Пол храма — голая

земля. Единственная «мебель» — массивное бревно, на котором во время церемоний восседает жрица со своими помощницами. После молитв и распития церемониального вина раздаются звуки барабана. Присутствующие начинают петь и танцевать. Они верят, что в их веселье участвуют боги.

Во многих населенных пунктах сохранились небольшие храмы — тунти-яа. Внешне это обыкновенный дом под черепичной или соломенной крышей. Внутри находится главный очаг прихода. Перед важной церемонией жрица приглашает богов принять в ней участие. Специальное вино готовится здесь за три дня до начала молебна, что служит своего рода восточкой богам. В некоторых населенных пунктах есть два, а то и три тунти-яа. Они расположены либо во дворах основателей ветви рода, либо где-нибудь неподалеку.

Самое главное место богослужений — священная роща, небольшой густо заросший деревьями и кустарником участок с поляной посредине. Здесь стоят большой камень и курильница благовоний. Камень олицетворяет богиню — основательницу деревни, но почести отдаются не ей. Она служит лишь посредницей при общении с божеством рощи. Тут никогда не поют и не танцуют. Напротив, голоса молящихся жриц приглушенны, торжественны.

Неискушенный турист, путешествуя по окинавским деревням, вряд ли отличит местные храмы от простых жилищ, священные рощи от обычных, камни на пересечении тропинок и дорог с начертанными на них таинственными иероглифами, которые предназначены для отвода злых духов, от придорожных столбов. Рюкюская религия невидима для постороннего глаза.

Боги Рюкю имеют свою иерархию. Верховной группой в пантеоне считаются божества природы во главе с богом небес. Он руководит богами моря, солнца и воды. На второй ступени находятся так называемые божества места: богиня домашнего очага, бог колодца, бог свиарника, бог рисового поля и т. п. Затем следуют боги — покровители отдельных профессий. Существуют свои покровители у плотников, кораблестроителей, ткачей. Жрица-нуру также имеет своего бога. Некоторые божества этой категории уже забыты, так как исчезли сами ремесла. Например, покровитель масте-

ров по плетению рыболовных сетей «исчез», когда на Окинаву стали завозить орудия лова фабричного производства.

Духи предков считаются божествами более низкой категории. Они обеспечивают семье связь со сверхъестественными силами. Наконец, жречество, которое на Окинаве почти полностью состоит из женщин, также обладает божественным духом. Их так и называют — каминтю (боголюди).

Рюкюсцы верят в возможность заставлять богов выполнять человеческие желания, управляя ими через молитвы и ритуалы. Недостаточное внимание к богам может вызвать их гнев и стать причиной несчастий. Так ведут себя и духи предков.

По канонам рюкюской религии, у каждого человека есть душа (мабуй), потеря которой ведет к смерти. Отлетевшая от тела душа сама направляется к склепу, откуда ее не может вызвать даже самая искусная шаманка.

Как рассказывают окинавцы, шаманка (юта) рождается с божественным предначертанием. Ребенком она может беззаботно играть с другими детьми, ходить в школу. Но, говорят, рано или поздно боги посылают ей знамение: недомогание, болезнь, страшные сны, галлюцинации, необычайные происшествия. Почуввав недоброе, женщина рано или поздно обращается к практикующей шаманке. Узнав от нее о своем долге перед богами, очень немногие сразу смиряются с судьбой, большинство продолжает сопротивляться. Тогда на них обрушивается божественный гнев (камидаари), другими словами, психическое расстройство. Боги будут гневаться до тех пор, пока жертва не встанет на путь истинный. Создается впечатление, что старые шаманки нарочно выбирают себе преемниц среди лиц, склонных к болезням, психически неустойчивых. Если учесть, что шаманок на Окинаве до сих пор в три раза больше, чем профессиональных врачей, то вполне понятно, почему юные пациентки в конце концов оказываются в их руках. Окинавцы, имевшие дело с шаманками, рассказывали, что даже в детстве те отличались от своих сверстниц плохим здоровьем, впечатлительностью, припадками истерии. Во время камидаари другие шаманки под видом лечения убеждают избранницу принять их сан.

Все несчастья рюкюская религия объясняет действием сверхъестественных сил, шаманке же даны-де способности не только разглядеть причины бед, но и найти способ исправить положение. Поэтому «услуги» шаманки щедро вознаграждаются: за один час она зарабатывает больше, чем средний окинавец за весь рабочий день. Помимо денег, нередко преподносят подарки и угощения. Особенно много ей платят за визит домой. Большинство советов шаманки заключаются в усиленных молитвах богам и духам предков. Наказаний за ошибки не существует, кроме потери популярности и соответственно клиентуры.

Проработавший здесь семь лет учителем американец Клейтон Хогг в своей книге «Окинава» рассказывает об исцелении шаманкой Якэны больного ребенка: «После разговора с матерью шаманка положила руку на голову ребенка и, закрыв глаза, помолилась про себя. Затем два-три раза нежно подула на маленького пациента. Повторив эту операцию несколько раз, она заверила женщину, что все теперь будет в порядке. Та заплатила положенную сумму и ушла полностью успокоенная».

В четырех случаях из пяти к шаманкам обращаются по поводу различных заболеваний, а так как эффект внушения действительно имеет значение, часть пациентов выздоравливает. Можно предположить также, что шаманки недаром подбирают себе преемниц по определенным признакам. Вероятно, они ищут девушек, способных видеть биополя других людей и воздействовать на них своим биополем, то есть экстрасенсов.

Шаманки решают разные проблемы: толкование странных снов, совместимость с будущим супругом (супругой), усыновление, разорение и даже политические дела. Чтобы не узнали соседи, принято обращаться к шаманкам из другого поселка, города или деревни, но все они прекрасно осведомлены о положении дел клиента и поэтому нередко могут дать полезный совет. Среди посетителей встречаются преподаватели университетов и школ, префектуральные и муниципальные чиновники, бизнесмены.

В настоящее время религия рюкюсцев не имеет никакой централизованной организации. Верховная жрица потеряла реальную власть еще в начале XX века.

Она умерла в 1942 году, не оставив после себя преемницы. Исчезли и предводительницы культа отдельных районов. Самой значительной фигурой остается теперь жрица общины. В общину, помимо родной деревни жрицы, входят обычно еще две, основанные выходцами из первой (некоторые полагают, что это, скорее всего, лишь предание). В больших городах может быть несколько жриц.

В отличие от шаманок, жрицы обретают свою профессию без приключений. Новой жрицей становится родственница прежней, как правило, старшая дочь старшего брата.

На острове Кудака существует особая система посвящения в жрицы. Как пишет в своей книге «Народ и боги Окинавы» американский этнограф Джеймс Робинсон, один раз в двенадцать лет, в год лошади по китайскому календарю, там происходит церемония, которая называется идзайхо. Крошечный остров с населением около шестисот человек имеет свою духовную иерархию. Имеется одна верховная жрица. Женщины в возрасте от 61 до 70 лет считаются старшими жрицами и ее советницами. На третьей ступени находятся островитянки от 54 до 60 лет, на четвертой — те, кому от 42 до 53. В пятую — самую младшую — категорию принимают всех женщин, кому к моменту церемонии исполнилось от 30 лет до 41 года.

В первый день этого религиозного праздника все кандидатки в жрицы проходят по узкому и короткому (чуть более метра) бревну, установленному возле камисаги, пол которого покрывают листьями деревьев. Считается несомненным, что неверная жена или нецеломудренная женщина обязательно потеряет равновесие. Затем кандидатки всю ночь молятся в священной роще. Завершается церемония соревнованием по перетягиванию каната и распитием специально приготовленного вина.

Окинавские жрицы председательствуют на всех важнейших религиозных церемониях общины. Раньше они разъезжали по деревням на белых лошадях. В последнее время — в автомобилях или на мотоциклах. Однако в дни религиозных праздников в некоторых местах, например в деревне Сиоя, жриц доставляют в специальных крытых паланкинах. Носят они главным образом

белые кимоно. На голову надевают фиолетовую повязку, а на шею — нитку с одной или тремя похожими на когти бусинами.

Жрица служит всей общине и, в отличие от шаманок, не имеет клиентуры. Она, правда, может помолиться за успешное возвращение рыбаков из плавания, за поступление ребенка в университет и т. п., но никакого вознаграждения при этом не возьмет, так как последнее слово остается за богами. Но полагают, что отдельные жрицы могут повышать плодородие почвы, вызывать дождь и способствовать лучшему урожаю.

На первый взгляд религия рюкюсцев сдает свои позиции. Забыты многие табу, например на полевые работы или заготовку хвороста в лесу в определенные дни года. Сама жрица во время церемоний теперь посещает далеко не все святые места, которые никогда не оставляли без внимания ее предшественницы. В священные рощи свободно заходят мужчины. Религиозные праздники постепенно превращаются в веселые карнавалы и состязания.

Однако большинство населения продолжает верить в своих богов, домашний очаг и почитать духов предков. Массовая культура, мощными волнами накатывающаяся с других Японских островов и из США, не предлагает окинавцам подлинных духовных ценностей. Безработица, безысходность, рискованный промысел в море, постоянная зависимость земледельца от тайфунов и засух заставляет их искать причин своих бед и выход из положения в мире богов и духов.

Рюкюсцы по-прежнему верят, что чем больше детей, особенно сыновей, дадут им боги, тем большим вниманием будут окружены их души после смерти. Поэтому в окинавских семьях нередко трое-пятеро детей. На декабрь 1974 года население префектуры составило 1 034 104 человека. Из них 87 процентов проживало на архипелаге Окинава, 7 — на Мияко, 5 — на Яэяме. Около 60 процентов окинавцев сосредоточилось в немногих городах: Нахе, Кодзе, Наго, Урасоэ, Исикаве, Итомане, Исигаки, Хираре и других. Многие живут в поселках городского типа, таких, как Тогути. А на удаленных островах префектуры Минамидайто, Китадайто, Дзамами, Агуни, Йонагуни население сокращается ежегодно примерно на 8 процентов. Почти каждый год

в префектуре появляется новый необитаемый остров с остатками хижин, загонов для скота, полями, заросшими сорной травой. Суровые природные условия, частые тайфуны, удаленность от рынков сбыта делают жизнь на маленьких островах все менее привлекательной. Покидая родные места, люди перебираются на остров Окинава, где и так трудно найти работу и крышу над головой. В некоторых районах Нахи, например, стоимость жилья с 1972 по 1977 год возросла в 16 раз.

Ежегодно население префектуры увеличивается примерно на 30 тысяч человек. Это самые высокие темпы прироста во всей Японии. Рождаются новые окинавцы. В семьях большая радость. Но малышам нужна пища, кров, а лет через восемнадцать — работа. Пока на этом, одном из самых тесных уголков планеты свое место в жизни находят далеко не все.

Окинавские дети появляются на свет, как и во всех цивилизованных странах, в медицинских учреждениях. Однако во многих деревнях женщины еще рожают дома в присутствии акушерки и нескольких помощниц. Послед обычно закапывают во дворе позади дома, а сверху сажают какой-нибудь куст, чтобы туда никто не наступил. Пуповину высушивают и аккуратно кладут в пакет. Говорят, что ее хранят на протяжении всей жизни, а после смерти кладут в могилу. Во многих местах рождение ребенка отмечают большой стиркой на берегу моря. Помимо практической стороны дела, эта церемония имеет и ритуальное значение, так как соль, по мнению верующих, избавляет от всякой скверны. Вот почему там, где море далеко, все равно стирают в соленой воде. О прибавлении семья сразу же возглашает у домашнего очага и у алтаря с табличками предков, чтобы и боги, и предки знали о маленьком человеке и встали на его защиту.

Через шесть дней после родов семья отмечает так называемое полное рождение (мансанг). С этого дня ребенок может получить имя. Первенцу мальчику обычно дают имя деда по отцовской линии, но до 15 лет к нему добавляют уменьшительный суффикс «гва». Например, Обумото — Обумотогва. Для младших сыновей строгих предписаний не существует, хотя часто второй сын получает имя деда по материнской линии, а третий — брата деда по отцовской. В некоторых семьях

всех младших сыновей нарекали именами братьев деда по отцовской линии. Старшая дочь обычно наследует имя одной из бабушек. Эта система сохранилась еще во многих деревнях Окинавы, но горожане почти повсеместно дают детям имена, не согласуясь с традицией.

Ребенка на шестой день после рождения представляют предкам и домашнему очагу. Полагают, что у непредставленного младенца шансы на выживание ничтожны. Мать незаконнорожденного всегда просит разрешения родного отца ребенка помолиться у его очага. Согласие в этом случае приравнивается к признанию отцовства. Лишь в редких случаях мужчина осмеливается отказать. Тогда, по поверью, привидение умершего ребенка не оставит в покое дом отца и принесет ему несчастье. В Итомане, городе на юго-западе Окинавы, где живут главным образом рыбаки, ребенка на сотый день после рождения приносят к жрице, которая просит покровительствующее ей божество защитить его.

Непосвященному иностранцу имена и фамилии рюкюсцев кажутся японскими. Иногда на Окинаве действительно дают японские имена. А вот фамилии... Работая некоторое время в токийском отделении ТАСС, я был свидетелем полной растерянности переводчиц-японок, когда те пытались прочесть рюкюские имена и фамилии. Без специального словаря сделать это можно, лишь посмотрев соответствующее сочетание иероглифов... на географической карте.

Сто лет назад фамилии были только у аристократов. В 1689 году король учредил контору генеалогических записей и даровал каждому знатному роду по китайскому иероглифу для фамилии. Определенный иероглиф всегда входил и в имена знати. Например, мужчины рода Бу носили фамилию Бу, а к имени добавляли иероглиф Ки. Соответственно их имена звучали так: Кидзо, Киэ, Киё, Кидзэн.

После ликвидации королевства каждая семья по указу японских властей была обязана взять себе фамилию. Почти все остановили свой выбор на названии какого-нибудь населенного пункта, речки, замка, долины, горы и т. п. Вот почему прочитать окинавские имена помогает подробная географическая карта, где рядом с иероглифическим написанием есть латинская транскрипция. Бывают, правда, случаи, когда даже са-

мую простую фамилию правильно не может прочесть никто, кроме ее носителей. Дело в том, что все названия на Окинаве читаются по-рюкюски, а часть фамилий, образованных теми же иероглифами, по-японски. Например, фамилия Тамагусуку (по-рюкюски «королевский замок») у другого человека может читаться по-японски Осиро. В таких случаях окинавские газеты приходят на помощь читателям и мелким, еле различимым шрифтом дают транскрипцию нелегкой фамилии. Впрочем, так поступают и газеты на других японских островах.

При короле простые люди вместо фамилий пользовались названиями дворов. Взрослые сыновья, кроме старшего, создавая свои семьи, всегда селились неподалеку от отчего дома, старший же становился наследником. Каждый новый двор получал свое название, куда обязательно входило название родительского. Как это осуществлялось на практике, записали в своей книге «Окинавская деревня Тайра» американские супруги-этнографы Томас и Хацуми Марецки. Одну из генеалогических схем этой деревни, прослеженную на протяжении шести поколений, вы можете посмотреть на с. 92.

Как видно, часть названий дворов происходит от географического положения по отношению к родительскому дому, другие же показывают лишь последовательность отделения от него. Иримиагарифукудзигва, согласитесь, выглядит несколько громоздко. Однако в общении односельчан друг с другом они нередко удобнее фамилий и содержат полную информацию о степени родства и даже адрес. К тому же многие ветви, в которых состоят десятки человек, взяли себе общую фамилию. Неизвестно, что проще: объяснить, кого вы имеете в виду, или выговорить длинное слово.

Употребление подобных названий — не просто дань традиции. По местным понятиям, общество состоит не из отдельных людей, а из дворов-семей. Ответственность перед семьей и предками за свои поступки, как и ответственность семьи за деяния предков, — основа психологии рюкюсцев. Человек, бросающий вызов этой морали, встретит всеобщее осуждение и будет вынужден либо исправиться, либо покинуть деревню. С раннего детства и до глубокой старости пронесит рюкюсцев

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ СХЕМА ДЕРЕВНИ ТАЙРА

Поколения

1-е	Фукудзи				
2-е	»	— Фукудзигва			
3-е	»	»	— Мифукудзигва		
4-е	»	»	»	— Миагарифукудзигва	
5-е	»	»	»	»	— Иримиагарифукуд- зигва
6-е	»	»	»	»	»
	(Фукудзи)	(Маленький Фукудзи)	(Новый Маленький Фукудзи)	(Новый Восточный Маленький Фукудзи)	(Западный Новый Восточный Маленький Фукудзи)
					(Южный Новый Восточный Маленький Фукудзи)

чувство принадлежности к семье, ветви рода, роду и уважение к предкам.

Окинавские женщины носят младенцев за спиной. На выставке я часто видел, как они разгуливали по павильонам, а уставшие от многочасовой прогулки дети спали. Головка малыша свешивалась и моталась из стороны в сторону к ужасу наших женщин. Считается, что уже за спиной матери японские ребятишки постигают азы национального этикета. Окинавские дети этого этикета, скорее всего, не узнают. Церемониальные поклоны, расшаркивания и супервежливость на островах Рюкю не в ходу. Рюкюсцы более просты в обращении, общительны и, кажется, больше любят шутки и смех. Может быть, поэтому и называли Окинаву «островом улыбок».

Никакое веселье здесь не обходится без крепких напитков, и окинавцы потребляют их в большом количестве. Однако мне так и не довелось быть свидетелем какого-либо хулиганства или потасовки. Умение пить, сохраняя человеческое достоинство, ценится не ниже прочих мужских добродетелей. Схема окинавской вечеринки довольно необычна. Женщины сидят в отдельной комнате и обсуждают свои дела, а всех собравшихся мужчин обходят дочери хозяина дома, предлагая им стаканчики с виски, сакэ и пивом. Сидят все на полу вокруг небольшого низенького стола, куда ставят лишь часть закусок, состоящих, как правило, из консервированных овощей, продуктов моря и типичных рюкюских кушаний: жареной свинины, сладкого картофеля вперемешку с овощами и густым соусом. Пропустив несколько стаканчиков, гости закусывают. Это пока разминка, тосты будут впереди.

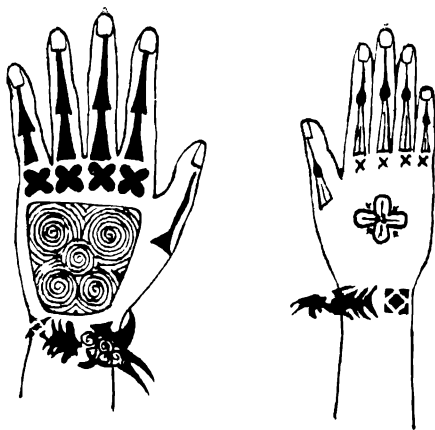
Начинает их хозяин дома, но обращается он не ко всем собравшимся, а к самому почетному гостю, который сидит рядом. Хозяин приподнимается со своей подушки и с бутылкой в руке направляется к гостю. Налив стаканчик, он протягивает его со словами приветствия. Гость выпивает все до дна, снова наливает виски и подает хозяину с ответным тостом. Выпив содержимое, хозяин идет к следующему гостю и так далее, пока не обойдет всех. Он еще находится в начале своего нелегкого пути, когда вслед за ним по кругу отправляется с бутылкой в руке самый почетный гость,

затем третий, четвертый... Этот процесс на некоторое время прерывается звуками джамисэна. Кто-нибудь исполняет народный танец. Танцоры сменяют друг друга. Затем тосты возобновляются. За семь лет жизни на Окинаве уже упомянутый мной американец Клейтон Хогг, по книге которого я составил эту схему, не раз присутствовал на местных вечеринках, но был не в силах досидеть до конца.

Я и сам неоднократно убеждался в том, что окинавцы не прочь выпить. Маленькие продовольственные магазины имеют у входа широкий навес, под которым стоят столики. Радостное событие можно отметить с друзьями тут же, купив сакэ (японскую рисовую водку) или авамори (местную рисовую водку), которая в два раза дешевле, но вдвое крепче. Два-три окинавца берут одну бутылку емкостью 1,8 литра и легко с ней справляются. Один из таких магазинчиков, которым владела госпожа Сирома, добродушная курчавая женщина лет пятидесяти, располагался рядом с нашими домиками, и мы нередко покупали там продукты. Однажды меня и еще двух работников павильона мужчины, жившие по соседству, пригласили разделить с ними небольшое торжество: сын одного из них за час до того победил в беге на сто метров с неплохим временем. Одна бутылка низкосортного виски «Никка» была уже пуста, вторая наполнена наполовину. Мы выпили по рюмке за успехи их детей. Окинавцы, которые запивали все кока-колой и почти не закусывали, как будто не пьянели. «Чего тут пить», — ответил отец виновника торжества, сделав пренебрежительный жест в сторону пустых бутылок, когда кто-то из нас выразил на этот счет свое удивление.

Еще недавно наиболее значительным торжеством в семье было тринадцатилетие сына или дочери, на него приглашались и родственники, и соседи. С этого времени мальчик мог носить мужскую прическу — пучок с большой заколкой, девушкам же делали татуировки на тыльной стороне ладони. Этот обычай был запрещен японскими властями, и П. Ю. Шмидт наблюдал татуировки только у женщин старше 40 лет. Спустя полвека я увидел лишь одну татуировку — на руках Мадзуру Кокэн, когда она разрезала ножницами ленту в день открытия «Экспо-75». Это был самый простой из из-

вестных этнографам рисунков: несколько овальных пятен, каждое величиной с боб, покрывали суставы пальцев, и три виднелись на тыльной стороне ладони. П. Ю. Шмидт сумел запечатлеть два традиционных узора на бумаге во время посещения острова Амамиосима.



Татуировки на руках женщин.
По рисункам П. Ю. Шмидта

Правый рисунок называется «цветок», левый, напоминающий разводы черепахового панциря, так и именуют «черепаха». Наносились они «индийскими чернилами», разбавленными авамори.

Существуют несколько объяснений этому вымершему обычаю. Согласно первому, жители островов Рюкю надеялись таким образом обезопасить своих дочерей от пиратов, поставлявших живой товар в публичные дома Японии и других стран. Татуировки же делали местных женщин совершенно непривлекательными для иноземцев. Вторая версия толкует обычай делать татуировки как часть обряда инициации, знаменовавшего конец детства. Действительно, регистрационные записи шестидесятилетней давности говорят, что замужество в четырнадцатилетнем возрасте было в те времена обычным явлением. На острове Мияко, издавна славившемся своими искусными ткачихами, татуировки на руках женщин отражали достигнутое ими мастерство. Таканоя, автор упомянутой ранее публикации в журнале «Фудзоку гахо», утверждает, что татуировки жительниц Мияко точно соответствовали освоенным ими на ткацком станке узорам. У пожилых мастериц, по его словам, они доходили до локтей. Американский этнограф Клэрэнс Глэкен в своей книге «Великий Лучу» (так тоже в прошлом называли острова Рюкю) высказывает предположение о связи татуировок с семейно-родовыми

отношениями и системой названий дворов. К сожалению, его версия пока не исследована, да и трудно приступить к изучению этого вопроса сейчас, когда самым «юным» носительницам татуировок 90—100 лет и осталось их совсем немного.

* * *

Каждому, наверное, приходилось хоть раз в жизни ездить на экскурсионном автобусе. За сравнительно короткое время из его окна можно увидеть многое. Но длительные поездки, несмотря на прекрасную погоду, захватывающие пейзажи и волнующие встречи с седой стариной, могут через несколько часов утомить путешественников, притупить их внимание. Глядишь, один-другой уже дремлет, не замечает окружающую его красоту. На Окинаве я лишний раз убедился, что во время путешествия многое зависит от хорошего экскурсовода.

14 ноября — день поездки по острову — выдался мрачным, в дороге нас застал дождь. В ноябре и декабре он льет почти ежедневно. Капли струйками стекали по окнам автобуса, навевая тоску.

Цветные фотопленки, заранее приготовленные для окинавских достопримечательностей, лежали в карманах мертвым грузом. В такую погоду невозможно отличить метелки тростника от ковыля. Унылое серое море сливалось с таким же свинцово-дымчатым небом, ярко-зеленые островки превратились в невыразительные темные нагромождения. Поездка наша закончилась бы так же скучно, как и началась, если бы к нам не присоединилась девушка-экскурсовод из окинавского экскурсионного бюро. Ее звали Кадзуко. Она впорхнула в автобус сразу после Наго, у морского парка.

Чтобы поднять наш дух, она спела окинавскую песенку про двух влюбленных и перевела ее на японский язык. У нее был прекрасный высокий голос, профессиональный слух и очаровательная улыбка. Чтобы не ударить в грязь лицом, мы хором запели «Ой, полна-полна моя коробушка». Любители спеть достали гитары, и песня заполнила автобус, вырвалась из окон и, казалось, заставила звенеть колючую проволоку американской базы, тянущуюся вдоль дороги.

Кадзуко научила нас нескольким рюкюским фра-

зам, в том числе и объяснению в любви. Но я не записал их, напрасно понадеявшись на память.

— По вашему мнению, осенний дождь — скверная штука, — затронула она, наконец, погоду, — но мы, окинавцы, так не считаем. Поздняя осень на Окинаве — сезон свадеб. По обычаю, жених должен посадить в день свадьбы дерево семейного счастья, а лучшего времени, чем дождливая осень, для этого не придумаешь. Дереву ведь нужно много влаги.

Дождь по-прежнему хлестал по стеклу, но он уже «не делал погоды».

— Окинавская свадьба отличается от свадеб на других островах Японии, — продолжала Кадзуко. — Она намного веселее. Гостей обычно более ста человек, иногда гуляет почти вся деревня. Конечно, ни у молодых, ни у их родителей средств на такое пиршество никогда не хватит, поэтому гости приносят деньги в конвертах. И эта сумма перекрывает расходы, в остальных же районах страны молодым приходится добавлять.

Существуют и другие особенности окинавских свадебных обрядов. Свадьба здесь начинается только во время прилива. Молодые сидят на почетном месте. Жених в строгом костюме, невеста в нарядном кимоно со сложной прической или в высоком парике. Нередко на официальной части церемонии лицо невесты покрывает густой слой белил и помады. После пышных речей в честь новобрачных невеста появляется уже в обычном платье и без белил. С этого момента тамада начинает рассказывать анекдоты и задавать жениху с невестой весьма щекотливые вопросы об их интимной жизни. По местным понятиям, все это в порядке вещей, как и то, что невеста уже носит под сердцем ребенка. Во многих районах Окинавы после достижения согласия между родителями жениху разрешается ночевать у невесты. Будущих супругов так и называют «ночная пара». При этом жених до двух лет безвозмездно работает на будущих тестя и тещу.

Как бы далеко ни заходили отношения юноши и девушки в окинавской деревне, никто в них не вмешивается. Куда строже были местные нравы, когда Ромео жил в другой деревне. Девушке тогда устраивали хорошую взбучку. Доставалось и кавалеру, если его заставляли с ней наедине. Влюбленных сажали на доску

или бревно и катали по деревне. Правда, брак с чужаком мог состояться, если жених заплатит крупный штраф всем холостякам — односельчанам невесты. Штраф этот назывался нма-дима (лошадиный штраф) — по аналогии с катанием на бревне — и принимался как деньгами, так и спиртным. Но, судя по рассказам пожилых окинавцев, междеревенский брак был очень редким явлением. От них я узнал, что невесту обычно искали среди родственников, за исключением дочерей брата отца. В таких случаях жениху не приходилось отрабатывать выкуп. И сейчас в окинавских деревнях около половины свадеб происходит внутри одной ветви рода. Особенно чтут эту традицию в глухих северных районах. В прошлом многие браки заключались по сговору. Большое значение придавалось мнению шаманки или гадалателя относительно совместимости жениха и невесты. При этом она, как правило, обращалась к китайскому гороскопу.

Межсословные браки в королевстве Рюкю были также крайне редки. Девушкам из знатных семей женихов всегда подбирали родители. Выкупа, отработок и обязательного проживания в доме родителей невесты не практиковалось. Более того, невесту почти никогда не выбирали среди родственников. К началу второй мировой войны от сословных различий остались лишь воспоминания. Были забыты и особые брачные обычаи знати.

Наиболее быстро прощается с традициями городская молодежь. Остался незывлемым лишь денежный выкуп. Сумма его довольно велика — несколько месячных зарплат, но, как правило, деньги возвращаются молодым в виде мебели и других необходимых по хозяйству вещей.

Окинавцы обычно женятся в возрасте 24—25 лет, а женщины выходят замуж в 22—23 года. Возможность самостоятельно обеспечивать семью — неперемное условие для мужчины. Я встречал окинавцев, которые и в 30 лет оставались холостяками. «Нам не на что содержать семью», — повторяли они одну и ту же фразу. Некоторые из этих людей не имели постоянной работы, а один числился диспетчером в американском военном гараже. У него не было твердого заработка. Когда нечего было делать, его отправляли домой без гроша в

кармане. Вынужденные простои администрация не оплачивала. Так обходятся почти со всеми окинавцами, работающими на американских базах.

В окинавской семье больше всего забот у старшего сына. На его попечении не только жена и дети, но и престарелые родители. Недаром в крестьянских хозяйствах ему выделяют большую часть земельного надела. Младшие сыновья после свадьбы имеют отдельные жилища, которые тем не менее считаются ответвлениями отцовского дома. Когда они уже построены, из родительского очага берут горсть пепла и рассыпают на новых очагах, как это делают при переезде всей семьи. Преемственность очага сохраняется на протяжении столетий. Пепел из родительского очага кладут также в небольшую коробочку возле плиты, на которой готовят. Перед переселением в новый дом младший сын просит у предков родительского дома защиты и поддержки. Мать молится очагу, чтобы и боги знали о переселении сына. Так создается новая ветвь рода.

В любой окинавской деревне можно по цепочке найти самый древний, всеми почитаемый дом. В некоторых деревнях почти все жители — потомки овейной легенды первой семьи, которая обитала в этом доме. Окинавские роды объединяют всех родственников по мужской линии, многие так разрослись, что не умещаются в одной деревне.

Каждый род делится на ветви. Ветвь дома основателя рода считается старшей. Часто ее называют ветвью старшего сына. Другие могут называться ветвями второго сына, третьего сына и т. д. Уильям Лебра в книге «Окинавская религия» приводит в качестве примера род Ханья, дом основателя которого находится в деревне Тэруя, ветвь второго сына — в деревне Канэгусуку, а ветвь третьего сына — в Какадзу. Нетрудно догадаться, что название каждой ветви означает не основание ее родными братьями, а лишь последовательность отделения. Часто отделение происходило так давно, что дом основателя рода уже никто не помнит и его роль переходит к дому основателя ветви. Ветвь в свою очередь делится на новые ветви, и у каждой появляется свой старший дом.

До замужества женщина остается членом отцовского рода, а затем переходит в род мужа. Исключение

составляют жрицы общин и жрицы родов (кудии). Они служат роду своего отца. В прошлом им даже запрещалось выходить замуж.

Если семья остается без сына — горе всему роду. Согласно поверью, дух человека, оставшегося без наследника, будет маяться и приносить людям несчастье. Когда в семье одни дочери, родители обязаны кого-нибудь усыновить. Усыновленный должен быть непременно из второго поколения, например сын старшего или младшего брата главы семьи. Если это невозможно, усыновляется ребенок из дома других близких родственников и, как правило, из старшей ветви. Принятый в семью сын имеет все права родного и наследует дом вместе с реликвиями предков.

Во время войны многие семьи были либо полностью истреблены, либо остались без наследников. Таблички с именами их предков перекочевали в дома ближайших родственников и хранились до тех пор, пока там не женился младший сын. Он забирал их с собой на старое место и принимал название двора вымершей семьи. Теперь предки той семьи становились его предками. Так даже исчезнувшая семья не оставалась без продолжателя рода.

Основа основ рюкюской системы почитания предков состоит в том, что ни один человек, особенно мужчина, не должен умереть, не оставив потомков, которые могли бы за него молиться.

Если средний сын умирает до свадьбы, его табличка остается в отцовском доме до свадьбы младшего сына. Она переносится в жилище новобрачных и почитается как реликвия основателя дома. Но такой церемонии удостоиваются лишь умершие юноши или мальчики старше шести лет. До этого возраста детей как бы еще не считают людьми.

Когда Кадзуко рассказала об окинавских свадебных традициях, ее тут же спросили, есть ли у нее жених.

— Есть, — ответила она, нисколько не смутившись, и быстро перевела разговор на другую тему.

Дождь то переставал, то вновь обрушивался на автобус. Лишь однажды, когда мы были в ботаническом саду, сквозь нагромождение темных туч блеснуло солнце. Словно бриллианты заиграли в его лучах капли на листьях кокосовых пальм. Хорошо будут расти деревья,

посаженные этой осенью молодыми окинавскими семьями.

Мы попрощались с Кадзуко возле ее дома на окраине Нахи. Тайком от нее во время остановки на одной из центральных улиц города мы купили большой букет роз. Девушка стояла в дверях автобуса и, прощаясь, еле заметным движением смахнула набежавшую слезинку.

* * *

Ее называют сказкой в камне, но ни одна сказка не захватывает так, как пещера Гёкусэндо, и ни одно творение зодчих не может поспорить с ней по красоте. Ее ведь создавала сама Природа, а заняла эта работа 300—400 тысяч лет.

Десятки поколений окинавцев наблюдали, как вырывается из земных глубин мощный поток. Но никто не отважился заглянуть в его истоки, открыть тайну. Лишь в 1968 году группа спелеологов японского университета Эхиме достигла сердца пещеры. Свет фонарей блуждал по каменным сводам с необыкновенными по размерам и формам сталактитами и сталагмитами. Прошло всего четыре года, и пещера приняла первых экскурсантов. Сегодня уже нет необходимости обвязывать друг друга веревками и надевать непромокаемые комбинезоны.

Вдоль ряда стройных, как будто причесанных под одну гребенку кокосовых пальм автобус въезжает на территорию заповедника. Две минуты ходьбы по усыпанной красноватым гравием аллее с шеренгой таких же пальм — и перед вами бетонный куб с дверью посредине. Здесь вы на полчаса расстанетесь с солнцем.

Длина пещеры 4,1 километра. В отдельных ее залах высота потолка достигает 25 метров. В Японии — она третья по величине, а по количеству сталактитов (их 460 тысяч — двадцати пяти видов) с ней не может сравниться ни одна пещера Азии.

У крутой каменной лестницы надпись: «Фотографировать запрещается! Вспышки вредно действуют на сталактиты!» С верхней площадки вход в пещеру кажется маленьким черным пятнышком на фоне белых сводов, через каждые 20 метров освещенных яркими

неоновыми лампами. Они бросают свет только по обе стороны свода, и от этого уходящий вглубь тоннель кажется сотканным из темных и светлых колец, сходящихся далеко внизу. Там путь, проложенный недавно человеком, кончается, и начинается тот, что был проделан в грунте подземными водами. Это — не что иное, как спрессованные веками ракушки. Поток воды, встречая толщу известняка, растворяет его и прорывает причудливые подземные тоннели. Просачиваясь через своды пещеры, капли падают на дно, почти полностью насыщенные известью. На месте отрыва капли медленно, по миллиметру за несколько лет, вырастают каменные сосульки — сталактиты. Тысячелетия превращают их в колонны с заостренной нижней частью, где капли воды продолжают свою работу. Падая на дно пещеры, они образуют сталагмиты, направленные острием вверх. Долгое время сталактит и сталагмит составляют как бы колонну с базой и с капителью, но без середины. Проходят тысячелетия, и колонна, наконец, готова целиком.

Одна такая колонна — Подпорка небес — поджидает туристов в самом начале пути. Она словно десятки стволов мангровых зарослей вырастает из пола и устремляется к потолку пещеры, а вокруг спускается белая бахрома из маленьких сталактитов. Не менее сотни таких же сталактитов сплелись в одну занавеску, край которой почти достает до перил мостика. Это скопление так и названо Отгуженной занавеской.

Перебравшись по мостику через бегущий поток, экскурсанты вступают в Подземные джунгли. Река здесь прорывается через массивные зубчатые ворота, похожие на те, что опускались в старинных замках. Далее пол пещеры образует чашу цвета золота высокой пробы. В изумрудно-зеленой воде отражаются нависшие над ней золотые «сосульки». Своим цветом берега чаши обязаны особому виду известняка, который здесь называют нанкуваси, а вот причину такой окраски воды до сих пор объяснить не могут.

Следующий зал — Жаркий туман. Но ничего похожего на туман здесь нет. Наоборот, видимость — четкая, и вода на дне зала прозрачна, как стекло. Зато возникают ассоциации с жаром. Подобные стены мне приходилось видеть там, где в годы войны поработали

струи огнеметов. Повсюду висят мелкие черные сталактиты, напоминающие оплавленный кирпич.

Далее пешеходный мостик бежит к Пасти дракона. В этом зале есть действительно довольно широкий и глубокий грот, ощетинившийся массивными острыми зубьями — сталактитами. Из чрева грота в круглый водоем с трехметровой высоты низвергается водопад.

Пройти через зал Копий и остаться сухим невозможно. На каждый квадратный метр потолка приходится десятка четыре маленьких острых сталактитов. То от одного, то от другого отрывается капля и шлепается на мокрый и скользкий настил.

Пройдя мимо белых, как верхушки ромовых баб, сталагмитов Колокола и Пагоды, вы попадаете в последний — самый большой (длина 80 метров, ширина 20 метров) и самый красивый зал Тоёдо. Мостик делает петлю вдоль его стен двадцатиметровой высоты, переходящих в свод-шатер, усыпанный маленькими тоненькими сталактитами. Навстречу им поднимаются сталагмиты гораздо больших размеров. Их тут особенно много, так как в Тоёдо почти нет воды: подземная речка минует этот гигантский зал. Дальний конец его освещен так, что кажется, будто сквозь толщу потолка пробивается солнечный свет. Впрочем, до поверхности недалеко — такая же лестница, что и у входа в пещеру, и вы выбрались из подземного царства.

На территории заповедника в одном из гротов приюстилось небольшое старинное кладбище. Оно словно нарочно подчеркивает здесь мимолетность человеческой жизни рядом с вечностью камня.

Изъеденный ветром и дождями, свод хранит скопление погребальных урн — глиняных горшков высотой около 70 сантиметров и диаметром около полуметра. Стенки гладкие, без всякого рисунка. Некоторые урны накрыты простыми глиняными крышками. Из других прямо на экскурсантов пустыми глазницами смотрят черепа. В глубине — груды человеческих костей.

Здесь хоронили с начала нашего тысячелетия и до конца XVIII века. Это так называемый открытый способ захоронения. Сначала покойника оставляют в деревянном гробу без крышки на берегу моря у грота.

Когда процесс разложения завершится, родственники умершего устраивают вторые похороны. Они очищают кости от всего, что на них осталось, отмывают их рисовой водкой и складывают в урну, которую здесь называют дзисигаами. Урну ставят в грот, рядом с другими. П. Ю. Шмидт видел еще свежие захоронения такого рода неподалеку от поселка Накидзин. Сейчас так хоронят только на острове Кудака.

Еще один тип рюкюских погребений — это древняя могила адзиси, вырытая в склоне холма небольшая пещера с дверцей. Там лежат кости предков — основателей рода. В таких могилах уже несколько лет никого не хоронят, однако возле них периодически появляются цветы и подношения.

У простых крестьян могила основателя рода может быть найдена в той деревне, где живет старшая ветвь рода. Адзиси аристократов находятся в деревнях, где их предки правили во времена феодальной раздробленности. Известно, что адзиси знатного рода Бу около четырех столетий назад появилась в деревне Тэруя, где его основатель был местным князем. В настоящее время ни один член рода не живет уже в той деревне, однако раз в год все Бу собираются, чтобы оказать почести старинной могиле.

Последним пристанищем большинству окинавцев служат каменные или бетонные склепы. На Окинаве их более сорока тысяч, а в одном месте сосредоточено обычно не более двух-трех десятков. Склепы бывают двух видов. Один из них — «панцирь черепахи». Эти могилы имеют три стены; четвертая — склон холма. Крыша либо выгнута, как спина черепахи, либо ее единственный скат напоминает гигантскую подкову, внешняя сторона которой упирается в землю. Чаще встречается другой вид склепов — с двухскатными крышами. Их нередко ставят вдоль дорог. Размеры бывают разные. Продолговатые с двумя дверями склепы величиной с крестьянскую хижину можно было увидеть прямо за оградой «Экспо-75». Их ряды тянулись между шоссе № 58 и линией автоматической дороги КРТ. Меньшие, с одним входом, стояли вдоль узкой ленты асфальта, соединявшей коттеджи советских работников выставки с шоссе.

«Панцири черепахи», как правило, — родовые моги-

лы, то есть там хоронят всех членов рода. Многие имеют две камеры: левую и правую. В правую вносят гроб с телом, и там он находится от одного года до трех лет или до следующих похорон. После обработки останков урну с костями ставят в левую камеру. Она будет находиться там, пока жив хотя бы один человек, знавший покойного. Самая высокая честь, которой может быть посмертно удостоен член рода, — погребение в левой камере склепа. Туда кладут, например, останки жриц. Их никогда не отмывают, потому что они считаются чистыми. Почетным правом захоронения в левой камере пользуются и долгожители — люди, достигшие 88 лет.

Права быть похороненным в родовом склепе не имеют преступники, опозорившие себя и близких, а также самоубийцы и люди, умершие насильственной смертью. Все они, согласно поверью, превращаются в привидения или в злых духов. В небольшой отдельной могиле хоронят детей, не достигших семилетнего возраста.

В уезде Мотобу, где, по данным переписи, на 1 октября 1973 года проживало 17 152 человека, имеется не менее сотни склепов. Лишь немногие из них родовые, большинство принадлежит отдельным семьям. Ранее привилегией иметь отдельный склеп пользовалась лишь знать, сейчас в деревнях и поселках, не говоря уже о городах, живут переселенцы из других, часто весьма удаленных районов префектуры. Когда кто-нибудь из них умирает, его останки либо перевозятся на родину, либо семья строит новый склеп.

В ноябре умер семидесятипятилетний старик, которого мы часто встречали в магазине г-жи Сиромы. Его маленькую хижину у подножия горы почти полностью скрывали стебли цветущего уже в то время тростника. Небольшой клочок земли — соток пятнадцать — не давал возможности собрать достаточно средств на ремонт дома. Темные некрашенные доски рассохлись и разошлись от проливных дождей и беспощадных лучей тропического солнца. Но вскоре после смерти старика на кладбище привезли бетонные плиты, и каменщики принялись ставить стены нового довольно большого склепа. Через несколько дней перед ним возник тесный дворик с аккуратной бетонной оградой высотой около полуметра.

Некоторых окинавцев, похоже, не пугают расходы, связанные с сооружением семейных гробниц. Они залезают в долги и даже разоряются. Но рост цен на строительные материалы и дороговизна работ привязывают многие семьи к родовым захоронениям, поддержание которых обходится дешевле, чем устройство новых.

В Мотобу, как и во многих других районах префектуры, традиционные похороны вытесняются кремацией. К дому покойного подъезжает машина, у которой вместо кузова золоченый, обитый красным бархатом паланкин, увенчанный резной деревянной крышей. Гроб ставят на паланкин и отвозят в крематорий. Оттуда прах в маленькой урне переносят в склеп, вход в который закрывают каменной плитой, а ту в свою очередь закладывают массивным камнем. На него ставят маленькую вазочку с цветами, бутылочку с каким-то питьем, светильник, две чашки с едой, бумажный зонтик. На деревянный поднос кладут две глиняные плитки с бумажными цветами. Между ними помещают табличку с посмертным именем усопшего. Слева к стене склепа прислоняют деревянные сандалии. Все это якобы пригодится покойному в загробной жизни. По обе стороны склепа к длинным бамбуковым шестам прикрепляют знамена — белые полотнища с черными иероглифами. Концы шестов веревочкой привязывают к вбитым в землю крючкам.

Эти реликвии остаются у склепа в течение сорока девяти дней традиционного траура, а у домашнего алтаря каждый день появляется чашка саке и миска с едой. В определенные дни родственники покойного приходят во дворик склепа, чтобы положить у его дверцы свежую еду и питье. На сорок девятый день могилу и дворик убирают, а все похоронные принадлежности тут же сжигают.

Семья отмечает первую, третью, седьмую, тринадцатую, двадцать пятую и тридцать третью годовщину смерти, оказывая покойному те почести, что и во время траура. После тридцати трех лет его уже никак не выделяют среди других погребенных в склепе родственников.

23 июля 1978 года вся Окинава справляла последние поминки по погибшим в годы войны. Но люди всегда будут приходить в этот день в Парк мира в Итомане.

Пирамидообразные крыши рюкюских домов можно увидеть сегодня в странах Южной Америки, на Филиппинах, во многих районах США. Готовясь к захвату островов Рюкю, американское командование тщательно изучало обычаи и нравы их жителей по данным полицейского управления Гонолулу, где было, очевидно, немало сведений о всех иммигрантах, как потенциальных смутьянах и преступниках. В префектуре Окинава проживает лишь сотая часть населения Японии, но три пятых эмигрантов из этой страны — окинавцы. Сопоставьте эти цифры. В Японии немало густонаселенных районов, но нигде нет такой острой нехватки земли и рабочих мест, как на Окинаве. Проблему лишних людей вполне можно было решить, создав и на этой далекой окраине местную промышленную базу. Но японские монополии не желали вкладывать средства в южные районы, бедные природными ресурсами и квалифицированными рабочими. Не могло успешно развиваться на крошечных наделах и сельское хозяйство. Вот почему правительство развернуло в префектуре кампанию за эмиграцию. Здесь даже были созданы специальные центры, где обучали, как выжить на чужбине.

До того как империя вступила во вторую мировую войну, более ста тысяч (практически каждый пятый) окинавцев жили в эмиграции. В 1944 году их число достигло 331 927, а население префектуры в то время не превышало 600 тысяч. Так рюкюсцы, которые за столетие до этого почти не покидали своих деревень, стали одним из самых расселенных по Земному шару народов. К 1946 году 180 тысяч человек были репатриированы из бывших японских владений на разоренные и выжженные войной родные острова.

Те из эмигрантов, кому удается «выйти в люди» на чужбине, помогают родным, оставшимся на Окинаве. Многие приезжают навестить своих во время праздника поминовения предков. Никогда дороги Окинавы не бывают так забиты транспортом, как в эти дни.

На выставке мне неоднократно приходилось встречать пожилых рюкюсцев, приехавших посетить родные края. Сначала я был удивлен, когда старик-рюкюсец заговорил со мной на чистом английском. Он прибыл с Гавайских островов, где у него есть небольшая

плантация. Привыкший на Окинаве трудиться на своем крошечном участке до седьмого пота, на чужбине он смог стать на ноги, приобрести гораздо больший надел и даже сколотить кое-какое состояние. Другой эмигрант приехал погостить из Бразилии. В канадском павильоне, где ему вручили памятные подарки по случаю отмечаемого повсеместно в Японии Дня почета престарелых, на его белую рубашку прикрепили красный бантик. Такие носят в этот день все, кому перевалило за семьдесят.

Популярной фигурой у работников нашего павильона был хозяин сауны: нашлись любители легкого пара. На выставке его принимали как почетного гостя. Было ему лет сорок. Долгое время он жил в Аргентине, скопил там небольшой капитал и перед открытием «Экспо» распахнул двери своего заведения.

Однако погостить, а тем более вернуться могут далеко не все. Тут и без того десятки тысяч не имеют работы. Время идет, другие префектуры испытали экономический подъем, но Окинава под властью американцев оставалась отсталой окраиной. Не принесли каких-либо существенных перемен к лучшему и последние годы.

С самолетов, прибывающих в аэропорт Нахи, нередко выносят дзисигаами. Их отвозят потом в различные районы Окинавы, чтобы захоронить в старинных родовых склепах. Рюкюсцы, проживающие за рубежом, совершают там лишь первые похороны и делают временные могилы. Вторые похороны должны состояться на родине. Они считают, что на чужбине можно найти свое место в жизни, но души обретают вечный покой только на родной земле. Все они когда-нибудь должны туда вернуться.

ИЗУМРУД В БИРЮЗОВОЙ ОПРАВЕ

На Окинаве почти нет мест, откуда не видно моря. С воздуха кажется, что оно окантовывает субтропические заросли и поля сначала зеленоватой, затем нежно-голубой каймой. На глубинах окраска становится темно-ультрамариновой.

Легкий бриз с моря принесет прохладу летом и со-

греет зимой. Течение Күросио выносит к Окинаве тропические воды, температура которых даже зимой не опускается ниже 20 градусов. Море защищало остров от нашествий врагов и соединяло своими дорогами с дружественными странами, куда ходили караваны судов. В неурожайные годы оно спасало людей от голодной смерти.

Море и рыбаки, море и мореплаватели — главные темы рюкюского эпоса «Оморо соси». О закатах и восходах над морем, нелегком труде людей, связавших с ним свою жизнь, поется и в современных народных песнях. Вглядитесь внимательно в узоры на кимоно местных женщин, рисунки на лаковой посуде. Вы найдете, что художник черпал свое вдохновение в поразительной красоте морских пейзажей, причудливых очертаниях коралловых зарослей.

Острова Рюкю — самая северная точка распространения коралловых рифов на Земном шаре. Еще задолго до появления масок, ласт и аквалангов местные рыбаки придумали гарасхако — ящичек со стеклянным дном, через которое можно было любоваться подводными чудесами. Он действительно чудесен, этот удивительный мир рифов, и воспоминания о нем остаются на всю жизнь. В свободное время мы не раз обследовали кромку рифа неподалеку от «Экспо». Однако, по рассказам местных жителей, одно из самых интересных мест для подводной экскурсии находится не здесь, а напротив выставки — у берега острова Иэ. Добраться туда можно только на пароме от нового порта Тогути.

Издали это судно казалось не больше привычных речных трамвайчиков. Оно было действительно небольшим, но чрезвычайно вместительным. Когда мы поднялись на борт, я увидел 16 автомобилей, расположенных на нижней палубе в два ряда. На верхней же палубе почти на нос был надвинут пассажирский салон на 150 мест. Туристы высыпали на корму и смотрели, как проплывал мимо атолл Минна с несколькими хижинами на берегу. Мы приближались к Иэ, и острый конус потухшего вулкана Таттю, возвышающийся на 152 метра над уровнем моря, становился все больше. На острове площадью в 33 квадратных километра проживает около 6 тысяч человек. Несмотря на скромные размеры, там имеется 22 гостиницы (16 из них, прав-

да, очень маленькие) и 2 таксопарка. Полянувший на солнце деревянный щит на палубе поведал еще об одной достопримечательности Иэ — молодежной туристической базе, где можно было остановиться. Территория базы находилась на мысе напротив «Акваполиса».

Именно возле турбазы путеводители предлагали самое интересное место для ныряния, и мы решили отправиться туда, воспользовавшись стареньким запыленным микроавтобусом, подъехавшим прямо к причалу. Улица городка Иэ вскоре превратилась в асфальтированную дорогу, обсаженную высокими деревьями. За обочиной начинались крестьянские поля. Кое-где паслись коровы, совершенно черные от головы до кончика хвоста. Проехав через металлические ворота, машина подрулила к приземистому одноэтажному зданию. Это и была турбаза. В комнатах мы не увидели никакой мебели, кроме ящика для белья, телевизора и нескольких татами, брошенных на пол. Был там, конечно, и кондиционер. Обувь здесь снимают в начале узкого длинного коридора с номерами по обеим сторонам. На турбазе можно взять напрокат палатку и разбить ее неподалеку, в сосновом бору. Мы поспешили заполнить маски и ласты.

На пляж вела ровная укатанная аллея. Метров через сто густые кроны сосен сомкнулись над ней и почти скрыли солнце. Под соснами — настоящий ковер из ярко-зеленой травы. После прохладной тени мягкий рассыпчатый песок, белый, словно толченый мрамор, показался раскаленным. Ветерок гнал на берег небольшие волны.

Заходить в воду на многих окинавских пляжах не просто. Босиком нельзя: можно поранить ноги об острые кораллы. Шагать в ластах по неровному дну тоже довольно трудно: вот-вот оступишься и упадешь. А идти приходится метров сто. Нужно также рассчитать, чтобы выход на берег не совпал по времени с отливом, когда кораллы становятся непроходимыми. Опытные ныряльщики заходят в воду в резиновых тапочках, а на них потом надевают ласты.

На Иэ такой проблемы не существует. Нужно проплыть не более тридцати метров и начинаются настоящие коралловые джунгли. Кораллы, похожие на густые заросли колючих кустов, встают на пути отвесной сте-

ной. Она поднимается с трех-пятиметровой глубины почти до поверхности и образует то небольшие бухточки, то отдельные подводные островки. Все это находится как бы в лагуне за основным рифом, который пенится набегающими волнами еще дальше от берега. Получается своего рода огромный полузакрытый аквариум, огражденный от прибоя и туристских катеров.

Ныряльщики обитатели рифов подпускают совсем близко. Внимание мое привлекла маленькая полосатая рыбка, напоминающая по форме обыкновенного ерша, только покрупнее. Это — полосатая крылатка, или, как ее еще называют, рыба-зебра. Она неподвижно лежала на дне, медленно покачивая широкими грудными плавниками, похожими на крылья. На спине торчали полосатые колючки, словно перья в головном уборе индейца. Если мелкие рыбешки по неосторожности подплывали к крылатке, то оказывались у нее в пасти.

Когда я приблизился почти вплотную, рыба-зебра, медленно перебирая плавниками, скользнула в небольшую расселину, которая, впрочем, скрыла ее только наполовину. Человек, незнакомый с повадками этой рыбы, прельстившись красотой и малой подвижностью, может попытаться схватить ее. Но лишь дотронувшись до колючки, он почувствует резкую боль. Постепенно она усилится, станет почти нестерпимой и будет ощущаться несколько дней. Если кто-нибудь все-таки схватит рыбу или нечаянно наступит на нее ногой, отравление может быть смертельным.

Солнечный свет, преломляясь в волнах, бросает различные по яркости пучки на коралловые заросли и их обитателей. Поэтому их краски то сгущаются и темнеют, то становятся еще более яркими, радостными. Местами, особенно у кромки рифа, встречаются глубокие разломы. Сначала, если плыть от берега, на дне появляются как бы небольшие окошки, они расширяются и вскоре туда уже можно нырнуть. При этом надо соблюдать особую осторожность: на стенах множество острых выступов. Нередко здесь можно встретить ядовитую морскую змею. Плывет она медленно, но, когда поднимается к поверхности воды, полностью исчезает из вида. Опытные ныряльщики рассказывают, что морские змеи сами не нападают и приближаются к человеку исключительно из любопытства. Но в период кладки

яиц они становятся очень агрессивными. Морские змеи высоко ценятся на Окинаве: их высушивают и употребляют в пищу. Говорят, что мужчинам они возвращают молодость. На каждом рынке продаются сморщенные черные палки. Так выглядят змеи после сушки — весьма неаппетитно, но тех, кто хочет помолодеть, это не останавливает.

В глубоких подводных расселинах, где своды смыкаются, образуя темные пещеры, рыб почти нет. Изредка попадает зеленовато-голубой губан — самый крупный из виденных мной обитателей местных вод. Согласно справочникам, здесь обитает ин, крупная (до 60 сантиметров) с красноватой чешуей рыба. В коралловом царстве у берегов Иэ водится и так называемая рыба-бабочка, одно из самых пестрых созданий животного мира. Рыбка невелика: самые крупные достигают 15—25 сантиметров в длину. Окраска нарядная: на ярко-желтой чешуе черные, красные и синие полосы. Ее движения, если смотреть навстречу солнечным лучам, проникающим в толщу воды, действительно напоминают порхание бабочки. Иногда среди рыб-бабочек появлялись вымпельные щетинозубы, сильно сжатые с боков, серебристые с широкими черными полосами. Есть здесь и щетинозубы-пинцетники, получившие свое имя за удлинненное, трубчатое рыльце. У них желтое тело и двухцветная, черно-белая, голова. Возле хвоста небольшое, с копеечную монету, черное пятно. Вытянутыми челюстями пинцетники легко извлекают мелких рачков, обитающих в узких отверстиях в камнях и между ветками кораллов. Как и все рыбы семейства щетинозубовых, они держатся особняком и не подпускают никого к своему кормовому участку.

Пятнистые спинороги чуть больше рыб-бабочек и имеют менее приплюснутое тело, покрытое чешуей. У спинорога, которого я видел, была почти совсем черная спина и толстое брюхо с множеством крупных белых пятен. Под глазами как бы прочерчена узкая белая линия. Толстые губы кажутся выкрашенными желтой помадой. Хвост похож на веер с поперечными черными и желтыми полосами. Если спинорога спугнуть, он спрячется в зарослях кораллов. Там он поднимает сильный шип спинного плавника, который поддерживается в таком положении плотно прилегающим вторым шипом.

Снизу он выпускает еще и брюшной шип, после чего чувствует себя в полной безопасности. Вытащить его теперь из укрытия невозможно никакими силами.

Не все приезжающие на Окинаву туристы умеют плавать. На помощь им приходит техника. Специальные катера с большими подводными иллюминаторами увезут в мир рифов всякого, кто готов заплатить. Немало интересного можно увидеть и из окон подводной башни, расположенной в морском парке в нескольких километрах южнее Наго. Рыб здесь подкармливают, чтобы экскурсантам всегда было на что посмотреть.

Во всех окинавских деревнях и поселках вы обязательно найдете магазин с рыболовными снастями. Часто даже не один. Тут можно купить все для рыбалки и подводной охоты. Особенно мне понравились блесны на кальмара в форме рачка с множеством острых, как иголки, крючков. Удалось увидеть мне ее и в деле. Блесну забрасывают спиннингом и тянут по поверхности над углублениями дна, где обычно скрываются кальмары. Животное выскакивает из своего убежища и хватает приманку. На моих глазах местный рыболов три раза забросил спиннинг и вытащил на берег пляжа Тогути трех кальмаров.

Рыболовство — древнее занятие жителей Рюкю, и неизвестно, сколько столетий существует на этих островах праздник рыбаков, который отмечается в четвертый день пятого месяца лунного календаря, когда, по установившемуся обычаю, все пропавшие в предыдущем году рыбаки считаются умершими. Их поминальные таблички занимают свое место в алтаре, а жены объявляются вдовами. Но если после повторного замужества пропавший супруг все же возвращается, женщина имеет право вернуться к нему.

Центральное событие праздника — заезд пирог. Наиболее популярное место состязаний — Итоман. В этот день город как бы делится на три деревни, от слияния которых он когда-то возник. Каждая такая «деревня» выставляет по одному судну с 24 гребцами, рулевым и барабанщиком для отбивания темпа гребли. По сигналу короткие весла разом уходят в воду. Разрисованные изображениями драконов лодки срываются со старта и летят по направлению к буйку, установленному на некотором расстоянии от берега. Обогнув его, они



Моторная пирога

возвращаются к месту старта. В этот момент возбуждение болельщиков достигает апогея, и многие, сами того не замечая, оказываются в воде. Нередко в разгар всеобщего веселья счастливые победители переворачиваются вместе с лодкой. Для жителей Итомана, Нахи, Наго регата рыбаков не менее значительное событие, чем для лондонцев соревнование восьмерок Оксфорда и Кэмбриджа. Праздник считается днем благодарения богу моря за хорошие уловы, но теперь его религиозное происхождение почти забыто.

Все остальное время года пироги служат рыбакам в их нелегком ежедневном труде. Морской промысел окинавцев не претерпел за столетия больших изменений. Даже сейчас пироги составляют почти три четверти рыболовецкого флота префектуры, и лишь 2 процента судов имеют водоизмещение свыше 50 тонн. Главную промысловую рыбу — бонита (разновидность тунца) добывают удочками.

Традиционный окинавский способ ловли рыбы заключается в следующем. Около десятка пироги (сейчас на них ставят моторы) с белыми флажками на высоких

флагштоках прибывают в район лова. У кромки рифа расставляют сети и покрывают ими дно. Затем в воду ныряют загонщики в масках и ластах и, издавая как можно больше шума, гонят рыбу в сеть. Когда она наполняется, ее вытаскивают, и улов делят между собой.

С незапамятных времен в Наго живет еще один промысел, который вряд ли придется по вкусу туристам. В городскую бухту иногда заходят дельфины. Зайдут, поиграют на радость детворе и снова уходят в открытое море. Но раз в год, в феврале, сильный отлив преграждает животным обратный путь, и они вынуждены беспомощно ждать высокой воды. Рыбаки зорко следят, чтобы не пропустить своего шанса. Если запоздают, добычу придется ждать еще год. Флотилия пирог спешит к стае, гонит ее ближе к берегу, и там животных бьют баграми. Волны долго выносят на песок кровавую пену. Мясо продается тут же на месте. Оно якобы придает человеку силы.

В Наго на центральной улице растет огромный с десятками стволов трехсотлетний баньян. Он считается священным деревом. В нем, согласно поверью, живет маленький красный человечек — бог, дающий рыбакам богатый улов либо возвращающий их домой с пустыми сетями. Городской транспорт тщательно его объезжает, делая «круг почета».

Издавна в префектуре занимаются выращиванием жемчуга. Помешать этому делу не могут ни погода, ни даже боги. Оно целиком находится под контролем специалистов. Производство знаменитых дымчато-серых жемчужин развито на Мияко и на других южных островах архипелага Рюкю. Сотня загорелых ныряльщиков собирает в теплых водах вокруг Мияко жемчужницы. В лаборатории их открывают и вставляют крошечный перламутровый шарик. Его берут у пресноводных мидий, обитающих в реке Миссисипи. После этого раковины складывают в проволочную корзинку и отправляют в мелкий бассейн с морской водой — «больницу», где они пребывают в течение трех недель. Выжившие экземпляры затем помещают на два месяца «для выздоровления» в другой бассейн. В третьем — пережившие операцию жемчужницы три года обволакивают инородное ядрышко тонкими слоями перламутра. В первый год

погибает каждая пятая раковина, в последующие два года смертность снижается до 10 процентов.

Окинава славится изделиями из жемчуга и перламутра. Вместе с поделками из кораллов они пользуются большим спросом у туристов и составляют важную статью дохода префектуры. Несколько тысяч иен стоит перстень с обточенным кораллом, несколько миллионов — коралловое деревце. Еще дороже ценится выточенная из него статуэтка. Но богатых туристов много, и каждый старается увезти что-нибудь на память о теплом ласковом и прекрасном море, омывающем Окинаву.

«КОРРИДА», «КОВБОИ» И КИМОНО

На эту арену не бросают цветов прекрасные сенъориты. Здесь не сверкают шпаги, не развеваются красные плащи тореадоров, и очень редко падает на землю сраженный бык. Не хитрость и ловкость человека соперничают здесь с грубой силой животного, а сила противостоит такой же силе.

Древние жители островов Рюкю переняли обычай состязания быков у коренного населения Тайваня. Главное ристалище Окинавы находится в городе Гусикава. Ни один водитель не может проехать город, не заметив рекламы предстоящих поединков. Неделью арена пустует, а в воскресенье свободные от полевых работ крестьяне имеют возможность насладиться любимым зрелищем.

Все животные зарегистрированы в местной ассоциации. Ее президент составляет пары для поединков, принимая во внимание силу, вес и боевые качества животных.

Перед состязанием быка откармливают специальной смесью фуража с кусочками мяса и куриным бульоном. Незадолго до боя животное чистят и закрывают в темном помещении. Полагают, будто там ничто не может отвлечь его от мыслей о предстоящем поединке.

На арену быков сопровождают двое мужчин, которые и направляют их во время схватки. Животные яростно нападают друг на друга и бодаются до тех пор, пока один не спасется бегством. По правилам пара быков встречается на ринге только раз. Сражаются они

отчаянно, будто знают, что шансов на реванш нет. Поединок длится около получаса. Когда быков уводят, болельщики победителя, доведенные до экстаза, выскакивают на арену и пляшут от радости.

Сезон окинавской «корриды» длится на острове с ранней весны до поздней осени. Отдельные деревни нередко выставляют команды быков, лучшие из которых принимают участие в чемпионате префектуры.

Хозяин проигравшего быка несет большие убытки, так как падает рыночная цена животного. Еще более печальна участь рогатого, несколько раз показавшего сопернику свой хвост. Неисправимого неудачника ждет разжалование в производители либо скотобойня. Бои быков окинавцы считают не только забавой, но и своеобразным стимулом для развития скотоводства и выведения лучших, наиболее выносливых пород животных.

В 1956 году в префектуре было 13 600 голов крупного рогатого скота, в 1974 году — уже 34 600. Скотоводство преимущественно мясное. Еще до войны окинавская говядина считалась в Японии самой лучшей, с ней не могло конкурировать по качеству мясо из Австралии, Аргентины и США. Животных на Окинаве забивают в возрасте от четырех до шести лет. Перед бойней их держат некоторое время без пищи, затем откармливают сладким картофелем, соевыми бобами и даже рисом. Большую часть телят доставляют на Окинаву с островов Амами. Этим занимаются местные «ковбои», которых здесь называют гюбасё. «Ковбои» и «коррида» принесли скотоводам Рюкю широкую известность.

Однако основой животноводства на островах по-прежнему остается разведение свиней, что, кстати сказать, для остальной части Японии нехарактерно. В 1974 году в префектуре их насчитывалось свыше 250 тысяч. Свинина — главная мясная пища рюкюсцев и непременный компонент национальных блюд.

Самый большой в мире канат плетут в окинавской деревне Ионабару. Его длина — около трехсот метров, толщина — от одного до полутора метров. В Ионабару изготавливаются два одинаковых каната — оба из рисовой соломы нового урожая. Только у одного петля чуть больше, чем у другого. Считается, что первый представляет мужское начало плодородия, второй — женское.

Канаты должны быть готовы к традиционному празд-



Праздник перетягивания каната в Нахе. В правом углу — шествие гейш

нику урожая, который отмечается в девятый месяц лунного календаря. Деревня делится на два противостоящих друг другу лагеря, каждый плетет свой канат. К его основной части по обе стороны прикрепляются веревки, так как сам канат не обхватить и двоим. По центральным улицам гигантские канаты несут на берег моря. Во время шествия на них стоят мальчики лет десяти, изображающие легендарных окинавских воинов.

На берегу около ста человек длинными шестами поднимают канаты высоко над землей. В петли продевают бревна, и все от мала до велика, взявшись за веревки, начинают тянуть канат. Некоторые окинавцы утверждают, что в случае победы «женского» каната в следующем году будет богатый урожай. В прошлом подобные состязания устраивала каждая крестьянская деревня, но сейчас не хватает... соломы.

Как не понять праздничного настроения земледельца, месяцами не разгибавшего спины и, наконец,ждавшего урожая. Почвы на Окинаве не очень плодородны. В центральной и южной части острова — это коралловый известняк, на севере глина и сланец. Бывает так, что ливни напитают землю влагой, но за несколько солнечных дней вся она уйдет в пористый грунт. Начинается засуха. Так было в середине июля перед открытием «Экспо-75». Наспех уложенные на раскаленную землю ровные куски дерна приобрели тогда желто-коричневый цвет и сливались с придорожной пылью. Казалось, усилия местных садовников были обречены, но налетели дожди — и трава зазеленела.

Согласно легенде, во время царствования короля Тинона (XIII век) небывалая засуха грозила голодной смертью всем жителям Окинавы. Желая спасти народ от гнева богов, владыка решил принести себя в жертву и приказал сложить погребальный костер. Сильнейший ливень затушил начавший было разгораться огонь и спас монарха, а вместе с ним и всех его подданных. Холм Амадизи в местечке Тамагусуку, на котором разыгралась эта драма, до конца прошлого столетия оставался местом, где верховная жрица королевства и другое высшее жречество устраивали церемонии вызова дождя. В местных масштабах этим обрядом руководит теперь жрица общины.

Сельское хозяйство остается основой окинавской экономики. Оно поставляет сырье для главных отраслей промышленности: сахарной и производства консервированных ананасов, которые, правда, в последние годы приносят гораздо меньше доходов, чем туризм. В префектуре обрабатывается 19,3 процента всей территории, или 43,4 тысячи гектаров. На этой площади, по данным переписи 1974 года, существуют 54 тысячи крестьянских хозяйств. Таким образом, на каждое в

среднем приходится менее одного гектара. По одному гектару и более имеют в основном жители малонаселенного острова Яэяма, на главном же острове префектуры нередко встречаются владения от 5 до 10 соток.

Почти все американские военные базы расположены на главной житнице префектуры — острове Окинава. Там на их долю приходится более одной пятой всей земли. Трудолюбивые окинавские крестьяне стараются освоить буквально каждый лишний метр. В районах, где поверхность более или менее ровная, царствует король окинавских полей — сахарный тростник, завезенный на Окинаву в XVII веке из Китая. Сейчас под ним занято около 60 процентов всех посевных площадей, а сбор в отдельные годы достигает 2,4 миллиона тонн.

В середине октября тростник распускает свои пышные метелки, и кажется, будто вдоль дороги стоят воины с плюмажами на шлемах. Лишь на седьмой день седьмого месяца лунного календаря (в начале августа) окинавцы срезают несколько сочных стеблей и кладут их на алтарь предков, полагая, что на следующей неделе во время праздника бон они придут в дом, опираясь на тростниковые палки.

Уборка тростника начинается в январе. К Новому году стебли тростника связывают в пучки и оставляют так на несколько недель, затем срезают. Комбайнов для уборки тростника мне увидеть не довелось. Им, как и всякой прочей технике, невозможно развернуться на тесных, окруженных постройками и дорогами крестьянских наделах.

Сахарный тростник еще только зацветает, когда на Окинаве уже убирают ананасы. Для префектуры это сравнительно новая культура, завезенная с Гавайских островов после войны. Местные условия оказались весьма благоприятными, и занятые под ананасы площади увеличились с 88 гектаров в 1955 году до 5,5 тысячи гектаров в 1967 году. На Окинаве основные ананасовые плантации протянулись вдоль дороги Наго — Тогути. Ее узкая серая лента петляет между высокими зелеными холмами. Все обращенные к дороге склоны оштетинились правильными рядами ананасовых посадок. Возле полей на обочине через равные промежутки в несколько сотен метров примостились лавчонки, где можно снять пробу с нового урожая. Ананасы на Окинаве

принято есть небольшими очищенными кусочками, накалывая их на обычные деревянные зубочистки. Основной урожай этих плодов перерабатывается в сок и идет на консервы, которые вывозят затем в другие районы Японии и за рубеж.

Специализация сельского хозяйства на двух основных культурах привела к резкому сокращению площадей под остальными. На батат и рис сейчас приходится не более 16 процентов всей обрабатываемой земли. Овощи занимают 9,7 процента. Но производство на продажу не спасает окинавских крестьян от разорения. В 1967 году в префектуре было 73,3 тысячи хозяйств, в 1974 году только 54 тысячи. При этом Окинава может обеспечить свои потребности в продовольствии лишь на 20 процентов.

В Сюри мы заглянули на небольшую фабрику, где вырабатывают ткани для самых дорогих кимоно. Каждый рисунок делается здесь только один раз. Отрез, расписанный художницами фабрики, стоит 400 тысяч иен — четыре средние месячные зарплаты окинавского рабочего. Купить такую ткань может далеко не всякая модница, но та, что ее купит, не увидит подобного рисунка ни на ком.

Эскиз сначала рождается на листе бумаги и утверждается для производства. Следующий этап — нанесение его на холст. Под потолком материя протягивается через систему барабанов. Художница, сидящая спиной к большому окну, завершив набросок на первом участке ткани, передвигает холст и снова наносит рисунок. При этом вся конструкция барабанов на миг приходит в движение. Снова кропотливое прорисовывание контуров и снова подтягивается чистый кусок. Работают женщины очень быстро, и лента белого холста постепенно заполняется тонкими линиями цветов, птиц, животных.

Набросок закончен. Теперь другая художница берет кисть, мольберт и начинает наносить краски. Сначала один цвет по всей длине ткани, затем другой, третий. Сколько цветов нужно нанести, столько оборотов совершит отрез. Все операции делаются вручную. Одновременно в работе находятся не более десяти кусков тка-



Бингата — традиционный способ раскраски ткани на Окинаве

ни. Расширять или механизировать производство не имеет смысла: потеряется качество и оригинальность рисунка — то, за что состоятельные покупательницы готовы платить бешеные деньги.

Прекрасные рисунки делаются и с помощью специальных трафаретов. Этому искусству, называемому на Окинаве бингата, сотни лет. Очевидно, оно было завезено с Явы, которая славится изготовлением батиков. Трафарет накладывают на ткань, после чего места, оставшиеся незакрытыми, покрывают специальной пастой, содержащей рисовые отруби, рисовую муку и соль. Трафарет перемещают вдоль всего холста, и каждый раз пустоты заполняются непроницающей краску пастой. Затем холст выносят во двор на солнце и держат там до тех пор, пока паста не просохнет. Следующая операция — нанесение краски на не защищенные пастой места и закрепление ее соевым соусом. Каждый раз наносится только одна краска, которую приготавливают по местным окинавским рецептам. Часть красок добавляется маленькими жесткими кисточками. Последняя операция — смывание пасты. Для бингаты подходит и шелк, и банановая ткань (басёфу), и хлопок,

После войны на Окинаве в живых остались только два мастера, знавшие секреты бингаты. Но вскоре с увеличением числа заказов у них появилось много способных учеников, которые продолжают традиции и приумножают славу этого древнего искусства.

Банановую ткань делают только на Окинаве. Раньше ее производили на острове повсеместно. Сейчас это трудоемкое ремесло сохранилось только в двух деревнях. В качестве исходного материала используются лишь мужские растения банана, которые не дают плодов. Стебель разрезают на куски длиной чуть более метра, от которых затем отделяют слой за слоем. Каждый отделенный слой разрезают на ленточки шириной около трех сантиметров и кипятят в воде в течение нескольких часов. Острыми бамбуковыми скребками удаляют пульпу. Затем волокна отделяют друг от друга и связывают в одну длинную нить. Ее наматывают на веретено, сушат и красят. Способ крашения местный: на те участки, которые должны остаться белыми, навязываются необработанные банановые волокна, а когда пряжу вынимают из сосуда с красителем, покрытие отвязывают; нити получаются окрашенными через определенные интервалы. Затем каждую нить расчесывают и наматывают на деревянный барабан, который ставится на станок. Даже самый искусный ткач тратит на изготовление одного отреза для кимоно целый месяц. Зато материал получается на диво тонкий. В сшитом из него платье легко переносить жаркое и влажное окинавское лето.

Такими же качествами обладает и материал дзёфу, изготавливаемый на острове Мияко. Гладкий, красивый, тонкий и легкий. Он также спасает от жары. По прочности дзёфу в семь раз превосходит шелк. Делают материал из китайской крапивы. На примитивных ручных станках ткут молодые женщины. Женщины постарше прядут пряжу. На тканях обычно воспроизводят довольно сложные узоры и рисунки. Нередко можно увидеть панцирь черепахи, которая считается здесь символом долголетия.

Не меньшей славой, чем ткачи, пользуются гончары Окинавы. Чтобы посмотреть их искусство, достаточно пройти немного от центра Нахи в квартал Цубоя (Гончары). Квартал довольно невзрачный: узкие улицы,



Мастерская, где изготавливают
чернолаковые блюда

старые дома, высокие заборы, скрывающие от любопытных взглядов большинство мастерских. Все же часть мастеров работает в окружении зрителей, демонстрируя, как из бесформенного куска глины получается изящная вещь. Зачастую гончарный круг мастер приводит в движение ногами, как это делали его деды и прадеды. Здесь он почти не пользуется инструментами, больше доверяя своим ловким пальцам. Нередко печь для обжига скрывается в склоне холма, а глину сыновья ремесленника по старинке месят ногами. Чтобы достичь в печи необходимой для обжига температуры, требуется несколько дней.

Ценятся в Японии окинавские лакированные изделия — мебель, шкатулки, подносы. Материалом служат местные породы деревьев — дэйго и ситамаги. Изделие сначала покрывают так называемым глиняным голубым лаком и свиной кровью. Затем просушивают и шлифуют шкуркой и пемзой. И только после этого на дерево наносят пять слоев лака, обычно белого, черного или красного. Каждый слой сохнет по четыре-пять дней, и все они, кроме последнего, тщательно полируются. Когда подсыхает последний слой, на изделие наносится рисунок.

СОЛНЦЕ ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

Страшно вечером на Би-Си-стрит в центре Кодзы. Местные жители стараются обойти эту улицу стороной. Когда солнце садится за ограду крупнейшей на Дальнем Востоке авиабазы Кадэна, тротуары заполняют парни с одинаково короткими прическами, в одинаково потертых джинсах. Это американские солдаты. Для них улица — сплошной веселый квартал. Вот бар «Париж», в нескольких шагах от него зазывает клиентов клуб «Лима», чуть поодаль сияет неоновой вывеской бар «Майами». Что ни дом, то бар или клуб. Впрочем, разница, как мне объяснили, только в терминологии. В каждом заведении одно и то же: полумрак, приглушенная музыка, пьяные голоса... Не обходится без драк, нередко с ножами и отбитыми бутылками. Следующий этап на пути хмельного воинства — «отели». Так здесь скромно называют публичные дома. В начале и середине месяца у развлекательных заведений запланирован бум: в Кадэне выдают жалованье. Хозяева «отелей» в эти дни устанавливают особую таксу, намного выше обычной.

На Би-Си-стрит, похоже, и не знают, что в 1972 году США передали Окинаву Японии. Здесь мало что изменилось. Только пальмы вдоль проезжей части подросли да в магазинах, где привыкли к хрусту долларов, берут и японские иены.

Завершает улицу бар «Аврора». Очевидно, именно здесь засидевшиеся или залежавшиеся под столами клиенты первыми встречают утреннюю зарю. За «Авророй» пути нет: там начинается авиабаза площадью в 21 квадратный километр. На ограде через определенные интервалы — таблички с надписью: «Территория базы. Вход запрещен японским законом. Охраняется сторожевыми собаками!»

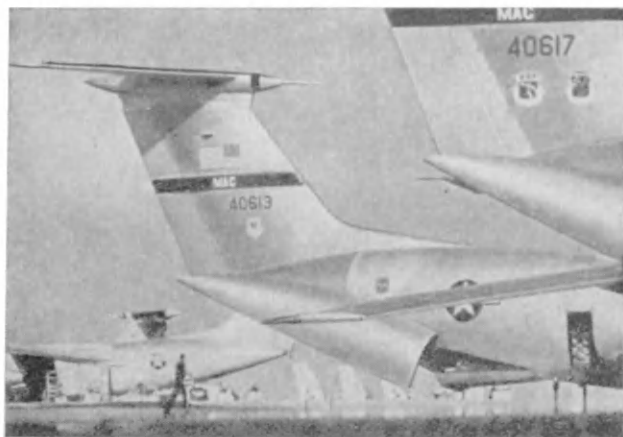
Город Кодза вытянулся вдоль главной улицы Камахара. Северная его часть находится в одном из самых широких, а южная — в одном из самых узких районов острова Окинава. Просторную равнину занял военный аэродром. Лучшего места для него на всем острове не найти. На южной окраине города из окон отеля «Окинава Хилтон» и близлежащего ресторана видны и Тихий океан, и Восточно-Китайское море.

В этих местах особенно хороши летние закаты, когда высокие, как шапки великанов, облака еще долго светятся в последних лучах уходящего дня. В Кодзе солнце садится за колючую проволоку. Аналогичную картину можно увидеть вдоль всего побережья Восточно-Китайского моря в центральной части острова. Колючая проволока стала символом Окинавы, хотя, в отличие от других символов, скажем таких, как Эйфелева башня, он не пропагандируется: его изображения не найдешь ни в одной сувенирной лавке острова.

Чтобы попасть на «Экспо-75» из Нахи, туристам приходилось долго ехать по шоссе № 58 мимо бесконечных проволочных заграждений. Незадолго до открытия выставки американское командование разослало по всем базам секретную директиву, в которой предписывалось «по мере возможности» замаскировать все военные объекты вдоль главного транспортного маршрута, сократить программу маневров и учебных стрельб. Самолетам ВВС запрещалось летать над территорией выставки. Все это нужно для того, подчеркивал документ, чтобы не создавать у приезжих впечатления об Окинаве, как об острове военных баз.

Читателям местной газеты «Рюкю симпо», куда неизвестным путем попала секретная директива, осталось только посмеяться. В самом деле, как можно замаскировать десятки километров колючей проволоки, радарные установки, гаражи, ангары! Как скрыть от глаз туристов станцию дальней связи на горе Яэ в двух километрах от ворот «Экспо». Два километра ее посетители едут и мимо западной ограды Кадэны.

Со стороны шоссе или с палубы корабля хорошо видно, как идут на посадку тяжелые транспортные самолеты. Один за другим они выныривают из облаков и исчезают за зелеными холмами, которые издали сливаются с бункерами складов боеприпасов на территории базы. Две бетонные взлетные полосы шириной 91,5 метра и длиной 3690,5 метра позволяют принимать самолеты через небольшие интервалы. Кадэна — конечный пункт воздушного моста через Тихий океан. Каждый месяц сюда, по данным властей префектуры, перебрасывают свыше 8 тысяч тонн грузов. Если учесть, что на острове расквартировано около 34 тысяч американских солдат и офицеров, то на каждого приходит-



Транспортные самолеты ВВС США
на авиабазе Кадэна

ся по четверти тонны. Это без учета доставленного по морю.

В Кадэну прибывают самые разные грузы. Большая часть их, конечно, засекречена, но иногда бывают исключения. В январе 1976 года на базу пожаловали представители морской пехоты. Им предстояло принять партию новейших вертолетов для разведки и войсковой поддержки. Этот торжественный момент транслировался по местному американскому каналу телевидения. Блестящие с разобранными лопастями машины бережно извлекали из чрева гиганта «С-5», а диктор бойко перечислял их достоинства по сравнению с предыдущей моделью.

На территорию базы можно попасть через так называемые Первые и Вторые ворота. На Первых имеется надпись «Добро пожаловать на авиабазу Кадэна!» Нам, конечно, хотелось воспользоваться этим призывом, но, чтобы пожаловать в гости к американским военным летчикам, надо было получить специальное разрешение в Пентагоне, а дело это не простое. Корреспонденту и оператору японской телевизионной компании Эн-Эйч-Кей удалось пройти через все бюрократические рогатки. Их фильм, впервые вышедший на экран в июле

1977 года, дал мне возможность побывать не только за оградой Кадэны, но и в штабе ее тогдашнего «хозяина» — командующего ВВС США на Окинаве бригадного генерала ВВС Уолтера Бэкстера. Сопровождал представителей Эн-Эйч-Кей один из старших офицеров штаба, ведавший связями с прессой.

Там, где красуется надпись «Добро пожаловать...», машину остановил часовой в темно-синем берете. Над левым нагрудным карманом у него была нашивка «ВВС США», над правым — фамилия. Очевидно, ему уже сообщили о приезде журналистов, и он, изучив пропуск, дал знак проезжать.

На многих дверях штаба — таблички: «Совершенно секретно. При входе предъявляйте значок». Часовой пропустил журналистов вперед. Дверь открылась, и тотчас же раздался сигнал зуммера. Тот же сигнал прозвучал и у другой двери, ведущей в центральную аппаратную генерала Бэкстера. Никто не пройдет туда незамеченным. Здесь генерал получает приказы по прямому проводу из Вашингтона, а также из Гонолулу, где находится командование США в районе Тихого океана. Другие разносят его распоряжения по авиабазе. Я успел насчитать не менее пятнадцати телефонных аппаратов. Сопровождавший журналистов офицер назвал эту комнату нервным центром авиабазы.

Напротив двери висела таблица с множеством буквенных обозначений и цифр. Американец пояснил, что на ней отображена история развития Кадэны — каким количеством боевых единиц она располагала несколько лет назад. Слева висела какая-то таблица, закрытая плотной шторкой.

— Можете ли вы приподнять занавеску? — спросил корреспондент.

— Нет, это нанесет ущерб нашей боевой мощи. Там полный перечень сил, которые находятся в распоряжении генерала Бэкстера, — ответил офицер.

По поводу содержания секретной таблицы можно лишь строить догадки, но совершенно очевидно, что наряду с прежними графами в ней появились новые. Так, если в апреле 1975 года в Кадэне базировалась лишь одна эскадрилья «Фантомов», то спустя год их стало уже четыре. 14 июля 1979 года, вечером, приземлились два новейших истребителя-бомбардировщика «F-15».

К середине следующего года Пентагон разместил здесь 98 таких самолетов. Они заменят «Фантомы».

По телевизору показали и тренажер, где пилоты отработывали различные условия боевых вылетов. Рядом с кабиной летчика был укреплен щиток с кнопками ввода различных программ. На одной из них корреспондент разглядел надпись «ядерное оружие».

— Нет, сегодня мы не будем отработывать эту программу, — поспешил развеять сомнения руководитель занятий. — Вообще-то мы должны быть готовы ко всему, но сегодня мы этим не занимаемся.

Многих окинавцев по понятным причинам волнует вопрос: есть ли на их острове ядерное оружие. После возвращения островов Рюкю Японии, США обещали убрать оттуда все ядерные боеголовки. Выполнили ли они свое обещание? Офицер штаба, сопровождавший корреспондента, ответил на этот вопрос так:

— Политика министерства обороны не предусматривает комментариев на эту тему.

Объектив телекамеры блуждает по внутренним помещениям склада боеприпасов. Лежат рядом бомбы «МК-106», «BDU-33». Боеголовок на месте нет. Но кто может дать гарантию, что оружие, способное принести смерть миллионам, не спрятано за дверями, куда корреспондентов не пускают?

«Фантом» с номером 0343. Группа пилотов перед вылетом получает последние инструкции.

Вопрос застаёт одного из них врасплох:

— Ваш самолет может нести ядерные бомбы. Как вы думаете, есть ли у вас шанс нажать на кнопку загруженного ими бомболюка?

— «F-4» очень хороший самолет. У него есть масса возможностей, в том числе и та, о которой вы спрашиваете.

Самолеты взлетают обычно в направлении Тихого океана. Почти у самой границы взлетной полосы приютился ботанический сад «Юго-восточный рай». Здесь собрано 425 видов кокосовых пальм. Они сменяют друг друга вдоль аллей, усыпанных ярко-желтым гравием или выложенных правильными ромбиками каменных плит. Среди деревьев неожиданно возникают индейские столбы-тотемы, придающие месту еще более экзотический вид. В низине вырыты небольшие пруды. На по-



Столб-тотем
в ботаническом саду
«Юго-восточный рай»

верхности плещутся золотые рыбки и плавно скользят причудливые ладьи с драконами на носу. Действительно, райский уголок, да только не поют здесь даже обыкновенные птицы. Лишь рев турбин разрывает не успевшую устояться тишину. Одно за другим уходят в небо звенья «Фантомов». Не поется птицам в «Юго-восточном раю».

В поле зрения телекамеры попал и идущий на посадку стратегический разведчик «SR-71». Максимальный потолок самолета — 25 тысяч метров, скорость свыше 3200 километров в час. Черное стреловидное тело, кажется, пронесется через все летное поле. Но вот за хвостом самолета, словно язык пламени, вспыхнул купол тормозного парашюта. В Кадэне свила гнездо целая эскадрилья «SR-71». Маршруты этих самолетов — глубокая тайна. Разведка ВВС —

самая большая шпионская служба США. У нее втрое больше, чем у ЦРУ, сотрудников и гораздо более значительный бюджет — около трех миллиардов долларов.

База Кадэна настолько огромна, что там есть даже внутреннее такси. Машины водят солдаты или матросы, подрабатывая несколько лишних долларов. К аэродрому примыкают различные служебные помещения, а также аккуратные одноэтажные домики военного городка. Где-то, за тысячи километров, горели вьетнамские деревни, хоронили убитых, спасали раненых, а церквушка авиабазы продолжала свои ежедневные службы, жизнь шла своим чередом. В 1976 году в Кадэне сыграно 250 свадеб, родилось 525 детей. Некоторые из них, возможно, поедут на желтом школьном автобусе в школу, где с ранних лет им будут внушать мысль о высокой, благородной миссии их отцов.

Только менее десяти процентов окинавцев верят в то, что базы существуют ради их безопасности. Журналист из Эн-Эйч-Кей, в чьем фильме приводятся эти цифры, спросил сопровождавшего его офицера:

— Не думаете ли вы, что базы на Окинаве должны быть ликвидированы?

— Я думаю, они служат как интересам американского, так и интересам японского народа. Право решать этот вопрос принадлежит Вашингтону и Токио. Мы поддерживаем наши с вами правительства, которые хотят, чтобы базы здесь остались.

У американского командования на Окинаве есть сильный покровитель — японское правительство Либерально-демократической партии, контролируемый ею парламент, полиция, суды. Голосами депутатов от ЛДП Окинаве навязаны военные объекты и принят закон, закрепивший за базами отнятые у крестьян земли. В мае 1977 года парламент, несмотря на протесты окинавцев, продлил срок его действия.

Борьба окинавцев за свои права очень трудна. В Пентагоне прекрасно понимают значение Окинавы и не собираются уступать там своих позиций.

— Взгляните на карту, — сержант Мунди, среднего роста брюнет с черными, как смоль, усами, быстро набросал контуры Дальнего Востока и Юго-Восточной

Азии. — Окинава — центр района большой стратегической важности.

К Филиппинам, Гуаму, Гавайям, Токио, Южной Корее, Тайваню, Малайзии и Индонезии он прочертил ровные стрелки. На бумаге Окинава показалась телом спрута, далеко протянувшего свои грозные щупальца.

— Если что-нибудь произойдет здесь или тут, или там, — сержант ткнул в концы стрелок шариковой ручкой, — нам легче всего послать войска именно с Окинав.

Мы сидели за столиком в советском павильоне «Экспо». Мне часто приходилось беседовать с посетителями. Я сам попросил американца об этом уроке географии, и он преподнес его так, как учили на базе.

* * *

«Опасно! Дорога закрыта». Надпись на желтом щите выведена крупными черными буквами по-английски и повторена иероглифами. Несколько раз в году по дороге № 104, что пересекает остров с запада на восток, проезжает армейский грузовик. Из кузова выпрыгивают солдаты и ставят щит поперек проезжей части, а неподалеку укрывают портативную рацию. Один пикет занимает позицию возле пересечения с дорогой № 329, другой возле Кисэнбару, деревушки в 63 двора. В это время на полигоне Хансен расчехляют и выдвигают на огневой рубеж гаубичную батарею. Через несколько минут грянет залп — и над дорогой № 104 засвистят снаряды.

Я видел желтый щит, когда ехал из Наго в Кодзу на рейсовом автобусе. Автобус отъехал от одноэтажного обшарпанного здания автовокзала и несколько километров катил по широкому асфальтированному шоссе вдоль берега Восточно-Китайского моря. На первой же развязке шофер, пожилой рюкюсец, свернул налево. За окнами мелькнула бамбуковая роща, небольшая деревушка, кладбище из нескольких старых склепов с потемневшими крышами, поля сахарного тростника. Вскоре по стеклам защелкали ветки сосен. Надрывался издавший виды мотор, машина поднималась

по немощеной горной дороге. Но вот перевал позади, и навстречу снова побежала лента асфальта.

Слева лизали берег волны Тихого океана, а справа потянулись ряды колючей проволоки с табличками через каждую сотню метров: «Осторожно, территория охраняется сторожевыми собаками». Проволока то спускалась в лощины, то карабкалась на вершины холмов.

«Сиронара, Сиронара, — объявил тонкий девичий голосок, — желающие сойти нажмите кнопку над сиденьем». В тот момент над нами затарахтел вертолет. Сначала он летел рядом, и мне были хорошо видны опознавательные знаки морской пехоты. Затем пилот резко повернул вправо, и вертолет скрылся за холмами по другую сторону колючей проволоки. Туда уходила узкая проселочная дорога. У поворота в кустах стоял на сей раз ненужный желтый щит. В тот день проезд был свободен.

Дорога № 104 невелика — всего 8,8 километра, из них 3,6 — на территории полигона Хансен. Это кратчайший путь между городками Онна на западе и Кин на востоке острова. На полпути между ними примостилась Кисэнбару. Ее жители по дороге добираются к своим полям, подвозят удобрения и инвентарь. Их дети ходят по дороге в школу. Если кто-то в деревне заболел, по ней сюда придет врач. Вот и все транспортное значение дороги № 104. В масштабах Окинавы оно ничтожно, но случилось так, что она стала линией фронта борьбы за «остров без колючей проволоки».

Первый залп раздался на полигоне Хансен в конце апреля 1973 года. Власти префектуры послали американскому командованию протест. Пока тянулась официальная переписка, на полигоне снова заговорили пушки. Местные жители ответили митингами и демонстрациями. Руководство движением взяла на себя группа молодых рабочих — активистов префектурального отделения Всеяпонского совета борьбы за запрещение атомного и водородного оружия.

Полигон охраняли сотни полицейских и американских солдат в пешем строю и на бронетранспортерах. Но утром 20 февраля 1974 года гаубицы успели выстрелить только четыре раза. Демонстранты прорвались на полигон. Их машины встали там, где пролетали снаряды. Орудия замолчали, но после полудня стали

стрелять прямо над людьми. Даже местное командование японских сил самообороны и полиция потребовали прекратить учения, но батарея продолжала огонь до тех пор, пока не кончились снаряды.

16 октября 1974 года орудия успели до полудня сделать 40 залпов по горе Буту, где находились мишени. Раскаленным стволам дали отдых до часа дня. Но к этому времени весь оцепленный участок дороги заполнили демонстранты. На следующий день группа молодежи прорвалась на вершину Буту. Выбить демонстрантов полиция не смогла, и учения пришлось прекратить.

Летопись битвы за дорогу № 104 была продолжена в последующие годы. Немало в ней написано новых славных страниц. Были и трагические. Во время одного из учений орудия продолжали стрелять, хотя демонстранты уже заняли полигон. Осколок снаряда тяжело ранил студента Д. Охиру. В конце апреля 1978 года 105-миллиметровые гаубицы «по ошибке» обстреляли город Наго. К счастью, никто не пострадал.

Демонстрации против американских военных баз собирают под свои транспаранты десятки тысяч человек. Окинавцы отстаивают свое право на мирную жизнь не менее решительно, чем жители Хиросимы и Нагасаки, городов, пострадавших от атомных бомбардировок. Остров хотя и не испытал на себе этого страшного оружия, в минувшей войне пережил немало горя и не хочет повторения трагедии 1945 года.

После войны американцы много строили на Окинаве, но не заводы по переработке тростника и не рыбацкие суда, кормившие доселе префектуру. Их строительные площадки постепенно приобретали очертания взлетно-посадочных полос, пирсов, казарм и складов. Так, на Окинаве появились лагеря морской пехоты Котни, Хейг, Мактереус, Шилдз, Батлер, Дзукэран, Шваб, Хансен. При строительстве последнего Пентагон был особенно щедр. С казармами и плацдармами соседствуют банк, военторг, кегельбан, офицерские и солдатские клубы и даже театр. Воинская часть упирается в огромный полигон.

В лагере Хансен разместились шесть тысяч морских пехотинцев, а 1676 крестьян потеряли за его оградой свои наделы. Кадэна заняла свыше четырех тысяч по-

лей местных земледельцев. У меня и сейчас перед глазами типичный кусочек окинавского пейзажа: ананасовая плантация у дороги Наго — Кодза, с трех сторон зажатая высоким забором полигона морской пехоты. На Окинаве нет пригодной для земледелия и невозделанной земли, а центральная часть острова — самое благодатное место для трудолюбивого окинавского крестьянина — практически целиком отнята у него под базы и полигоны. Всего американское правительство «арендует» на острове земли у 30 тысяч местных жителей.

Экономику острова, да и всей префектуры, можно сравнить с самолетом, который пытается взлететь с тормозным парашютом. «Без развитого сельского хозяйства мы не сможем добиться никакого прогресса, — сказал один из чиновников префектурального собрания, посетивший павильон СССР на „Экспо-75“, — а какое может быть сельское хозяйство, когда сеять и пасти скот практически негде: повсюду базы».

Многие крестьяне не хотят сдавать свои земли под военные объекты. Часть наделов была отнята во время войны императорской армией, затем пришли американцы и унаследовали их по праву оккупантов. Никаких карт или документов тех далеких времен не сохранилось, нет в живых и тысяч землевладельцев. Словом, концы в воду. Прошло несколько лет, и базам стало тесновато. Тогда американское командование насильно стало «арендовать» землю у крестьян. Принцип частной собственности в каждом буржуазном государстве считается священным, однако японским правительством на Окинаве он принесен в жертву сотрудничеству с Пентагоном.

Эту политику правящие круги Японии намерены продолжать и в дальнейшем. Вашингтон после падения сайгонского режима все настойчивее призывает Японию увеличивать военную мощь, и призыв этот находит в Токио горячий отклик. В «Белой книге по вопросам обороны» подчеркивается «необходимость тесного сотрудничества с вооруженными силами США в целях улучшения оснащения и усиления эффективности сил самообороны».

В годы оккупации окинавцы боролись за воссоединение с Японией. Они рассчитывали найти в ней вместо прежней метрополии союзника и покровителя. Боль-

шинство простых людей думали, что в составе Японии им будет легче добиться ликвидации американских баз. Но словно в насмешку над ними появились на огаде Кадэны, лагеря Хансена и других объектов вооруженных сил США надписи: «Проход воспрещен японским законом!».

Кадры из фильма, снятого телекомпанией Эн-Эйч-Кей, запечатлели учения морской пехоты, в частности воздушный десант с вертолетов. В номере американской армейской газеты «Старз энд страйпс» от 4 сентября 1975 года в восторженных тонах описывались прыжки морских пехотинцев в районе деревни Йомитан. «Все приземлились в пределах ста ярдов от небольшой буквы „Г“, обозначающей центр зоны,— писал в заключение очерка корреспондент.— Наблюдая за тем, как парашютисты укладывают свое снаряжение перед отправкой домой в Онна-Пойнт, я почувствовал необычайную жалость к противнику, на которого в одну прекрасную ночь может быстро и бесшумно обрушиться с неба смертоносный десант». Может быть, тогда действительно прыгали лихие ребята, однако лента более позднего времени показала совсем другое. Солдаты, попавшие в кадр, не смогли справиться с ветром и долго распутывали свои парашюты в полях сахарного тростника. Потом они прошли мимо сидевших на земле владельцев потоптанного поля— старика со старухой, распевая бравую строевую песню. Сзади тащились, ковыляя на костылях, те, кто неудачно приземлился и кому еще долго будет не до песен.

Каждый морской пехотинец проходит на Окинаве «тест на выживание». Для этого на острове отгорожены огромные участки джунглей, где солдата оставляют без пищи и винтовки. Дают лишь карту и нож. Инструкторы— специалисты по партизанской войне учат, как добывать пищу и находить питьевую воду. Об этом мне рассказывали сами солдаты, часто приходившие в наш павильон на выставке. По их словам, они живут в постоянном ожидании приказа собирать вещмешки. Один меломан пожаловался даже, что не может купить приличную стереосистему. Деньги-то есть, но, кто знает, на берег какой страны придется ступить на следующей неделе. Ведь морской пехоте для развертывания на любом тихоокеанском или азиатском участке дается всего

три дня. Весной 1975 года они ждали новой отправки во Вьетнам, «чтобы помочь эвакуации оставшихся там американцев». Были на этот счет и официальные заявления правительства США. Однако сайгонская армия рассыпалась под ударами патриотов настолько быстро, что вмешательство 3-й дивизии уже не могло ничего изменить.

В советском павильоне далеко не все военнослужащие отваживались беседовать с нами. Помню, как три молодых офицера не смогли подавить любопытства и стали расспрашивать меня о жизни советской молодежи. Я захотел узнать их имена, но они замялись. Наконец, самый активный в беседе пояснил, что с русскими им знакомиться запрещено. В упомянутой секретной директиве американского командования говорилось, что среди работников павильонов социалистических и развивающихся стран есть кадровые шпионы, а наше научно-исследовательское судно, чье прибытие в выставочный порт с нетерпением ждали, описывалось как плавучий центр сбора разведанных.

Многих это, однако, не смущало. Из бесед с солдатами я узнал, что большинство пришло в морскую пехоту, потому что потеряло надежду найти работу дома. Немало было и таких, кто хотел бы после службы поступить в университет. Сержант Гарри Фримэн из Калифорнии выделялся среди товарищей по оружию небольшим ростом и чрезвычайно добродушным выражением лица. Он был шестым ребенком в простой семье, и родители не могли собрать ему денег на учебу, а служба в морской пехоте, кроме заработка, давала право на бесплатное обучение в вузе. Эта привилегия распространялась на все виды вооруженных сил США и служила приманкой для тех, кто хотел, но не мог учиться. Отменили ее весной 1975 года, когда после резкого увеличения в стране числа безработных вербовочные пункты перестали испытывать дефицит в добровольцах. Но Гарри пошел служить раньше, и его мечта стать адвокатом, очевидно, сбудется.

Кое-кто объяснял свое пребывание в корпусе морской пехоты так: «Хочу путешествовать, посмотреть мир». Что ж, корпус, хотя он и не благотворительное туристское бюро, предоставляет для этого немало возможностей. Некоторые солдаты носят на рукавах кур-

ток красно-желтые нашивки с названием мест, где им пришлось служить: Панама, Гуам, Филиппины, Южная Корея, Тайвань, Окинава, несколько американских штатов. Их специально приучают к различным климатическим условиям, чтобы они могли стойко воевать повсюду, как поется в гимне корпуса: «От чертогов Монтесумы до берегов Триполи». Нашивки уставом не предусмотрены. Их покупают за несколько центов за воротами базы и прикрепляют к штатскому, надеваемому на время увольнений. В некоторых лавках можно заказать и хорошую вышивку гладью.

У одного парня под надписью «Морская пехота США» я увидел могильный холмик с воткнутой в него винтовкой «М-16». На прикладе болталась пробитая каска. Композицию завершали слова популярной антивоенной песни: «Куда ушли солдаты?».

— Да, меня послали во Вьетнам, — разрешил мое любопытство обладатель необычной вышивки. — Вы даже представить себе не можете, сколько горя мы принесли этой стране. Бросить бы все потраченные на эту войну деньги для борьбы с бедностью. Деньги... Один наш журнал взял средний доход американца, среднюю продолжительность трудовой жизни и перемножил на реальную цифру наших потерь во Вьетнаме. Получилась колоссальная сумма. Но разве измерить в долларах цену жизни и смерти?!

После поражения во Вьетнаме политика США по отношению к странам Азии и Тихого океана была сформулирована в «Новой тихоокеанской доктрине», провозглашенной президентом Дж. Фордом в декабре 1975 года. Американская военная мощь была названа там «основой всякого баланса сил в районе Тихого океана». В конце января следующего года министерство обороны США в своем докладе раскрыло содержание этой доктрины: «Наша стратегия ставит перед собой цель связать Индонезию, Филиппины, Южную Корею и Японию в единую линию фронта на Тихом океане». Особенно важная роль отведена Японии и Южной Корее. Вот что сказал об этом командующий вооруженными силами США в районе Тихого океана адмирал Н. Гейлер: «Американские силы в Южной Корее, дивизия морской пехоты на Окинаве, тактические военноморские и военно-воздушные силы будут оставаться

основой американского военного присутствия на Дальнем Востоке во имя обеспечения безопасности морских и воздушных путей, а также баз для нашей военной деятельности».

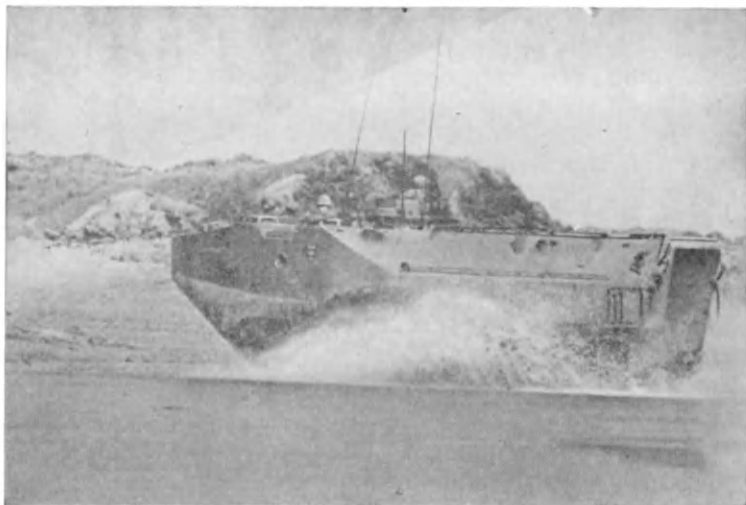
Разрабатывая свою стратегию в новой политической обстановке, правящие круги США в течение нескольких месяцев посылали в Японию одного за другим своих высокопоставленных представителей. В течение шести месяцев в страну приезжали тогдашние министр обороны Дж. Шлессинджер, министр ВМС США Д. Миддендорф, министр армии М. Р. Гофман, председатель объединенного комитета начальников штабов Дж. Браун, другие руководители военного ведомства и крупные военачальники.

Один из моментов визита Д. Миддендорфа на Окинаву транслировался по американскому каналу телевидения. Министр в маскировочной униформе стоял на стрельбище и наблюдал, как морские пехотинцы из гранатомета расстреливали движущуюся мишень танка. Затем он сам взял в руки оружие и поразил две мишени.

После этих визитов десантные корабли с солдатами 3-й дивизии морской пехоты стали все чаще появляться возле берегов Южной Кореи. Когда они штурмовали плацдармы на берегу, их поддерживали огнем корабли 7-го флота США, тоже приплывшие с баз, расположенных на территории Японии. Воздушное прикрытие обеспечивало подразделение морской авиации с американской базы в Ивакуни. Немало учебных вылетов над Корейским полуостровом совершили и эскадрильи с Кадэны.

* * *

В августе 1979 года штурмом с моря была вновь взята сама Окинава. 40 тысяч американских военнослужащих, 280 самолетов и 26 боевых кораблей приняли участие в грандиозном военном спектакле под кодовым названием «Фортрис гэйл» («Буря над крепостью»). Противника изображали те же морские пехотинцы, только со звездами на касках и образцами советского оружия в руках. С воздуха их поддерживали истребители «F-5», представлявшие советские «МИГи». С по-



Морская пехота отрабатывает операции по захвату морских проливов

мощью такой бутафории Пентагон решил инсценировать освобождение острова от захватившего его неприятеля — какого, вообразить нетрудно.

Устроители маневров планировали убить двух зайцев: пугануть население Японии еще раз пресловутой «советской военной угрозой» и провести репетицию действий создаваемого «корпуса быстрого развертывания», основу которого должны составить дивизии морской пехоты. Новости «с полей сражений» проникли через телеантенны в каждый японский дом, заставив все население замирать от лязга гусениц и разрывов тяжелых снарядов.

По мнению японского еженедельника «Экономиста», проведение этих крупнейших за всю послевоенную историю Окинавы военных учений ознаменовало возложение на нее Пентагоном новой роли — опорного пункта по переброске в случае необходимости 7-го флота США из западной части Тихого океана в Индийский, на Ближний Восток, к проливам, где проходят важнейшие пути доставки ближневосточной нефти. Газета «Старз энд страйпс» без обиняков объяснила, что на Окинаве шла

отработка захвата проливов, находящихся в руках противника.

Особенно наглядно стала раскрываться новая роль Окинавы с конца января 1980 года после провозглашения так называемой «доктрины президента Картера». США предоставили самим себе «право» вмешиваться, в том числе военной силой, в события во всех районах, где затронуты их интересы — то есть интересы американских монополий.

В то время резко обострились отношения Вашингтона с Ираном. «Для содействия освобождению удерживаемых иранскими студентами американских заложников» Пентагон стянул в Аравийское море огромную армаду боевых кораблей во главе с ударными авианосцами. Однако главным средством давления на Иран признавалась угроза десанта морских пехотинцев в районах его нефтепромыслов. По замыслам стратегов с берегов Потомака, одними из первых на новый театр военных действий должны прибыть части 3-й дивизии.

Когда отделение Японского комитета мира на Окинаве потребовало разъяснить причины эскалации военных маневров, власти признали, что «дивизия готовится к переброске в Иран и некоторые другие районы Ближнего и Среднего Востока». Об этом сообщила 3 февраля 1980 года газета японских коммунистов «Акахата».

Одновременно о жандармских планах морской пехоты заговорили и руководители вашингтонской администрации. Выступая 28 января 1980 года в американской столице на пресс-конференции, министр обороны США Гарольд Браун заявил о возможном использовании 3-й дивизии в Персидском заливе. Он даже уточнил, что из окинавских казарм ее части будут добираться туда две-три недели. Еще дальше зашел командующий корпусом морской пехоты генерал Р. Бэрроу. Как сказал он в конгрессе, подразделения с Окинавы могут быть переброшены в любой район Тихого и Индийского океанов, а также в Африку и на Ближний Восток. В мою бытность на острове подобные откровения можно было услышать лишь от солдат и унтер-офицеров. Те, что рангом повыше, говорили только об обеспечении безопасности Японии. Ныне и военные и политики отбросили эту ненужную маску.

Агентство Киодо Цусин предсказало возможное смущение в правящих кругах Японии, но все пошло по написанному в Вашингтоне сценарию. Официальный Токио фактически отрезся даже от куцой оговорки в совместном договоре безопасности, которая требует от США предварительных консультаций с ним перед посылкой войск с японской территории. Для такой капитулянтской позиции было найдено и соответствующее оправдание. В заявлении японского МИД по этому поводу говорится, что отправка морских пехотинцев с Окинавы в Персидский залив означает их вывод из Японии, не более.

Подобные объяснения не устроили окинавских борцов за мир, усиливших кампанию против превращения префектуры в трамплин для карательных вылазок против других народов. Чтобы запугать их, власти провели в Нахе судебный процесс над четырьмя профсоюзными активистами во главе с 34-летним рабочим С. Агариэ, которые сорвали стрельбы морской пехоты на полигоне Хансен. Американское командование призвало «усмирить смутьянов». Откликаясь на этот призыв, суд приговорил их 5 мая 1980 года к трем месяцам тюремного заключения.

«„В-52“ — страшный самолет. Холодок по спине пробегает, когда он летит над нашими крышами», — написала в своем школьном сочинении на тему «Наш остров» шестиклассница Томоко Тамагусуку.

Это еще одна «птица Кадэны». Сейчас их гнездо снова на Гуаме. Кадэну они облюбовали в годы войны во Вьетнаме. Отсюда было удобнее бомбить города и села героической страны. За своих жен и детей пилоты не беспокоились. На военный городок Кадэны не упала ни одна бомба.

Эскадрилья стратегических бомбардировщиков улетела вскоре после возвращения Окинавы Японии. Но в ноябре 1975 года на землю острова снова легли зловещие тени. «Над Гуамом тайфун», — поспешило с разъяснением американское командование. А над Окинавой стояла редкая для того времени года ясная погода. Но только не погода мешала посадке. Новые заграждения выросли возле ворот, наряды полиции в шлемах и со щитами патрулировали подступы к аэродрому: Кадэна оказалась в осаде. Волны демонстран-

тов с плакатами «Вон „В-52“!» накатывались на авиабазу. Все местные газеты на первых полосах публиковали репортажи о борьбе населения префектуры за изгнание бомбардировщиков. Требования окинавцев поддерживали префектуральные власти. Самолеты снова улетели, но через несколько недель вернулись в Кадэну, чтобы переждать очередной тайфун. По распоряжению американского командования одновременно с визитами «В-52» начались учебные ядерные бомбардировки полигона на Иэ. «Фантомы» уже без стеснения летали над проливом между островом и выставкой. Вместо стыдливого маскарада — демонстрация военной мощи. Эта перемена в тактике была вызвана усилением в США и других крупных капиталистических странах антикоммунистической кампании после поражения контрреволюционных сил в Анголе.

Лагерь морской пехоты и Кадэна — это 95 процентов американских войск на Окинаве. Всего в префектуре 61 военный объект США. Американские базы и полигоны на Окинаве по территории больше, чем аналогичные объекты на основных Японских островах. Однако думать, что базы наносят вред экономике префектуры лишь тем, что занимают ее лучшие земли, было бы неверно. Из 390 тысяч трудоспособных окинавцев 245,7 тысячи заняты в непроизводительной сфере услуг. Что это за услуги? Работа на территории военных объектов. В 1966 году там было нанято 38 тысяч окинавцев. Сталкиваясь с растущим из года в год дефицитом платежного баланса, Соединенные Штаты решили экономить на своих заморских базах, но только не за счет сокращения их боевой мощи, а за счет программы так называемой рационализации труда, в результате чего там осталось лишь восемь тысяч местных рабочих, из которых почти две тысячи заняты в Кадэне. На первый взгляд не так уж и много. Но если присмотреться повнимательней к структуре окинавской сферы услуг, то окажется, что значительная часть ее органически сплелась с базами, их персоналом и членами их семей.

В качестве примера можно привести Кодзу. После «битвы за Окинаву», когда весь остров лежал в руинах, американцы без труда за гроши нанимали для нужд военного строительства голодных и оборванных людей. Кодза возникла вокруг вербовочного пункта для строи-

тельных работ оккупационной армии. Она получила статус города в 1956 году, имея население 35 тысяч человек.

И раньше, и теперь почти все население Кодзы обслуживало и обслуживает американских солдат и офицеров. Продавцы в магазинах на центральных улицах города настолько привыкли иметь дело с долларами, что, принимая от нас иены, обязательно пересчитывали полученную сумму на доллары. Американских военнослужащих обшивают специальные ателье, у них есть и рестораны, куда редко заглядывают посторонние. Неподалеку — отличные поля для игры в гольф и даже два искусственных катка, тоже в основном для американцев.

Немало барышей смогли урвать наиболее удачливые коммерсанты во время войны во Вьетнаме, когда Окинава была зоной отдыха американских войск. Вырвавшиеся из-под ока командиров подчиненные в своем необузданном веселье часто переходят границы закона. Потасовки, издевательства над местными жителями, спекуляция, насилия и грабежи — обычные явления не только в кварталах развлечений, но и далеко за их пределами. Тот же самый номер газеты «Старз энд страйпс», что расхваливает парашютистов, на этой же странице сообщает об аресте полицией в Нахе двух морских пехотинцев из лагеря Хансен за угон машины. В багажнике при обыске были обнаружены две винтовки «М-16» и 57 патронов, с помощью которых злоумышленники надеялись захватить в порту какое-нибудь судно.

Местные власти после передачи Окинавы Японии планировали коренную перестройку экономики Кодзы. Этот единственный во всей Японии город, чье название не пишется иероглифами, решили переименовать в город Окинаву, присоединив к нему прибрежную деревню, где намечалось строительство крупнейшего на острове грузового порта. Сам город должен был стать важным промышленным и туристским центром, а авиабаза Кадэна — гражданским международным аэропортом. Но из перевоплощения Кодзы ничего не получилось — она не стала мирным городом. Новое название мелькнуло на нескольких географических картах и исчезло. В расписаниях автобусов на окинавских авто-

вокзалах по-прежнему фигурирует «Кодза». Старая суть — старое название.

В нашем павильоне на «Экспо» мне довелось беседовать с молодым жителем этого города по фамилии Хига, который работал механиком на одной из американских баз. Хига сказал, что, как и большинство окинавцев, он хочет видеть свою родину свободной от баз и полигонов.

— Ты же потеряешь работу и, возможно, не скоро найдешь новую?

— Да, это так, — задумчиво ответил он. — Но наш остров будет свободным, а временные трудности мы постепенно преодолеем. Мы гостеприимный народ. Пусть американцы приезжают к нам как туристы, а не хозяйничают на нашей земле.

До настоящего времени выступления окинавцев против американских военных баз и петиции властей префектуры наталкиваются на глухую стену. Возвращение Окинавы Японии пошло Пентагону на руку. Его агрессивные планы теперь под защитой японского закона и правительства. Очевидно, в Токио рассчитывают на покорный и терпеливый характер окинавцев. Ошибочный расчет. Потомки древних жителей королевства Рюкю устанут, наконец, ждать, когда из «земли богов» к ним снизойдет счастье, и сами добудут его в нелегкой и неравной борьбе с американскими штыками и японскими полицейскими дубинками.

* * *

— Зачем вам мое имя? Я такой же как все военные летчики, майор ВВС.

Человек в ковбойке и брюках фирмы «Ливайс» от смущения почесал свой бритый затылок. Прически у всех военных одинаково короткие, но брюки с фирменной этикеткой говорили о том, что передо мной старший офицер. Служивые пониже рангом и помоложе обычно носят за пределами баз джинсы.

Немногие пилоты Кадэны оказались словоохотливыми собеседниками, некоторые, как и морские пехотинцы, вообще не вступали в разговор. Майору, который не хотел выделять себя из общей массы, я задал всего несколько вопросов:

— Почему вы пошли в ВВС?

— Я люблю путешествовать. Хотел посмотреть мир. У ВВС для этого самые широкие возможности.

— Насколько вам это удалось?

— Я не летал только в коммунистические страны. Из Кадэны можно попасть куда угодно. В последние годы я дважды бывал в ЮАР, был в Турции, Иране, Пакистане, Таиланде, во Вьетнаме. В этой стране мне особенно понравилась природа и пляжи, а женщины там — просто чудо.

— Выходит, вы там отдыхали?

— Нет, работал.

— ???

— Не удивляйтесь. Хирург делает свою работу, военный летчик — свою. Я летал главным образом над Южным Вьетнамом, а точнее, над провинцией Куангчи...

Шокирующее сравнение. Врач спасает людей от смерти, возвращает здоровье. Несколько часов не отходил от операционного стола хирург-вьетнамец, чтобы жил искалеченный воздушным пиратом человек, а тому нужно было только открыть бомболюк — дальше конвейер смерти работал без его участия. Майор не знает, скольких детей он сделал сиротами. Впрочем, подробности о своей «работе» во Вьетнаме он рассказывать не стал. Боялся, что его не так поймут.

Не поймут его и молодые коллеги, не запятнавшие себя кровью невинных жертв. Профессия убийцы многим курсантам военных училищ сегодня не импонирует. Даже в самом привилегированном из них — Уэст-Пойнте, по свидетельству западногерманского журнала «Шпигель», заговорили об этике. Там учат, что слепо выполнять приказ, каким бы он ни был, нельзя.

Несколько лет назад такое утверждение в этих стенах сочли бы кощунством. Но «фельдфебелям» и «вольтерам» из Пентагона приходится изворачиваться. Слушателей теперь волнует вопрос, не могут ли из них сделать палачей наподобие лейтенанта Колли. Он ведь тоже «всего лишь исполнял приказ». Будущие пилоты спрашивают, есть ли моральная разница между расстрелом мирных жителей на земле и убийством их с воздуха. Даже выдавший виды начальник военно-морского училища в Аннаполисе растерялся. «На этот во-

прос нет однозначного ответа», — выдавил он после долгих раздумий.

Перемены в международных отношениях оказывают влияние и на вооруженные силы США, даже несмотря на то, что в аудиториях Кадэны и лагеря Хансен разряда преподносятся в своеобразной интерпретации Пентагона. Солдаты и офицеры на Окинаве — этом «передовом бастионе свободного мира» думают порою совсем не так, как хотелось бы в министерстве обороны.

Открытие «Экспо-75» совпало по времени с важным событием в освоении космоса, в истории американо-советских отношений. Стыковались космические корабли «Союз» и «Аполлон», высоко над землей пожали друг другу руки космонавты СССР и США.

За полтора года до этого я присутствовал на диспуте советских и американских студентов в Московском государственном университете. Кто-то из американцев назвал тогда предстоящую стыковку внешне эффективным фактом для прессы, не способным затронуть души простых русских и американцев. Прогноз оказался в корне неверным.

Я перебираю сейчас в памяти все, связанное с моим пребыванием на Окинаве, и могу сказать, что самое сильное впечатление осталось от тех незабываемых дней на «Экспо», когда стриженные парни в джинсах подходили к нам и жали руки, поздравляя с совместной стыковкой. Они были совершенно искренне рады тому, что с советскими людьми можно сотрудничать и укреплять дружбу.

Капитан ВВС Боб Пиппин пришел в наш павильон в костюме для народных танцев с партнершей в пышной пачке: офицерские клубы устраивали на выставке свои представления. Беседа настолько увлекла его, что забытая дама так и ушла одна. Капитан говорил о политике, используя ковбойские мотивы:

— В баре за столом сидят два ковбоя. Кольт Билла направлен на Джона, дуло Джона смотрит прямо в грудь Билла. Кто бы из них первым ни выстрелил, получит в ответ смертельную пулю. Поэтому никто из них не стреляет. Они пытаются уговорить друг друга бросить оружие. Но каждый боится сделать это первым. Вдруг да его примеру не последуют!

Круглое лицо моего собеседника даже покраснело от напряжения, как будто он решал задачу великой важности.

— Я имею в виду наши страны. И мы понимаем, и вы понимаете, что гонка вооружений бессмысленна. Нашей стране позарез необходимы те миллиарды, которые идут на ракеты и самолеты, вашей — тоже. Но мы военные, наше дело получить приказ и действовать. Пусть договариваются политики.

Рассказ про ковбоев не так уже оригинален. На миф о «советской угрозе» американские газеты не жалеют бумаги, а радио и телевидение — времени. В казармах идею об «агрессивности» Советского Союза вдалбливают с еще большим рвением.

Неудивительно, что многие из расквартированных на Окинаве солдат и офицеров верят в постулаты «холодной войны». Боб Пиппин тоже не безгрешен. Но его действительно беспокоит то, что соотечественникам в Штатах не живется лучше оттого, что в Кадэне становится больше самолетов.

Еще одна встреча в павильоне заставила предаться воспоминаниям. В сентябре 1973 года вместе с корреспондентом американской газеты «Крисчен сайенс мониторинг» Лео Грулевым я побывал на воинском кладбище в Полтаве. Там среди могил советских воинов похоронены два американских летчика — Рэймонд Эстелс и Джозеф Кукачек. Они погибли во время налета фашистов на аэродром, который в годы войны советские и американские самолеты использовали совместно. И вот спустя два года их боевой товарищ пришел к нам.

Сейчас этому человеку уже за шестьдесят. Его зовут Джон Уоллес. После ухода в отставку он остался жить на острове вместе с двумя окинавскими мальчишками — приемными сыновьями.

— Я не помню всех подробностей того налета, имен русских, с которыми встречался. Время стирает из памяти детали, но мы, ветераны той великой войны, помним и, пока живы, будем помнить, что с русскими мы сражались за чистое небо над всей землей.

Уоллес крепко пожал мою руку и направился к выходу из павильона. На несколько мгновений он задержался в дверях, ослепленный заходящим солнцем.

Казалось, оно садилось где-то возле острова Иэ, и от туда до выставки через пролив тянулся широкий огненный след.

* * *

Окинава провожала нас ласковым безоблачным утром. Мы ехали по шоссе № 58 в аэропорт Нахи. Восход застал наш автобус в пути возле Кадэны. Небо было совершенно безоблачным, и край солнечного диска хорошо просматривался за колючей проволокой авиабазы. Бетонные бункера складов бросали на дорогу длинные черные тени.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	3
КАМНИ, ЛЕГЕНДЫ И ФАКТЫ	10
БЕДНЫЕ РОДСТВЕННИКИ	26
САМЫЙ ТЕСНЫЙ В МИРЕ ГОРОД	40
«С ОКИНАВЫ В РОССИЮ ПОСЫЛАЮ ЛЮБОВЬ!» .	52
В ТЕНИ ЧЕРЕПИЧНЫХ КРЫШ	74
ИЗУМРУД В БИРЮЗОВОЙ ОПРАВЕ	108
«КОРРИДА», «КОВБОЙ» И КИМОНО	116
СОЛНЦЕ ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ	125

- Сапронов В. А.**
С19 Остров, куда не вернулся мир. Очерки об Окинаве. М. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1981.

150 с. с ил. («Рассказы о странах Востока»).

Книга представляет собой серию очерков, в которых рассказывается о национальных особенностях рюкюсцев — жителей островов Рюкю, их традициях, обычаях и верованиях. Читатель узнает об истории и хозяйстве этой японской префектуры, о ее древней самобытной культуре, а также о политической жизни островов, об упорной борьбе населения за ликвидацию американских баз и полигонов, за мир и демократию.

С $\frac{20901-080}{013(02)-81}$ —146-81. 1905020000

91 (И5)

Владимир Андреевич Сапронов

ОСТРОВ, КУДА НЕ ВЕРНУЛСЯ МИР

Очерки об Окинаве

*Утверждено к печати
редколлекцией серии «Рассказы
о странах Востока»*

Редактор *Р. Г. Стороженко*
Младший редактор *М. В. Малькова*
Художник *Л. С. Эрман*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *Л. Е. Синенко*
Корректор *П. С. Шин*

ИБ № 14244

Сдано в набор 17.10.80. Подписано к печати 25.03.81. А-08456. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая Усл. п. л. 7,98. Усл. кр.-отт. 8,28. Уч.-изд. л. 8,3. Тираж 30 000 экз. Изд. № 4717. Тип. зак № 693 Цена 50 коп

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

Отпечатано в
Производственно-издательском
комбинате ВИНТИИ
г. Люберцы, Октябрьский пр-кт, 403
Заказ 3208

50 коп.